

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ МОРДВЫ
ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ
НАШЕЙ ЭРЫ**

63

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1979

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ МОРДВЫ
ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
НАШЕЙ ЭРЫ

Труды, вып. 63

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1979

Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Науч.-иссл. ин-т языка, лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Ред. кол., докт ист. наук, проф. Г. А. Федоров-Давыдов, канд. ист. наук М. В. Дорожкин, В. Н. Мартьянов, И. М. Петербургский.—Саранск; Мордов. кн. изд-во, 1979—172 с. с рис.—Библиогр. — (Труды, вып. 63).

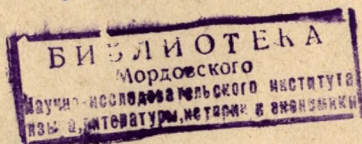
902.6

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор Г. А. Федоров-Давыдов (ответственный редактор), кандидаты исторических наук М. В. Дорожкин, В. Н. Мартьянов, И. М. Петербургский.

59901

A — 0—1—6—2—098
М 130(03)—78

© Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом читателю сборнике содержатся работы, посвященные археологии и отчасти этнографии и лингвистике мордвы.

В большой статье М. Р. Полесских дается материал из его раскопок Армиевского могильника. Этот могильник, впервые раскопанный П. С. Рыковым, давно стал важнейшим археологическим памятником мордвы. Его место в древней истории мордовского народа хорошо определено. Публикация материалов раскопок М. Р. Полесских продвинет дальше изучение ранних этапов истории посурской мордвы и ее материальной культуры.

Публикация И. М. Петербургского знакомит с материалами Журавкинского могильника в Zubovo-Полянском районе Мордовской АССР. Этот памятник, датируемый VIII—XI вв., характеризует материальную культуру мордвы-мокши и дает много нового для изучения древней истории районов по рекам Цне, Суре и их притокам.

Статья В. Н. Мартынова и Д. Т. Надькина посвящена вопросу об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья в I тыс. н. э. Привлекая новые материалы, в частности данные диалектологии, авторам удалось сделать ряд новых выводов в этом спорном вопросе. Они доказывают, что население рязанского и муромского Поочья в I тыс. н. э. было основным субстратом мордвы-эрзи.

Интересна небольшая заметка Ю. А. Зеленева и В. Н. Шитова о плане Старокадомского могильника. Авторы показывают зависимость планировки могильника от хронологии захоронений и социальной принадлежности погребенных.

Проблеме генезиса южномордовских племен посвящена

статья В. И. Вихляева. Автор полемизирует с теми исследователями, которые связывают возникновение древнейших мордовских могильников с приходом из районов Камы нового населения. В. И. Вихляев доказывает большую перспективность гипотезы о непосредственном происхождении мордвы от городцевских племен.

Статья В. Н. Мартыанова о Федоровском городище является публикацией новых материалов по археологии мордвы рубежа I и II тыс. н. э.; находкам древнейших каменных орудий на западной окраине Приволжской возвышенности посвящена заметка В. Д. Артемовой; раскопкам на Тоторшевском могильнике XIV—XVII вв. — статья А. Ф. Богачева.

В целом публикуемые новые материалы важны для исследования этногенеза мордовского народа. Сборник, несомненно, послужит дальнейшему развитию мордовской археологии и будет полезен всем изучающим археологию и этнографию финно-угорских народов.

Профессор Г. А. Федоров-Давыдов.

М. Р. ПОЛЕСКИХ

АРМИЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1960, 1961 и 1969 гг. были продолжены раскопки Армиевского могильника, открытого П. С. Рыковым в 1926 г. Материалы новых погребений (№№ 129—239) позволяют уточнить ряд положений и выводов, высказанных П. С. Рыковым¹, особенно в свете исследования вновь открытых пензенских могильников I тыс. н. э.

Могильник находится на пашне, в 4,5 км к западу от с. Армиева Шемышейского района Пензенской области по обеим сторонам быстро растущего оврага Рузаньлатка, выходящего к древнему оврагу Модаевка. С запада к новым раскопкам примыкает почти исчезнувший в овражной осыпи раскоп П. С. Рыкова.

Захоронения находились в грунте на разной глубине, не перекрывая друг друга (за небольшим исключением). Следовательно, в свое время они имели какие-то опознавательные знаки. Возможно, это были столбики, ямки от которых диаметром около 8 см найдены по углам дна могилы 177. Из 239 вскрытых во всем могильнике погребений мужских — 60, женских — 94, детских — 25, в 60 — пол и возраст не определены. Могильные ямы имеют прямоугольную форму, часто с округлыми углами. Стенки ям прямые, вертикальные или суживающиеся ко дну. Дно прямое или желобчатое, чаще ровное, чем бугристое. В погребении 202 есть подбой, в погребении 228 — приступка (рис. 2). Ямы относительно неглубокие. Преобладает глубина 76—125 см, длина 181—220 см, ширина 51—70 см (рис. 3). Размеры могильных ям, в частности их длина, не зависят от пола или социального положения погребенных. Так, например, женское погребение 36 имеет размер 260×80 см, бедные мужские погребения 26 и 76 — соответ-

ственно 220×70 см и 225×80 см. Некоторые исключения представляют лишь могилы воинов, где длина ям колеблется в пределах 220—250 см.

Основу ритуала захоронений составляло трупоположение, без гробов, вытянуто, на спине, что вместе с формой могильных ям повторяет особенности ритуала предшествующих селиксенских захоронений. На плане могильника у П. С. Рыкова все могилы ориентированы по линии север—юг. В наших раскопках это явление не повторилось, ямы ориентированы по-разному (рис. 1). Но преобладает ориентировка умерших головой на юг и юго-запад².

Таблица 1

Ориентировка погребенных					
Ориентировка Раскопки	Ю	Ю-З	С	С-В	Неопределенная
П. С. Рыкова	101	1	—	1	25
М. Р. Полесских	5	48	5	—	53
Всего	106	49	5	1	78

Южная ориентировка в пензенских могильниках появляется на втором переходном этапе могильников селиксенского типа, в частности в Ражкинском³. Не исключено, что это явление — результат влияния ритуальных обычаев поздних сарматов, с которыми контактировала селиксенская мордва⁴.

Руки погребенных были сложены на груди или животе, что характерно для женских (29 женских и 1 мужское), или вытянуты вдоль туловища, что характерно для мужских захоронений (5 мужских и 2 женских). В 25 могилах прослежена лубяная подстилка (или обкладка), а в погребении 8 остатки луба и ткани. Яма мужского погребения 178 была обложена лубом, сожженным в яме. Сожжена лубяная подстилка и в погребении 150. В 20 погребениях на дне найдены угли и зола, в погребении 187 — песок, в погребении 197 — куски меловой породы. Очень часты случаи (80 погребений) присутствия в засыпке могил угольков, керамики, костей домашних животных, особенно коровы — в 13 случаях, лошади — в 5, овцы — в 2.

Сохранность костяков плохая, особенно черепов. В целом ряде случаев от них остались лишь незначительные фрагменты, чаще в виде мелоподобной массы. Относительно целые были черепа из женских погребений 160, 197, 230 и детского — 164. Визуально — черепа долихокранные и мезокранные.

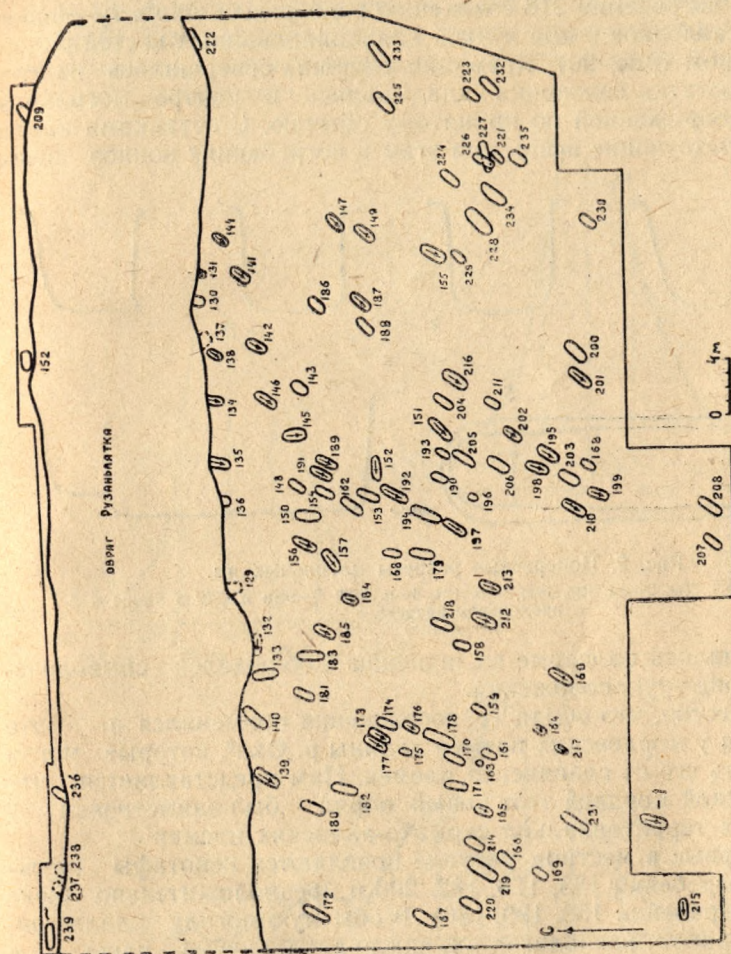

Рис. 1. План Арминьевского могильника. Раскопки 1960, 1961, 1969 гг.
1—ориентировка погребенного.

Впервые в ранних пензенских могильниках зафиксированы трупосожжения (если не считать единственного трупосожжения в предшествующем Селикса-Трофимовском могильнике⁵). Это погребения 28, 133, 153, 154, 211, возможно 140 и 202. В погребении 218 сожжению подверглось лишь туловище, представленное в яме кучкой кальцинированных костей рядом с черепом (рис. 20). Кремация умерших совершалась на стороне, остатки сожжения складывались в центре могильной ямы, сооруженной по принятому обычаю. С останками клали соответствующие вещи, при этом в погребениях воинов вещи

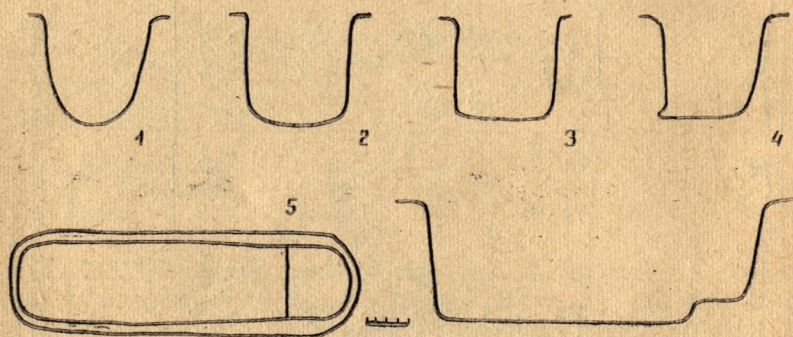

Рис. 2. Поперечные разрезы могильных ям.

1—пп. 168, 189; 2—пп. 157, 190; 3—п. 194, 4—п. 202; 5—яма п. 228 в плане и продольном разрезе.

размещались по форме их ношения. Соблюдался символически обряд трупоположения.

Известно, что обряд трупосожжения применялся в это время и у мордовских племен долины р. Оки⁶, которые могли перенять его от славянских племен. Нам представляется, что пензенской мордвой этот новый обряд был заимствован у близких территориально сармато-аланских племен⁷.

Впервые в местном ритуале появляются кенотафы (мужские погребения 153, 178, 182, 206 и предположительно женские погребения 158, 180, 186). В обычную могилу клали вещи умершего, располагая их, как правило, кучно, чаще в центре ямы или в определенном порядке. Характерно, что все мужские кенотафы принадлежали воинам с мечами (рис. 21).

Единичными в этом могильнике оказались вторичные захоронения, получившие, однако, в последующее время значительное распространение (Младший Селиксенский могиль-

ник⁸). К ним относятся женское погребение 228 и мужское — 109.

Почти каждое захоронение в Армиевском могильнике сопровождалось лепным глиняным сосудом горшкообразной формы (3—5 типов), относительно небольших размеров (рис. 6, табл. 2). Изготовлены они из хорошо промешанного глиняного теста с включением песка, часто имеют ровную и довольно гладкую поверхность.

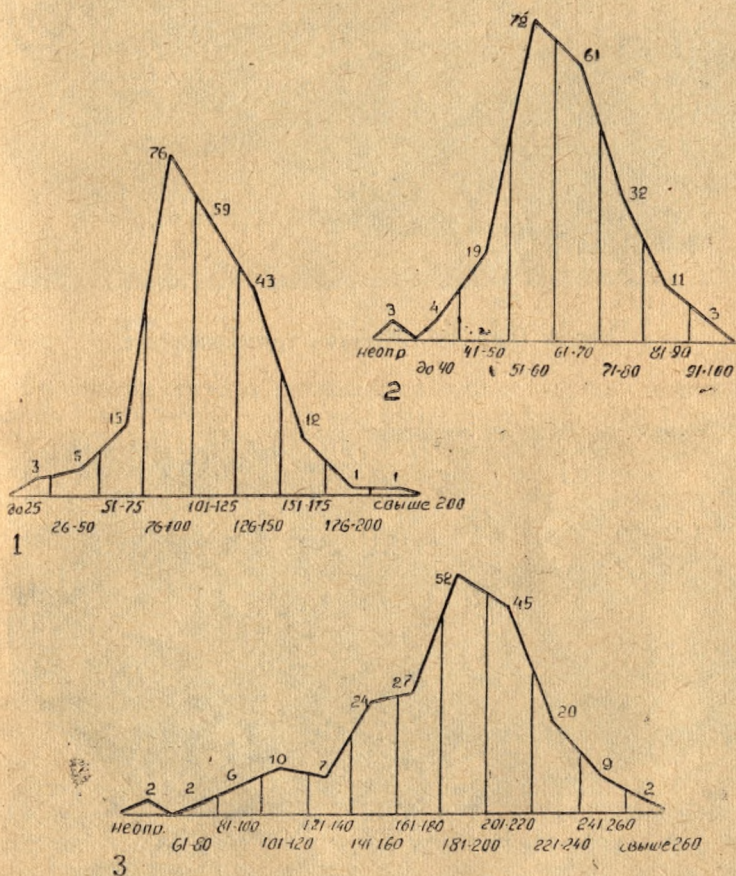

Рис. 3. Гистограммы частоты размеров могильных ям.
1—глубина, 2—ширина, 3—длина.

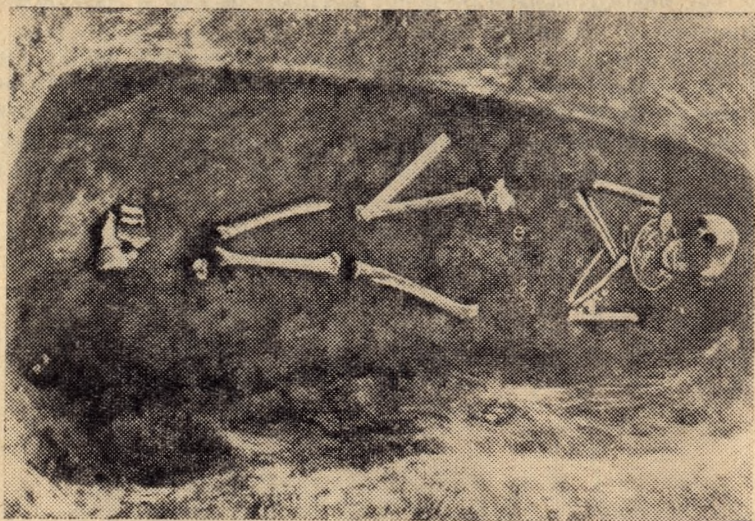

Рис. 4. Погр. 197. Женское, труположение.

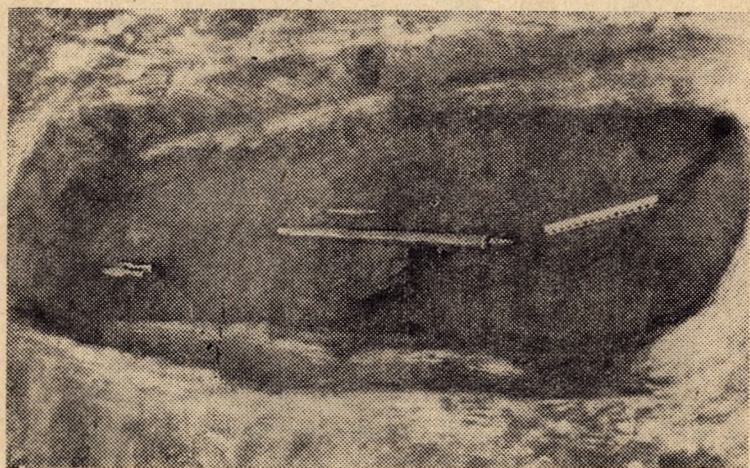

Рис. 5. Погр. 153. Мужское, кенотаф.

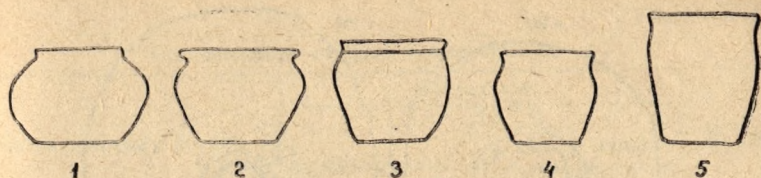

Рис. 6. Типы сосудов.

Размеры сосудов из Армиевского могильника

Таблица 2.

Типы сосудов	Количество сосудов	Среднее арифметическое измерение, в см		
		диаметр горла	диаметр дна	высота
1	3	11,7	8,2	11,3
2	5	15,2	10,0	12,1
3	13	13,5	8,2	13,3
4	22	12,5	8,4	12,0
5	4	14,6	9,2	15,6

Во многих сосудах появляются новые черты: выпуклость тулова и изогнутый, часто как бы отчеркнутый край. Появляется, в единичных случаях, острореберность (погребения 201, 214), которая более заметна на сосудах из Младшего Селиксенского могильника и синхронного ему позднейшего слоя Ахунского городища⁹. В женском погребении 154 встретился единственный орнаментированный сосуд — подострореберный горшок с невысоким прямым краем, украшенным густыми косыми насечками. Вся поверхность сосуда орнаментирована поясками из ямчатых наколов. По-прежнему большое место занимают традиционные формы — сосуды с умеренной выпуклостью боков и плавным изгибом шейки. Сосуды располагались в разных местах могилы независимо от пола и возраста погребенных (табл. 3).

Материалы Армиевского могильника генетически связаны с более ранними — типа Селиксенского и Селикса-Трофимовского могильников¹⁰. Но в то же время в материальной культуре мордвы появляются и новые черты, особенно показательные в некоторых комплексах мужских и женских богатых погребений. Опишем некоторые наиболее интересные погребения.

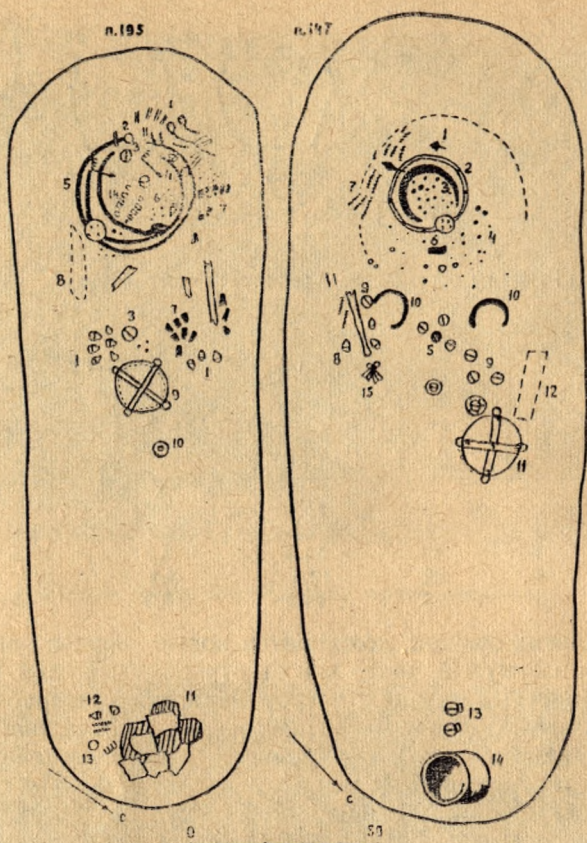

Рис. 7. Планы женских погребений 195 и 147.

Вещи при п. 195: 1—накосник, 2—перстень, 3—кольцевые застёжки, 4—височные подвески, 5—гривны, 6—бусы, 7—трапециевидные подвески, 8—следы ножа, 9—бляха, 10—пряслице, 11—горшок, 12—обувной набор, 13—колючко. Вещи при п. 147: 1—височные подвески, 2—гривна с коробочкой, 3—гривна пластинчатая, 4—бусы краснопастовые, 5—бусина мозаичная, 6—обломок гривны (?), 7—накосник, 8—бутылчатые подвески, 9—кольцевые застёжки, 10—браслеты, 11—бляха, 12—остатки ножа в деревянном футляре, 13—железные пряжки, 14—глиняный сосуд, 15—пирамидчатые подвески.

Расположение сосудов в погребениях

Расположение сосудов	Погребения				Всего
	мужские	женские	детские	неопределенные	
В головах	2	7	1	2	12
В ногах	13	27	5	6	51
Около таза	9	9	3	3	24
В головах и ногах	1	—	—	—	1
Всего	25	43	9	11	88

Погребение 195, женское (рис. 7). Умершая была положена на спину, вытянута, головой на юго-запад. Обращают на себя внимание височные подвески с грузиком и спиралькой. Грузик у них — гранчатый и имеет бипирамидальную форму (рис. 12—1), чем отличается от селиксенского типа подвесок с биконическим грузиком. Новая форма грузика зародилась в младшей переходной группе Ражкинского могильника (погребение 10)¹¹. В дальнейшем эта форма остается почти неизменной до XIII в., будучи стабильным этническим атрибутом мордвы-мокши. Возможно, ношение височных подвесок в то время отражало и некоторые социальные или иные различия среди женщин. Этим украшением обладали далеко не все погребенные женского пола (45 погребений из 112).

Описывая детали устройства и разновидности височных подвесок, П. С. Рыков справедливо указал на их древние прикамские прототипы и на их этническое значение¹². В этом же погребении имелись три кольцевые застёжки с завернутыми концами: две плоские, одна из которых орнаментирована насечками по краям, другая — серединой линией, и одна круглопроволочная с зональным елочным орнаментом (рис 8).

Еще П. П. Ефименко отмечал, что этот вид украшений происходит от пьяноборско-кошибеевских форм и пережил долгую и сложную историю¹³. Не будучи характерным украшением только для древней мордвы, кольцевые застёжки тем не менее очень типичны для пензенских могильников. В Армиевском они занимают второе место по количеству среди женских украшений и отличаются от аналогичных застёжек последующего времени отсутствием выступов в виде «усов». Лишь в не-

большом числе погребений, например 129, 173, 218, 239, сюлгамы имеют небольшие выступы (рис. 8).

Вслед за П. С. Рыковым отметим применение кольцевых застёжек не только по прямому назначению, но и в виде украшения костюма, например, в погребении 230 (рис. 13). Нам представляется более правильным деление кольцевых застёжек не по их орнаментации, как это делал П. С. Рыков¹⁴, а по сечению кольца и размерам «усов», что ограничивает типологическое членение застёжек до 3—4 типов.

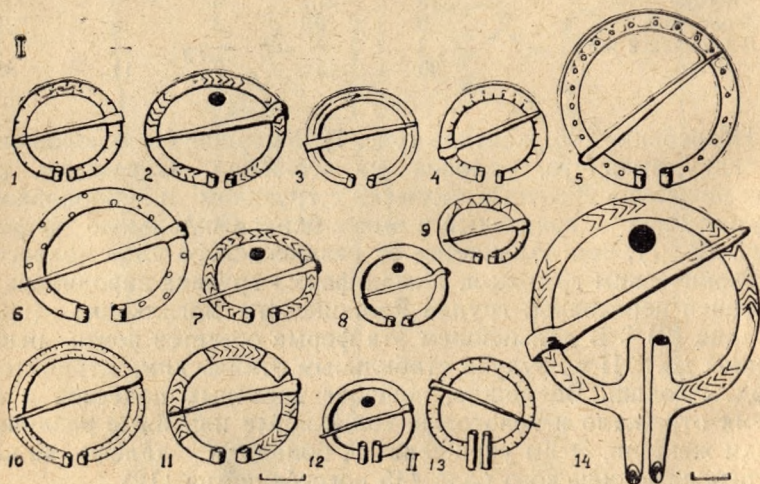

Рис. 8. Типы кольцевых застёжек из Армиевского (1—3—п. 195; 4—8—п. 147; 9—п. 152; 10—п. 230; 11—п. 149; 12—п. 129) и Младшего Селиксенского (13—п. 135, 14—п. 20) могильников.

К числу застёжек, но уже иного вида, относятся фибула из погребения 117 и брошь из погребения 12. Подобную фибулу П. С. Рыков по венгерским аналогиям датировал IV—V вв.,¹⁵ А. К. Амброз датирует VI—VII вв., что, по-видимому, соответствует действительности¹⁶.

Кольцевые броши из Армиевского и Младшего Селиксенского могильников (погребение 32) имеют парные округлые выступы и рельефный веревочный орнамент. В V—VII вв. этот вид украшений был распространен среди племен, связанных с аланским культурным миром. Броши встречены в могильниках Башкирии, Мордовии и в других местах.

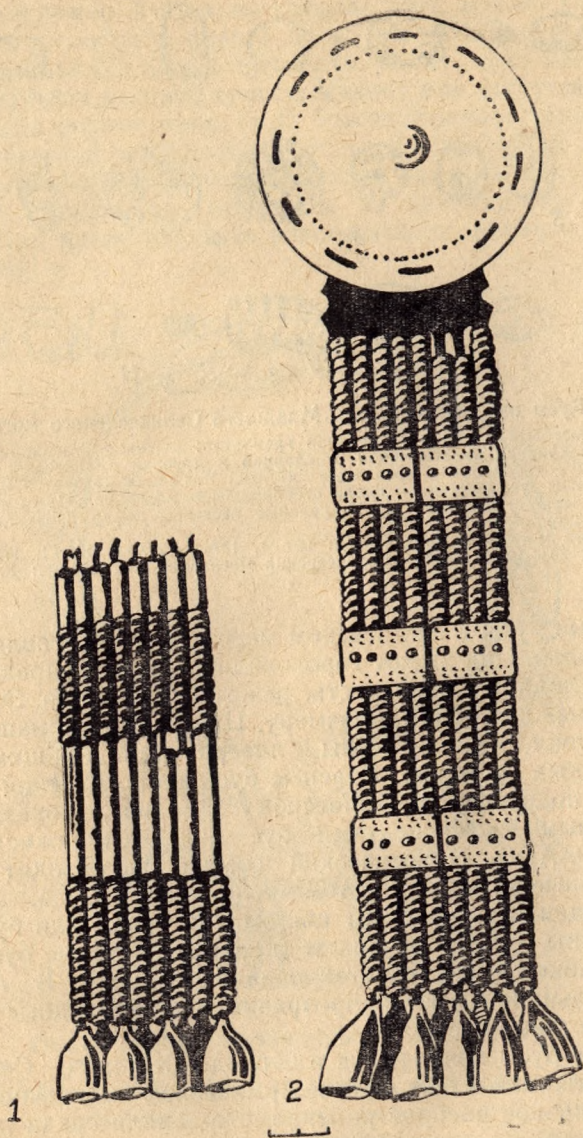

Рис. 9. Накосники из пп. 195 (1) и 138
(2—реконструкция)

Рис. 9а. Бусы из Армиевского и Младшего Селиксенского могильников.

1—красные пастовые и синяя стеклянная гранчатая; 2—синяя стеклянная, янтарная и зеленая стеклянная; 3—золоченая стеклянная и красная смальтовая; 4—красная пастовая; 5, 6—глазчатые и мозаичные цветные; 7—синяя полосатая и непрозрачная—стеклянные; 8—глазчатая и синяя стеклянные; 9—мозаичная; 10—с перистым орнаментом и черно-стеклянная; 11, 12—красные пастовые деформированные; 11, 12—мелкие — из пиролизита.

Армиевский могильник, погребения: 237—1, 187—2, 227—3, 174—4, 171—5, 224—6, 159—7, 147—8, 223—12. Младший Селиксенский могильник, погребения: 104—9, 93—10, 75—11.

Красные бусы в Армиевском могильнике составляют целые ежерелья. Они имеют гороховидную форму, изредка уплощенную, гладкую поверхность, реже шероховатую. Эти бусы разнятся между собой по размеру. Цвет в изломе напоминает красное стекло. Они известны в литературе под общим названием красных пастовых. Красные бусы из погребений 130 и 135 были подвергнуты химическому анализу, показавшему, что основными компонентами бус являются окислы SO_2 , Na_2O , CaO , Al_2O_3 . В химический состав бус входят также молекулярные красители, в том числе окиси железа, придающие насыщенность красным цветом. Материал для бус получен из глины спеканием шихты (красные пастовые бусы) или ее переплавкой (красные стекловидные бусы)¹⁷. В Армиевском могильнике имеются прозрачные стекловидные и матовые и пастовые бусы.

Красные бусы появляются в период Старшего Селиксенского могильника и получили в Армиевском могильнике настолько широкое распространение, что заняли среди женских украшений первое место. Их находят даже в самых бедных погребениях. Отличительная черта красных бус — их одинаковость. Нет бус деформированных (за единичными исклю-

чениями, например, бусы в погребении 184), весьма характерных для позднего этапа данной культуры (Младший Селик-сенский могильник). Огромное число этих бус заставляет предположить их местное происхождение или поступление из близких мест изготовления. П. С. Рыков отмечает также наличие в Армиевском могильнике красных рубленых бус и некоторых других форм¹⁸. Конец бытования красных бус, по мнению В. А. Городцова, относится ко времени не позднее VII в.¹⁹ Нам представляется возможным отодвинуть эту границу до VIII в.

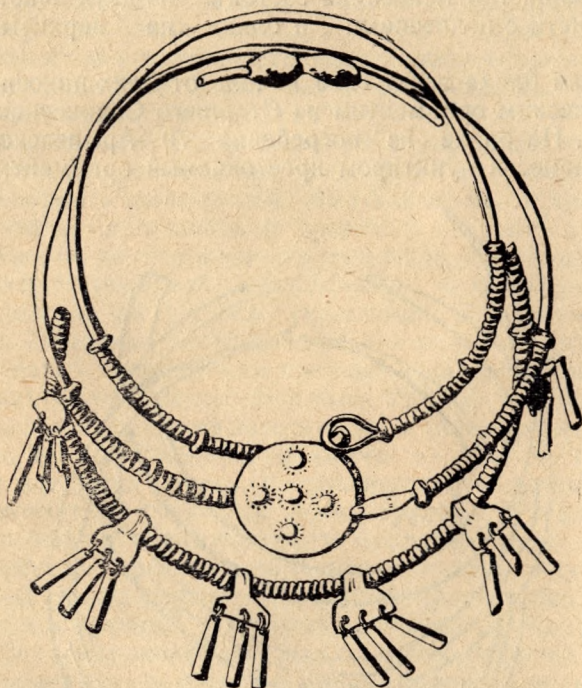

Рис. 10. Шейные гривны из погр. 195.

В погребении 196 найден накосник, составленный из восьми кожаных ремешков с нанизанными на них вперемешку бронзовыми спиральками и пронизками; нижний конец оформлен бутылчатými подвесками из белого сплава (рис. 9). Прикреплялся накосник, по-видимому, на шерстяную

ткань, лоскутки которой встречены здесь же. Накосник из погребения 138 прикреплялся куском кожи к шляпообразной бронзовой бляхе, скрепленной ремешком с головным убором. Вместо цилиндрических пронизей — декоративные обоймочки.

П. С. Рыковым описан вариант накосника из погребения 70, в котором ремешки к накосной бляхе привешены через бронзовую планку, а конец кисти оформлен конусовидными подвесками²⁰. Точно такой же накосник оказался в погребении 75 Младшего Селиксенского могильника. Таким образом, этот последний тип накосника состоит из двух частей — длинной кисти с подвесками и бляхи на верхнем конце (рис. 9).

Накосная бляха ведет свое начало от блях-накосников с концентрическим орнаментом из Старшего Селиксенского могильника²¹. На бляхе из погребения 70 Армиевского могильника нанесен пунктиром крестовидный орнамент. Этот

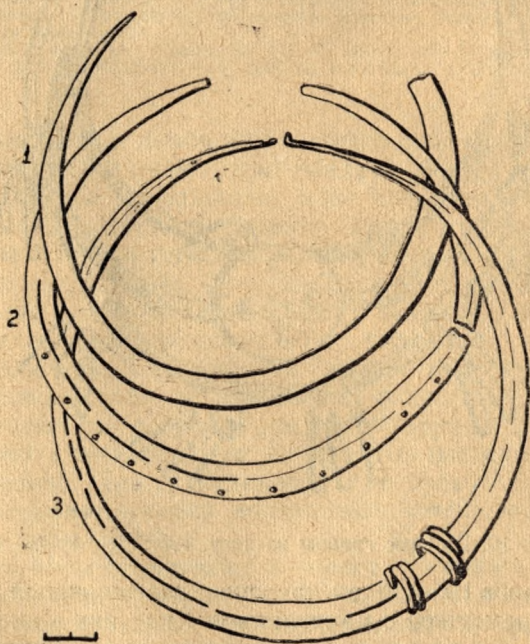

Рис. 11. Пластинчатые гривны из Армиевского (1—п. 147, 2—п. 237) и Младшего Селиксенского (3—п. 20) могильников.

узор полностью воспроизводит орнаментацию полувыпуклых блях из Селикса-Трофимовского могильника²². Что же касается шумящей кисти накосника, то прослежено начало и этой детали. Подобные накосные кисти в пензенских могильниках появились на втором этапе их старшей группы, в частности в Ражкинском могильнике (погребение 10 и др.)²³.

В эпоху существования могильников лядинского типа шумящие накосники сменяются пулокерями, что также отчетливо прослеживается в пензенских могильниках²⁴. В целом накосники — одно из характерных женских украшений в пензенских могильниках I тыс. н. э. В одном Армиевском могильнике их встречено 33 экземпляра. Поэтому лишь явной неосведомленностью о наших материалах можно объяснить ошибочное замечание Р. Ф. Ворониной о неизученности головных уборов в пензенских могильниках²⁵.

Шею погребенной (погребение 195) украшали три бронзовые гривны, все разнотипные (рис. 10): 1 — гривна с петлевидным запором и проволоочной обмоткой по части дрота, разделенной шестью напущенными бусами; 2 — гривна аналогичного устройства, но снабженная коробочкой, скрывающей запор и орнаментированной выпуклинками и кольцевыми насечками; плоские части дрота украшены зигзагообразными насечками. Подобные типы гривен были излюбленным украшением богатых женщин того времени и найдены во многих могильниках Волго-Окского бассейна. Третья гривна — оригинального типа (встретившегося еще в погребении 135) с шумящими конусовидными подвесками — явный прототип лядинских шумящих гривен. Напущенные бусы здесь превратились в лопастные обоймицы, концы гривен, очевидно, простые, заключены в кожаную муфту. Аналогии этим гривнам нам не известны. Чтобы не возвращаться к этому виду украшений, укажем еще на другие типы гривен Армиевского могильника. Имелись гривны, у которых обмотка и напущенные бусы шли по всему железному или бронзовому дроту. Это — наиболее ранний из армиевских типов гривен, известный уже в Селикса-Трофимовском могильнике²⁶. Известна также простая проволоочная гривна с крючковым запором (погребение 31). Встречены гривны пластинчатые — железные или из белого сплава. Они обнаружены в комплексах, в целом не отличающихся от остальных (например, погребение 147). Но пластинчатые, так называемые серповидные гривны (погребения 12, 237), относятся к позднему периоду могильников армиевского типа и окских²⁷.

Гривны были излюбленным украшением. Они найдены в половине женских погребений могильника (49 погребений), при этом иногда на погребенной было по две-три и даже четыре (погребение 89) гривны. Из простых беззамковых гривен Старшего Селиксенского могильника в Армиевском могильнике они превратились в сложные украшения, имитирующие, как нам представляется, пышные ожерелья.

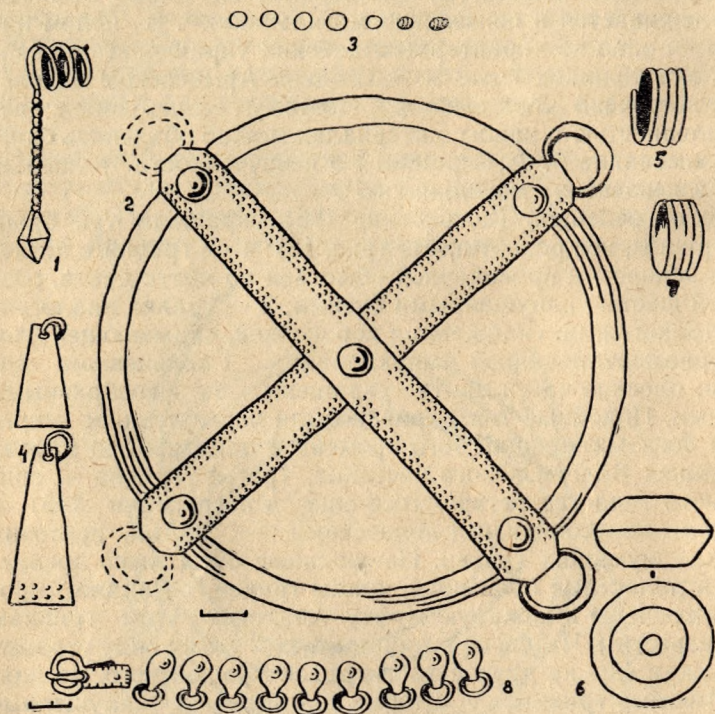

Рис. 12. Украшения из пп. 156, 195, 199.

Вещи при п. 195: 1—височная подвеска, 2—бляха с накладкой, 3—краснопастовые и стеклянные бусы, 4—трапециевидные подвески, 5—перстень, 6—пряслице, 7—железный спиралевидный перстень из п. 156; 8—часть обувного набора из п. 199.

Пластинчатая бляха из описываемого погребения 195, находившаяся на месте живота, относится к типу блях с крестовидной накладкой, составленной из прямых планок. Планки окаймлены орнаментом в виде выпуклинок и заканчиваются подвижными колечками. Край бляхи имеет циркульную на-

резку. Модификацию этой бляхи представляют бляхи с фигурной крестовидной накладкой (погребения 50, 70, 145 и др.). Бляхи с накладкой встречаются в вещевых комплексах, включающих и бляхи с дверкой — украшение, широко распространенное в памятниках Волго-Окского бассейна.

Прототипами армиевских блях являются бляхи из более ранних пензенских могильников. В Старшем Селиксенском могильнике это бляхи с прорезью и концентрическим вдавленным, а позднее — циркульным орнаментом²⁸. В Селикса-Трофимовском могильнике на бляхах появляется накладка, прорезь исчезает, а циркульные круги остаются²⁹. Так прослеживается эволюция одного из наиболее характерных украшений древней мордвы. В Армиевском могильнике бляхи встречаются в 17 погребениях. В дальнейшем, в могильниках мордвы-мокши лядинского типа, встречаются только бляхи с дверкой, но уже в новом варианте по сравнению с аналогичными армиевскими бляхами.

На месте теменной кости в погребении 195 лежал перстень. Причина смещения не ясна, возможно, вещь имела жертвенное значение. Перстень спиральный, выделан из бронзовой сегментовидной в сечении проволоки (рис. 12). Кроме описанных П. С. Рыковым перстней со щитком, встречаются также экземпляры железные — гладкие или с продольными желобками, имитирующими спираль (погребения 145, 156), бронзовые несомкнутые, иногда украшенные насечками в елочку (погребение 16).

Трапезиевидные подвески, гладкие и украшенные выпуклинками (рис. 12), лежали в погребении 195 небольшими кучками на плечевых костях и на месте живота. Они встречаются в Армиевском могильнике в качестве наплечных украшений, кистей пояса. Наибольшее распространение трапезиевидные подвески получили в эпоху Младшего Селиксенского могильника и бытовали вплоть до VIII—IX вв. (могильник «Красный Восток»³⁰), когда они становятся редким исчезающим украшением. Поэтому нельзя эти подвески относить только к IV—V вв. (П. С. Рыков³¹), когда эти украшения лишь входили в моду.

В ногах (погребение 195) лежали части бронзового обувного набора с бронзовым колечком. Наилучшим образом набор представлен в женском погребении 199 (рис. 12). Он состоит из наклепанных на ремень круглых орнаментированных выпуклинками бляшек-обоймиц с подвешенными за ушко колечками. Ремни застегивались пряжками, состоящими из полу-

круглого приемника и прямоугольной обоймы, имеющей по краям узор из насечек и выпуклин.

К обувным украшениям относятся также наконечники ремней и упоминаемые П. С. Рыковым трапециевидные обоймы. Сюда же, вероятно, надо отнести и так называемые пинцеты (П. С. Рыков), которые в Младшем Селиксенском могильнике, будучи обвиты узким ремешком, играли роль наконечников ремней. Обувные наборы встречены в 13 женских погребениях. В мужских — обувных наборов нет.

На месте правого плеча в этом погребении лежали остатки железного предмета, возможно ножа. На месте живота лежало пряслице, типичной для Армиевского могильника округло-биконической формы (рис. 12). Лишь в погребении 82 встречено пряслице цилиндрической формы³². В ногах лежали черепки раздавленного сосуда горшкообразной формы с плавно отогнутой шейкой.

Погребение 147, женское (рис. 7). Погребенная была положена на спину; по-видимому вытянута, головой на юго-запад. Захоронение содержало следующий вещевой комплекс: височные подвески, гривну с коробочкой и пластинчатую железную (рис. 11). В состав ожерелья входили бусы красные гороховидные и мозаичные цветные, возможно, пирамидчатая подвеска. Были найдены наkosник, подобный описанному выше, застежки кольцевые круглопроволочные с елочным орнаментом и гладкие, плоские с точечным орнаментом и насечками по краям, браслеты из тонкого четырехугольного в сечении бронзового дрота, круглая пластинчатая бляха с крестовидной накладкой и орнаментированная мелкими выпуклинами. Обнаружен фрагмент ножа со следами деревянного футляра. От обувных ремней сохранились две круглые железные пряжки с хоботовидными язычками. В ногах погребенной лежали черепки глиняного сосуда.

Серьезного внимания в вещевом комплексе этого погребения заслуживают бусы. Найдена одна мозаичная бусина с белыми глазками по черному полю. Образцы подобных бус встречены и в других погребениях: это крупные округлые бусины с матовой поверхностью, орнаментированные двумя или тремя круговыми цветными полосками с боков у отверстий, а по средней части — мозаикой, изображающей цветы (погребения 147, 159, 223), «глазки» (погребения 32, 147, 224). Сюда же можно отнести крапчатые бусы, имеющие неправильную округлую форму и гляцевитую поверхность с округлыми крапинами красного, желтого и зеленого цвета обычно по си-

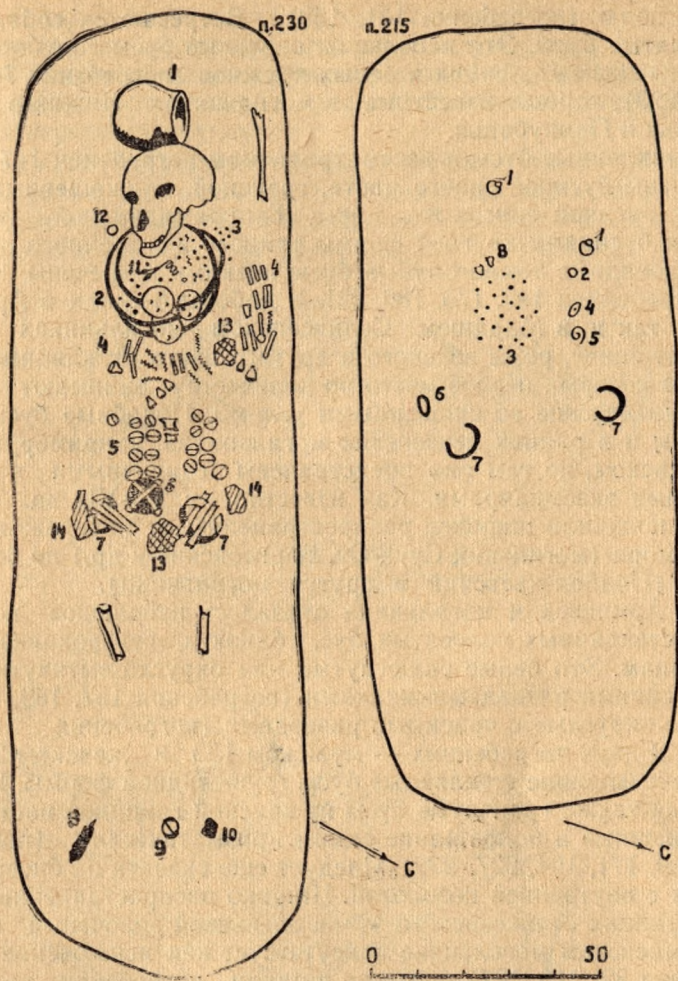

Рис. 13. Планы женских погребений 230 и 215.

Вещи при п. 230: 1—глиняный сосуд, 2—гривны, 3—бусы, 4—накосник, 5—кольцевые застёжки, 6—поясная бляха, 7—браслеты, 8—остатки ножа, 9—железная пряжка, 10—обломок железного предмета, 11—височная подвеска, 12—бронзовое колечко, 13—следы железа, 14—луг.
Вещи при п. 215: 1—сережковидные подвески, 2—бронзовое колечко, 3—бусы, 4—обоймица, 5—спиральный перстень, 6—железная пряжка, 7—браслеты.

нему полю (погребения 121, 159). Встречаются собственно глазчатые бусы. Это небольшие округлые бусы голубого цвета с глазками из синих и белых кружков (погребения 74, 171, 187, 223), хорошо известные в могильниках Нижнего Поволжья и Прикубанья.

Стеклянные бусы в рассматриваемом погребении 147 представлены бусиной синего цвета, граненой, со скошенными углами, бусиной синего же цвета бипирамидальной формы, тремя бусинами круглой формы темного и лимонного цвета. Гороховидные темно-голубые бусы низками встречены также в погребениях 149, 176, 180, 221. В наборы бус как в Армиевском, так и в Младшем Селиксенском могильниках часто входят синие, реже зеленого и другого цвета стеклянные бусы, из которых первое место по количеству занимают синие призматические со скошенными углами. Подобные бусы известны и в ранних пензенских могильниках, например, в Шемышейском, но там они представлены единичными и очень мелкими экземплярами. Как известно, в V—VII вв. синие бусы получили широкое распространение: от побережья Черного моря (могильник Суук-Су, Борисовский и др.) до берегов Оки (Подболотьевский и другие могильники).

В Армиевском могильнике оказалось небольшое количество стеклянных полосатых бус, близких северокавказским образцам. Это белые сплюснутые или округло-вытянутые бусы с синими разводами-жилками (погребения 157, 159, 223), белые округлые с красными разводами (погребения 169 и др.). В двух погребениях — мужском 133 и женском 227 — встречены синие стеклянные бусы грушевидной формы. Встречаются также гранчатые бусы из красной глиняной пасты, изготовленные в подражание синим призматическим (погребения 69, 171, 194, 227, 236). Следует еще сказать о бисере и бусах с внутренней позолотой. Широко распространенный в памятниках селиксенского этапа звеньевой золоченый бисер в Армиевском могильнике присутствует как исключение (погребения 82, 113, 127) и только в одном погребении найдены звеньевые красные бисерные бусы (погребение 82). К VI в. этот вид бус исчез бесследно. Появились псзолоченные изнутри цилиндрические или овальные в сечении бусы, входившие в ожерелье одним-двумя экземплярами. Рядом работ советских археологов установлено, что центры распространения цветных и стеклянных бус находились на Северном Кавказе³³. Отсюда они проникали и на земли, занятые древней мордвой.

В четырех погребениях встречены также привозные, янтарные бусы. Они имеют округло-уплощенную форму и входят в состав ожерелья единичными экземплярами. Янтарные бусы сопровождаются гладкими краснопастовыми и синими четырнадцатигранными бусами.

Что касается упомянутой выше пирамидальной подвески (к ожерелью или наkosнику), то подобные подвески встречаются как в ранних, так и в поздних (послеармиевских) могильниках и не являются датирующими предметами.

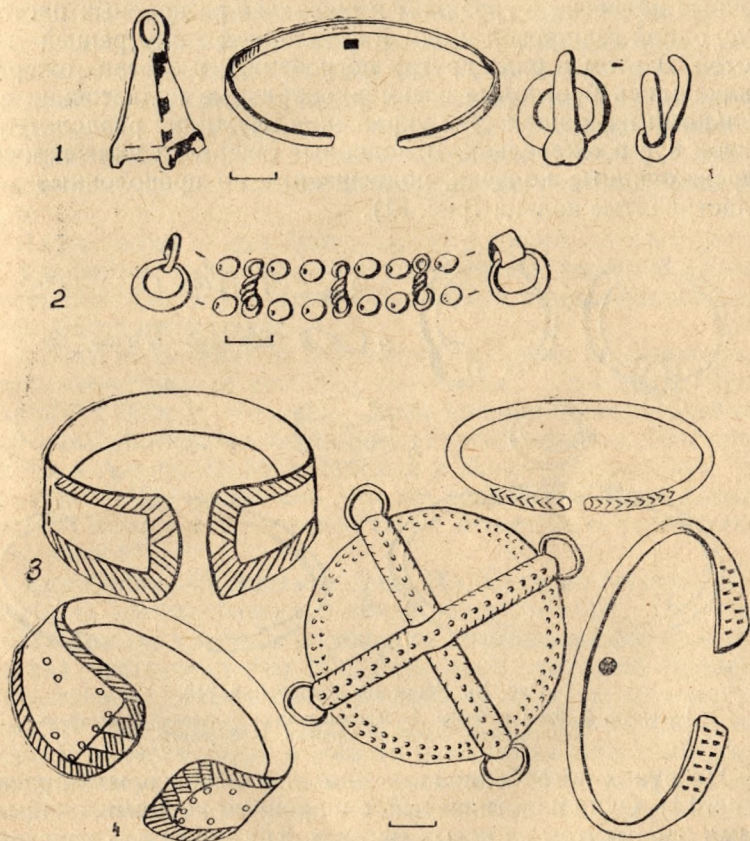

Рис. 14. Вещи из погребений 147 (1), 230 (2,3) и 198 (4).

1—пирамидчатая подвеска, браслет и железная пряжка; 2—ожерелье из краснопастовых бус, восьмеркообразных подвесочек и сережковидных подвесок (реконструкция); 3—браслеты и бляха с накладкой; 4—браслет.

Погребение 230, женское (рис. 13). Погребенная была положена вытянуто, на спину, головой на юго-запад. В головах — глиняный сосуд с плавно отогнутой шейкой. В области шеи — три коробчатые гривны, ниже — наконик из спиралей, цилиндрических пронизей и кисти с бутыльчатыми подвесками. Бляха с крестовидной накладкой (диаметр 5,5 см) лежала на животе и, очевидно, играла роль украшения пояса (рис. 14). 18 кольцевых застежек разной величины и вида были сгруппированы попарно в два вертикальных ряда на месте живота. В круге, образованном гривнами, были найдены височные подвески с грузиком и ожерелье из красных пастовых бус, одной гешировой и одной стеклянной с внутренней позолотой. В этом и ряде других погребений в состав ожерелий включались бронзовые восьмеркообразные подвесочки с петельками на концах. Эти украшения служили разделителями низов бус в ожерельях. В подобные ожерелья включались и сережковидные колечки, подвешенные на проволочные или пластинчатые кольца (рис. 14).

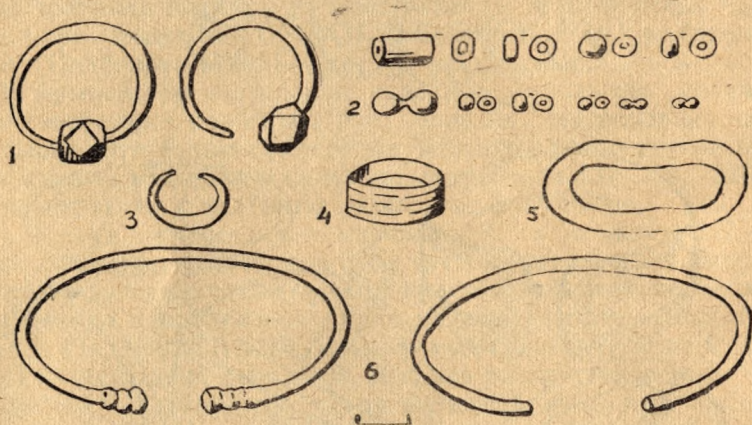

Рис. 15. Вещи из погребения 215.

1—серьги, 2—бусы и бисер, 3—сережковидная подвеска, 4—перстень, 5—приемник железной пряжки, 6—браслеты.

На руках погребенной — по два бронзовых браслета (рис. 14). Один пластинчатый, с широкими концами, окаймленным орнаментом из косых насечек. Три других — круглопроволочные; у одного концы расплющены и украшены насечками, на концах другого — сложный орнамент. Можно отметить, что в Армиевском могильнике, продолжая традиции Старшего Се-

ликсенского могильника, преобладают простые проволочные браслеты с обрубленными, реже заостренными концами. Пластинчатые браслеты единичны и отличаются изяществом форм и орнаментации (погребения 3, 198). Кроме этих двух типов встречаются и браслеты прямоугольные в сечении (в одном погребении 12 — с завернутыми концами). Этими типами по существу и исчерпывается коллекция браслетов из могильника. Делить их на 10 типов нет основания³⁴.

Погребение 215, женское (рис. 13). Погребенная была положена, по-видимому, головой на запад с отклонением к югу. От костяка сохранились только зубы. На месте головы — две серьги, каждая из которых представляет собой кольцо с напущенной многогранной бусиной (рис. 15). Здесь же лежали россыпью бусы, среди которых две стеклянные уплощенно-цилиндрические с внутренней позолотой, цилиндрическая из красной смальты, стеклянная полосатая, мелкие желтые стеклянные, светло-желтые, синие, черные, голубые бисерные бусы.

На месте рук — два бронзовых круглопроволочных браслета. У одного из них концы имеют поперечные желобки и слегка утолщены (рис. 15). Имеется бронзовый спиралевидный перстень. Сосуд отсутствует.

Данное погребение по сравнению с другими несколько отличается своеобразием вещевого комплекса, и выглядит более поздним. Серьги с грузиком были широко распространены в пору поздней античности и раннего средневековья. Они встречаются в Аланском, Мукуланском и Новотурбаслинском могильниках³⁵. Не исключено, что это погребение принадлежало человеку неместного происхождения, может быть угро-мадьярского этноса³⁶.

Погребение 135, женское (рис. 16). Судя по вещам, умершая была ориентирована головой на юго-запад. На месте головы лежала гривна с шумящими подвесками и ожерелье из гладких краснопастовых бус, мозаичной глазчатой (коричневые глазки на темном поле) бусины, бусинок из темного глухого стекла, лунницы из белого сплава и сережковидной подвески. В области груди и живота находились железный спиралевидный перстень, кольцевые застёжки (среди них — круглопроволочная с мелкими косыми насечками), круглое зеркальце из белого сплава, две россыпи бутыльчатых подвесок от кистей наконечника, круглая пластинчатая бляха с дверкой и треугольными прорезями (подобной формы блях в могильнике найдено пять).

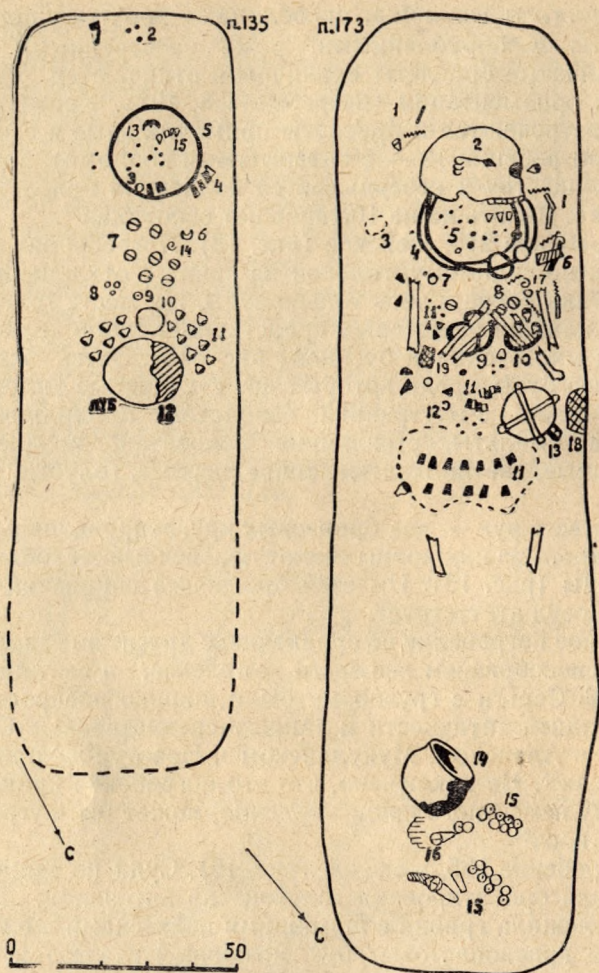

Рис. 16. Планы женских погребений 135 и 173.

Вещи при п. 135: 1—осколок железного предмета, 2—бусы краснопастовые, 3—бусина мозаичная, 4 и 5—гривна с подвесками, 6—сережковидная подвеска, 7—кольцевидные застёжки, 8—бусы из белой пасты, 9—осколок бляшки, 10—зеркальце, 11—бутылчатые подвески, 12—бляха, 13—лунница, 14—перстень, 15—зубы. Вещи при п. 173: 1—накосник, 2—височная подвеска, 3—угольки, 4—гривны, 5—бусы, 6—нож и рукоятка, 7—перстень, 8—кольцевые застёжки, 9 и 10—браслеты, 11—трапециевидные подвески, 12—кольцо, 13—бляха и бляшка, 14—глиняный сосуд, 15—обувной набор, 16—белая масса, 17—спиральное кольцо, 18—ткань, 19—береста.

Лунницы встречаются только в погребениях с богатым инвентарем и в более поздних комплексах. В Армиевском могильнике их найдено 11, а в Младшем Селиксенском — в 4 погребениях. Все они однотипны.

У зеркальца одна сторона полированная, другая — покрыта рельефным орнаментом. Этот предмет имеет несомненно сармато-аланское происхождение, судя по многочисленным аналогиям³⁷.

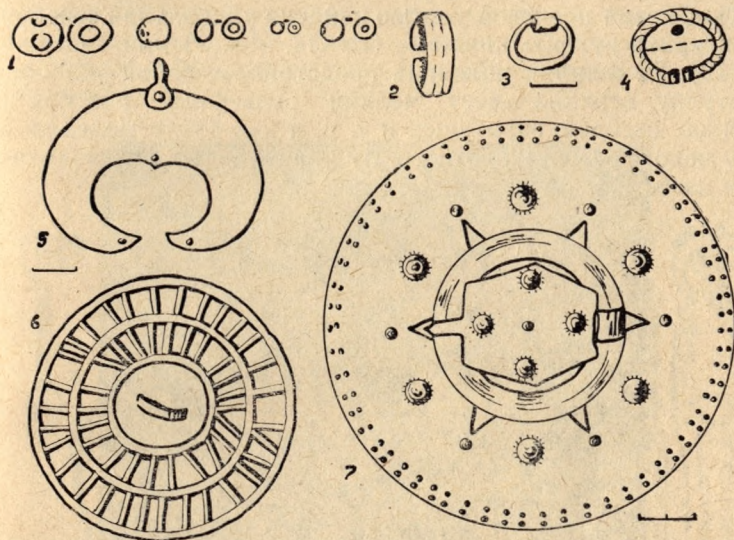

Рис. 17. Вещи из погребения 135:

1—бусы (мозаичная, краснопастовые, синие), 2—перстень, 3—сережковидная подвеска, 4—кольцевая застежка, 5—лунница, 6—зеркало, 7—бляха.

Погребение 173, женское (рис. 16). Погребенная лежала на спине, головой на юго-запад, руки скрещены на груди. В области головы, шеи и груди найдены височные подвески с грузиком, три шейные гривны (две с замком-коробочкой, одна — с петлевидным запором), бусы краснопастовые (в россыпи), наконечник из пронизей и бутылчатых подвесок, кольцевые застежки (одна—круглопроволочная со слегка выступающими заворотками), спиральный и несомкнутый перстни, три круглопроволочных браслета (один железный, два—бронзовых), кусок бересты со следами прошива нитью (футляр?), обрывок ремешка с бляшками полуовальной формы. На левой стороне

живота — круглая бляха с крестовидной накладкой и обрывком на ней шерстяной ткани. Очевидно, украшением платья или пояса были трапецевидные подвески, которые были расположены в два ряда. Обувной набор (парный) состоит из двух бронзовых пряжек с округлыми приемниками и прямоугольными обоймами, орнаментированными насечками, наконечников ремней в виде зажимов, подтреугольных обойм и ремешков с приклепанными к ним обоймочками колечками. Найден глиняный сосуд в черепках с плавно отогнутым венчиком. Под левой плечевой костью найдена уникальная серебряная фигурная рукоять кинжала (жезла, ножа?) или навершие (рис. 19). Ее нижняя половина представляет собой уплощенную втулку, верхняя имеет мелкий рельефный рисунок из цветочков, стеблей, завитушек и т. п. и как будто моделирует голову человека или животного. Аналогии подобному изделию мне не известны.

Рис. 18. Вещи из погребения 173:

1, 2, 4, 8, 9—детали обувного набора, 3—пряжка, 5—перстень, 6—височная подвеска, 7—часть наборного пояса (?).

Погребение 218, женское (рис. 20). В южной части могилы найдены плохо сохранившийся череп и рядом с ним грудка кальцинированных осколков трубчатых костей. Кости туловища и ног сожжены на стороне (с возможным отчленением черепа). Вещи находятся частью у черепа, частью в ногах. Их немного: осколок железного предмета, две кольцевые застежки с елочным орнаментом, две полуовальные железные пряжки, крупный глиняный сосуд с выраженной шейкой и

характерной отчеркнутостью края, нож, имеющий одинаковую форму с ножами из других погребений: слабо притупленную спинку, короткий черен. Подробно описавший армиевские ножи, П. С. Рыков указывает, что они встречаются примерно в одной трети захоронений могильника. Добавим, что они встречаются одинаково часто как в мужских, так и в женских погребениях.

Мужские захоронения по вещевым комплексам можно разбить условно на две группы: с производственным инвентарем и с оружием. Довольно отчетливо выделяются и погребения с бедным инвентарем. Чаще всего в последних встречаются глиняные сосуды, ножи, кремешки, иногда железные пряжки (погребение 216).

Рис. 19. Рукоять из погр. 173.

Погребение 178, мужское, кенотаф (рис. 21). Могильная яма вытянута по линии северо-восток — юго-запад. Яма была обложена лубом, который тут же сожгли; из-за этого правая стенка на высоте до 30 см от дна и часть дна сохранили сле-

ды обожженности. Остатки луба найдены среди вещей. Костяка или его остатков нет и, очевидно, не было. На его месте лежат вещи воина, расположенные правдоподобно, как при труположении, но сгруппированные более тесно. Опишем вещи в порядке их расположения от головы к ногам (условно): два наконечника копий с ромбовидным пером и ребрами жесткости; втульчатый топор длиной 14 см и слегка расширенной лопастью, округлым лезвием и небольшим изгибом тыльной стороны; бронзовый круглопроволочный браслет с расплюснутыми концами, на которые нанесен пунктирный орнамент; железный спиралевидный перстень; железная муфта-кольцо со шпеньками; меч однолезвийный, лежавший лезвием к стенке могилы и несколько выше ее дна (условно — у левого бедра). Сохранилась часть его перекладины. Длина меча — 67 см, полосы — 57 см, ширина у перекладины — 31 мм, в 10 см от острия — 28 мм. От ножен сохранились три скобы со шпеньками, кольца и наконечники³⁸. При погребенном были также нож, удила двусоставные с концевыми, слегка вытянутыми кольцами и подвижными восьмеркообразными кольцами; пряжка железная с хоботовидным язычком; кремешок и железный аморфный стерженек, возможно, наконечник ремня; наконечник трехперой стрелы; раздавленный глиняный сосуд, высокий с плавно отогнутым венчиком с насечками.

Погребение 182, мужское, кенотаф (рис. 21). Вещевой комплекс: втульчатый топор длиной 15,5 см; два наконечника копий: один вильчатый, длиной 18 см (рис. 24), другой — с листовидным пером; два ножа; фрагмент шила (?); удила с подвижными кольцами без подвижных колец; кольцо (к луку?); железные петли с загнутыми концами; короткий обоюдоострый меч без перекладины (?), длиной 68 см. Почти в центре ямы у меча найдены фрагменты глиняного сосуда с отогнутым и отчеркнутым венчиком.

Погребение 191, мужское (рис. 23). Умерший был положен на спину, головой на юго-запад с согнутыми руками. На дне ямы — остатки луба и угольки. В этом погребении воин найден поясной набор из серебряных пряжек с полуовальными или прямоугольными приемниками и щитовидными обоймами, бляшек разной формы, Т-образной застежки и наконечника пояса (рис. 24). Среди других вещей следует отметить два наконечника копий с листовидным пером (над левым плечом). Длина 23,5 и 26 см. Одно копые ромбическое в сечении. Найден также меч обоюдоострый с напушенной пе-

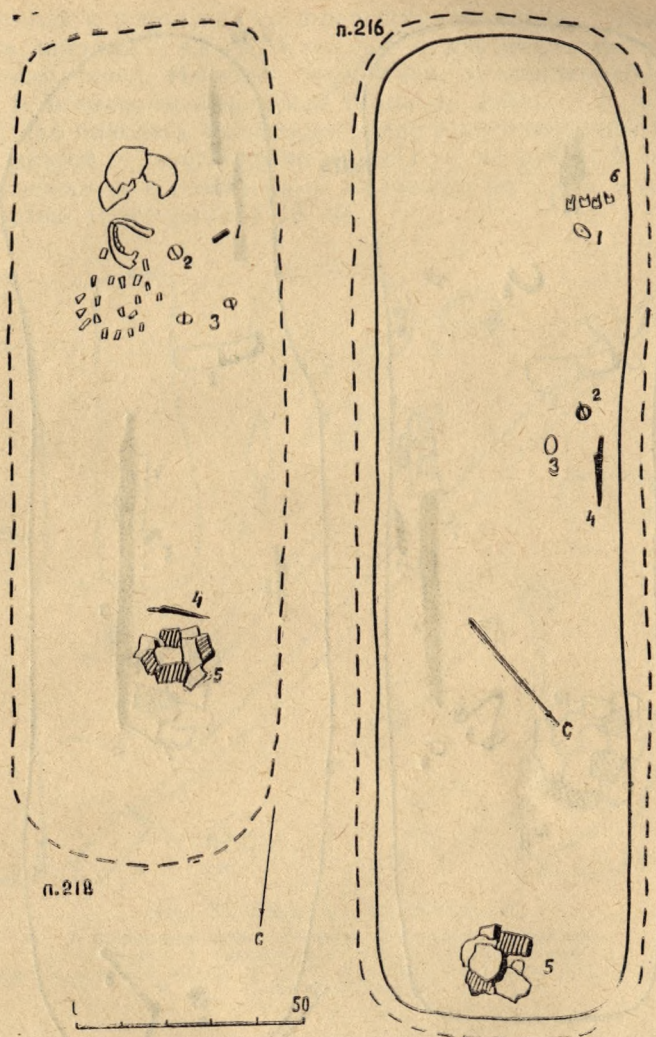

Рис. 20. Планы женского (218) и мужского (216) погребений.
 Вещи при п. 218: 1—обломок ножа, 2—кольцевая застёжка, 3—пряжка, 4—нож, 5—глиняный сосуд. Вещи при п. 216: 1—бронзовая обоймица, 2—железная пряжка, 3—галечка, 4—нож, 5—глиняный сосуд.

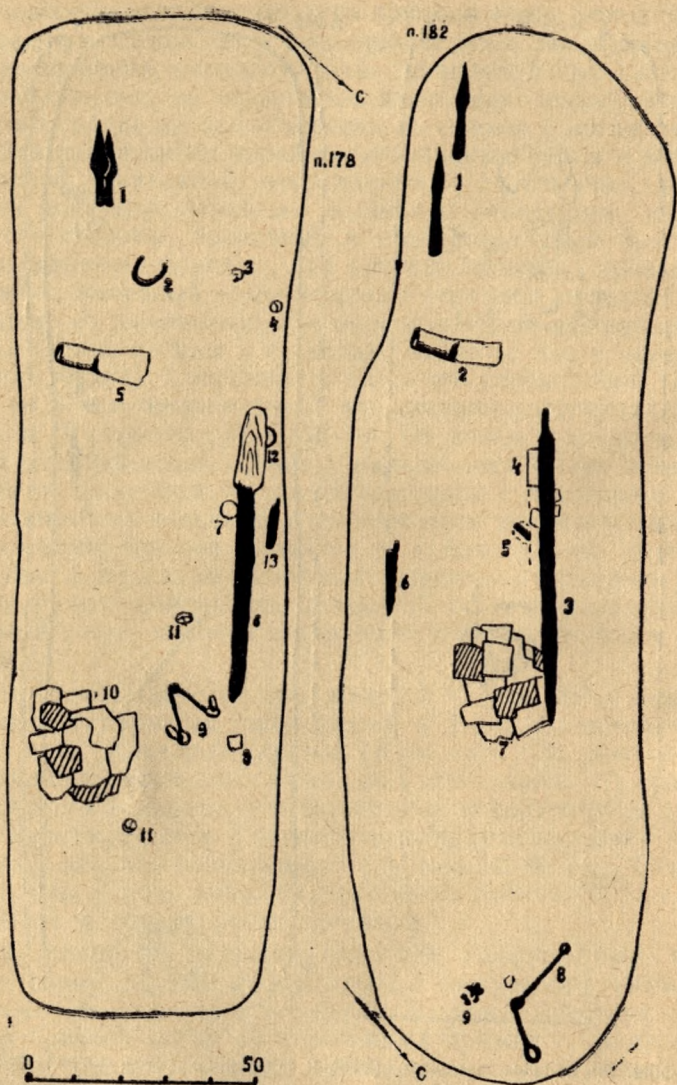

Рис. 21. Планы мужских погребений 178 и 182.

Вещи при п. 178: 1—наконечники копий, 2—браслет, 3—перстень, 4—кольцо к луку, 5—топор, 6—меч, 7—пряжка, 8—наконечник ножен, 9—удила, 10—глиняный сосуд, 11—пряжка, 12—кресало (?), 13—пояс. Вещи при п. 182: 1—наконечники копий, 2—топор, 3—меч, 4—остатки ножен, 5—шило, 6—пояс, 7—глиняный сосуд, 8—удила, 9—железный предмет.

рекладиной и рукояткой со шпеньком на конце. Длина его 88,5 см, ширина — 4,4 см. У головы — два наконечника трехлопастных стрел. Имеются украшения: трапециевидные подвески (с остатками шерстяной ткани и луба) — у правого плеча; два браслета бронзовых (один с расплюснутыми концами, другой — круглопроволочный) — на руках. У правого бедра лежал нож с остатками железного футляра, в ногах — втульчатый топор длиной 15 см.

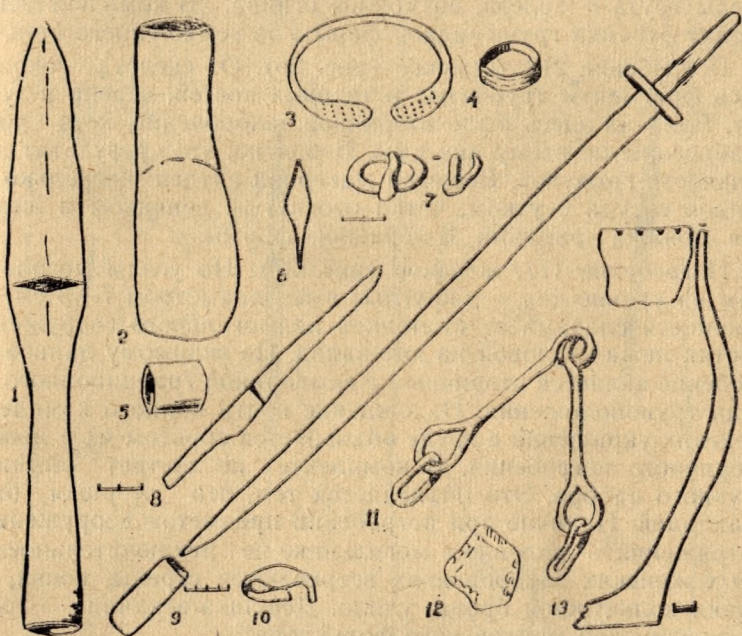

Рис. 22. Вещи из погребения 178:

- 1—наконечник копья, 2—топор, 3—браслет, 4—перстень,
5—муфта, 6—наконечник стрелы, 7—пряжка, 8—нож,
9—меч и наконечник ножен, 10—скоба к ножам, 11—удила, 12—«кремешок»,
13—профиль сосуда.

Погребение 133, мужское (рис. 23). Погребение представляет собой трупосожжение. Не исключено, что сожжение трупа, произведенное на стороне, заканчивалось в могильной яме. Груда кальцинированных костей, зола, угля находились почти в центре ямы. Погребение повторяет обряд традиционного трупоположения: вещи символически были положены так, как будто погребенный лежал в вытянутом положении головой на

юг с отклонением к западу. Условное расположение вещей таково: у правого плеча — наконечник копья с удлинённой втулкой и листовидным пером, длиной 24 см; у правого бока — нож; на месте пояса — бронзовая пряжка с полуовальным приемником, хоботовидным язычком и круглой обоймой. Меч — однолезвийный с напущенной перекладной овально-удлинённой формы, плоский, длиной 62,5 см³⁹. В ногах — горшок с отогнутым и отчеркнутым венчиком. Около горшка — следы трута и железа, возможно, огнива. В комплекс вещей входит бусинка грушевидной формы из темно-синего стекла.

Погребение 212, мужское (рис. 26). От скелета сохранились фрагменты трубчатых и тазовых костей, черепа и зубов нет. Едва ли здесь было вторичное захоронение, хотя кости разбросаны по всему дну ямы. Вероятно, это результат деятельности грызунов. Вещевой материал скуден: несколько черепков сосуда с узким, четко отогнутым венчиком и железная пряжка-приемник В-образной формы.

Погребение 177, женское (рис. 27). По углам могильной ямы на уровне дна — округлые ямки диаметром 7—8 см, являющиеся следами от столбиков надмогильного сооружения. Костяк лежал головой на юго-запад. По-видимому данное погребение является вторичным с символической традиционного обряда трупоположения. Нахождение почти полного комплекта женских украшений в груди объясняется сбросом их в момент вторичного погребения. В комплекте не хватает обычного обувного набора. Это объясняется тем, что умершая была всадницей. Наличие при погребении предметов вооружения и снаряжения — явление в могильнике не исключительное. В иных женских захоронениях встречаются стрелы, копья, обрывки кольчужной брони, удила. Девушка-всадница — один из персонажей мордовского фольклора⁴⁰.

В области головы в погребении 177 находились горшок с плавным отогнутым венчиком и два наконечника копий с листовидным пером и легким ребром для жесткости вдоль пера. На месте шеи и груди — гривна бронзовая перевитая с напущенными бусами и петлевидным запором, височные подвески, наконечник из спиралей, пронизей, напущенных краснопастовых бус и бутыльчатых подвесок; ожерелье из красных ровных и гладких бус и с одной крупной шаровидной бусиной в центре; плоские кольцевые застёжки с орнаментом и без него; две железные пряжки. Ниже пояса — бронзовые браслеты с приплюснутыми концами; наборный портупейный ремень, состоящий из железной пряжки с бронзовой обоймой, наконечника и

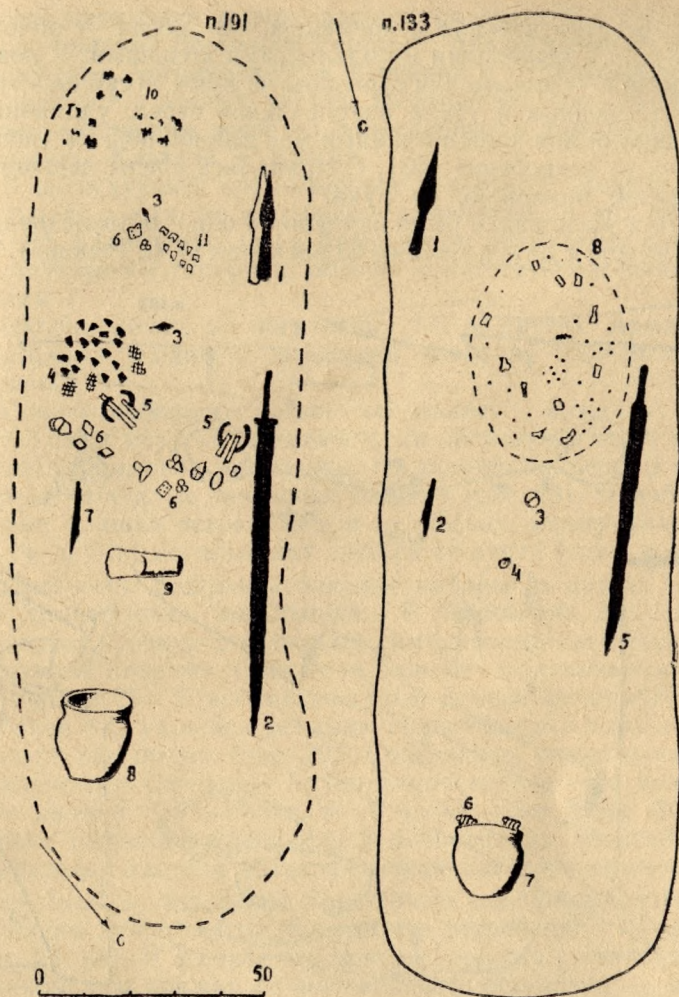

Рис. 23. Планы мужских погребений 191 и 133.

Вещи при п. 191: 1—наконечники копий, 2—меч, 3—наконечник стрелы, 4—трапецевидные подвески и ткань, 5—браслеты, 6—поясной набор, 7—нож, 8—глиняный сосуд, 9—топор, 10—угли, 11—зубы. Вещи при п. 133: 1—наконечник копья, 2—нож, 3—бронзовая пряжка, 4—бусина, 5—меч, 6—остатки кресала и трут, 7—глиняный сосуд, 8—кольценированные кости, зола, уголь.

бляшек; остатки кресала и кремешок. В ногах — обломок ножа, удила с концевыми и подвижными кольцами. У левого бока костяка — кольцо для стрельбы из лука, несколько трехперых удлиненных и узких наконечников стрел, удлиненный наконечник ремня, однолезвийный меч длиной 80,5 см (подобный мечу из погребения 133). Сохранились следы деревянного стержня, возможно, от лука.

Всего в могильнике было найдено 13 одно- и двулезвийных мечей (вместе с двумя мечами из раскопок П. С. Рыкова). По-

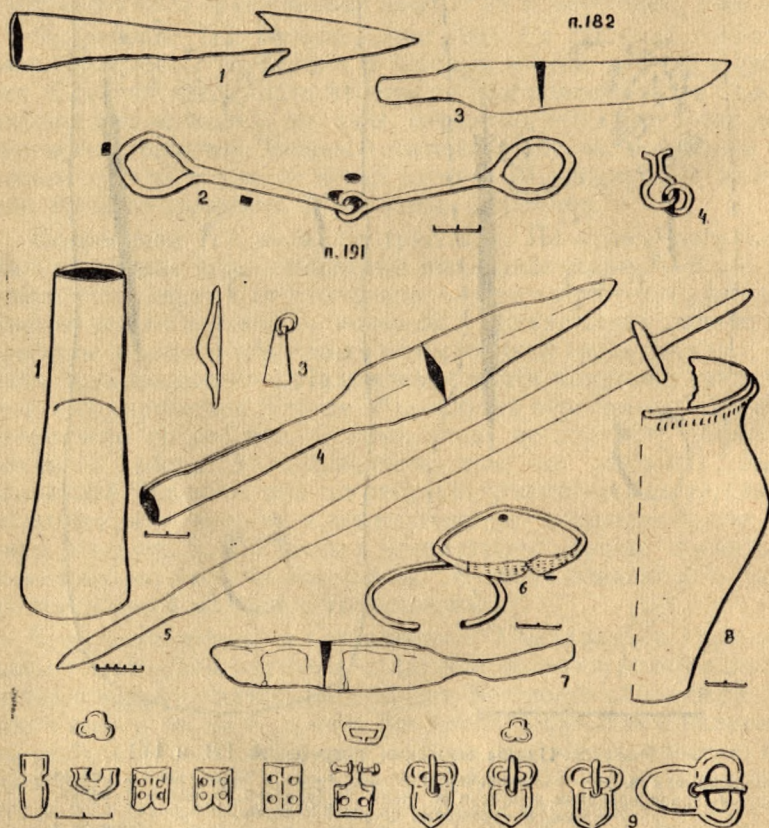

Рис. 24. Вещи из погребения 182 (1—4) и 191.

- 1—наконечник копья, 2—удила, 3—нож, 4—кольцо на петле. Вещи из погр. 191:
1—топор, 2—наконечник стрелы, 3—подвеска, 4—наконечник копья,
5—меч, 6—браслеты, 7—нож, 8—боковина сосуда,
9—поясной набор.

добные мечи были широко распространены в V—VIII вв. среди ряда племен Восточной Европы⁴¹. Аналогичные мечи есть в Борковском могильнике⁴², в курганах с трупосожжением у Покровска⁴³ и других местах. Несомненно, что мечи были привозные, вернее всего из ремесленных и торговых центров Северного Кавказа и Крыма.

В последующее время оружие к сурской мордве также поступало с юга, но в меньшем количестве, и это были уже сабли⁴⁴. Характерно, что в Армиевском могильнике совершенно отсутствуют стремена, обычно сопутствующие салтовским саблям.

Оковки ножен из погребения 177 и других Армиевского могильника сходны с арматурой мечей из Салтовского могильника.

Основу наборного ремня составляет кожаная полоса (60×3 см) с искусно выполненными прорезями, через которые продега бронзовая проволока. На ремень наклепаны продолговатые выпуклые бронзовые бляшки (рис. 28). Подобные наборные бляшки встречались в мерянских, мещерских, рязанских и других могильниках третьей четверти I тыс. н. э.⁴⁵

Интересны бляшки и поясные наборы из других погребений Армиевского могильника. В погребении 226 найдены бронзовая бляшка с четырьмя симметрично загнутыми в виде рожков концами, бронзовая бляшка с «птичьими» головками (рис. 29). Широкий кожаный ремень из мужского погребения 132 украшен мелкими грибовидными бляшками рядами по три штуки (рис. 29). Совершенно аналогичный пояс из аланского поселения Архон демонстрируется в краеведческом музее г. Орджоникидзе. А упомянутые выше фигурные бляшки изредка встречаются в могильниках Волго-Окского междуречья, где они являются северо-кавказским импортом⁴⁶.

Богатый и тщательно отделанный серебряный набор портупейного пояса найден в мужском погребении 191 с мечом (рис. 23, 24). В составе его поясная пряжка с овальным приемником, три пряжки со щитовидными обоями — для пристегивания к поясу ремней, удерживающих меч, Т-образная портупейная застежка, поясные фигурные бляшки, наконечник ремня с пряжкой и трехлепестковые бляшки. По прямоугольным бляшкам и И-образным застежкам этот набор в какой-то мере отличается от северокавказских образцов, представленных, например, в Борисовском могильнике, совпадая в то же время с наборами из так называемых готских могильников, в частности могильника Суук-Су⁴⁷, датированного

византийскими монетами V—VI вв., хотя в других крымских могильниках (Инкерман II, Бакла и др.) бытовали наборы, ничем не отличающиеся от соответствующих вещей из Борисовского могильника. Более близким аналогом поясному набору из погребения 191 являются наборы из крымских и се-

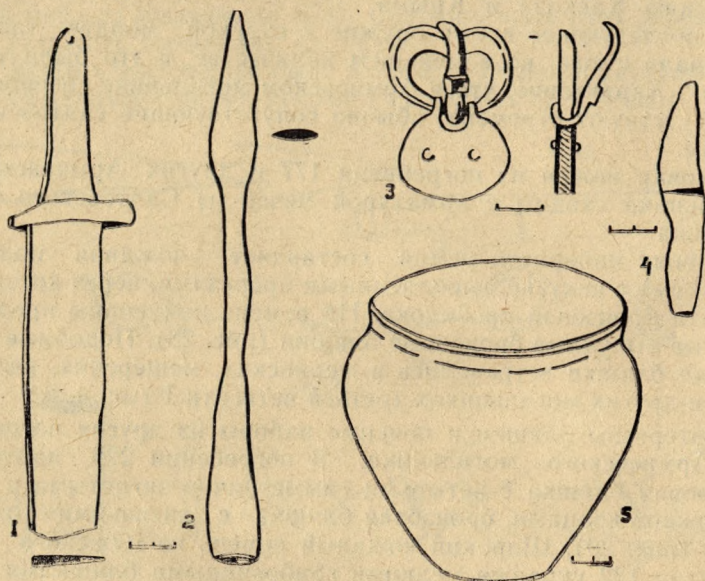

Рис. 25. Вещи из погребения 133:

1—верхняя часть меча, 2—наконечник копьа, 3—пряжка, 4—нож, 5—глиняный сосуд.

верокавказских погребений VI—VII вв., в комплексах которых есть вещи, повторяющие пензенские: обоюдоострый меч, обрывки кольчуги, двухлопастные фибулы с дужкой, кругло-проволочные браслеты, серьги с бусиной⁴⁸. Значительно более скромными наборами поясных бляшек сопровождаются другие погребения Армиевского могильника. Это, например, железные бляшки, то продолговатые с вогнутыми или прямыми краями, то продолговатые с фигурными краями. Подобные бляшки известны в Борковском, Холуйском, Безводнинском и других могильниках, где они входят в комплекс вещей VI—VII вв.⁴⁹

Очень часто в могильнике встречаются пряжки от несохранившихся ремней и поясов. Чаще всего это бронзовые или железные пряжки с округлым или В-образным приемником, хо-

Рис. 27. План женского погребения 177.

- 1—горшок, 2—кольцевые застёжки и пряжка, 3—гривна, 4—бусы, 5—наконечники стрел, 6—накосник, 7—браслеты, 8—кольцо к луку и железный предмет, 9—меч, 10—пору́пя, 11—набор для высека́ния огня, 12—у́дила, 13—наконечники копий, 14—след лука, 15—зубы, 16—остатки черепа, 17—височная подвеска.

ботовидным языком, квадратным наплывом на нем и прямоугольной или округлой обоймой. Эти пряжки, а также оригинальная пряжка с альмандином, подробно описаны П. С. Рыковым. Если бронзовые пряжки с фигурными обоймицами являются вещами привозного происхождения, то пряжки железные, а вместе с ними и простые наборные украшения могли быть изделиями местных ремесленных центров. В этом отношении интересен набор крупных железных пряжек из погребения 239 воина с оружием. Они сделаны по привозным серебряным образцам (рис. 29).

Судя по обилию наконечников стрел в Армиевском могильнике, можно заключить, что существовало широкое применение этого вида оружия. Но лишь в описываемом погребении 177 удалось проследить следы лука в виде изогнутого углубления в грунте, содержавшего незначительные остатки древесной трухи. Древки стрел тоже не сохранились. В погребении 58 были отмечены следы колчана. Все наконечники стрел сделаны из железа и представлены двумя типами. Преобладают трехперые черешковые наконечники, встречаются наконечники с листовидным, утолщенным по средней части, пером. По мнению С. И. Руденко, стрелы первого типа — боевые, второго — охотничьи⁵⁰.

В женском погребении 236 оказалось 5 наконечников разного типа. Три из них — трехлопастные, с округлым в сечении черешком. Наибольшая ширина «оперения» — 18 мм., наименьшая (как и в погребении 177) — 12 мм. Форма края лопастей округлая, в одном случае — подпрямоугольная. Четвертый экземпляр — с листовидным, повторяющим форму копья, утолщенным по середине пером длиной 60 мм и шириной пера 13 мм. Пятый наконечник — костяной, повторяющий форму и размеры предыдущего. Аналогичное сочетание железных наконечников встречено в погребении 239. Подобные наконечники стрел во второй половине I тыс. н. э. были распространены довольно широко. Аналогии им многочисленны. Укажем на стрелы из верхнего слоя городища Ош-Пандо⁵¹.

В дальнейшем у сурской мордвы боевое вооружение резко сокращается. В Младшем Селиксенском могильнике мечей нет, а стрелы найдены лишь в трех погребениях.

Следует упомянуть еще об обрывках кольчужных панцирей, встреченных в погребениях 186 и 198 Армиевского могильника. Колечки плоские диаметром 14, 16, 17 мм. Кольца склепаны и переплетены. Этот вид доспехов появился у пензенской мордвы еще в предшествующее селикса-трофимовское

время. Так, спекшиеся колечки панцирей найдены в погребении 50 Селикса-Трофимовского и погребении 11 Степановского могильников⁵². Находки кольчужных панцирей известны в Прикамье и Башкирии, в памятниках разных периодов I тыс. н. э.

Фрагменты тканей, кожи и войлока из Армиевского могильника из раскопок автора были подвергнуты анализу в реставрационной мастерской ГИМ Т. А. Никитиной. Ткань

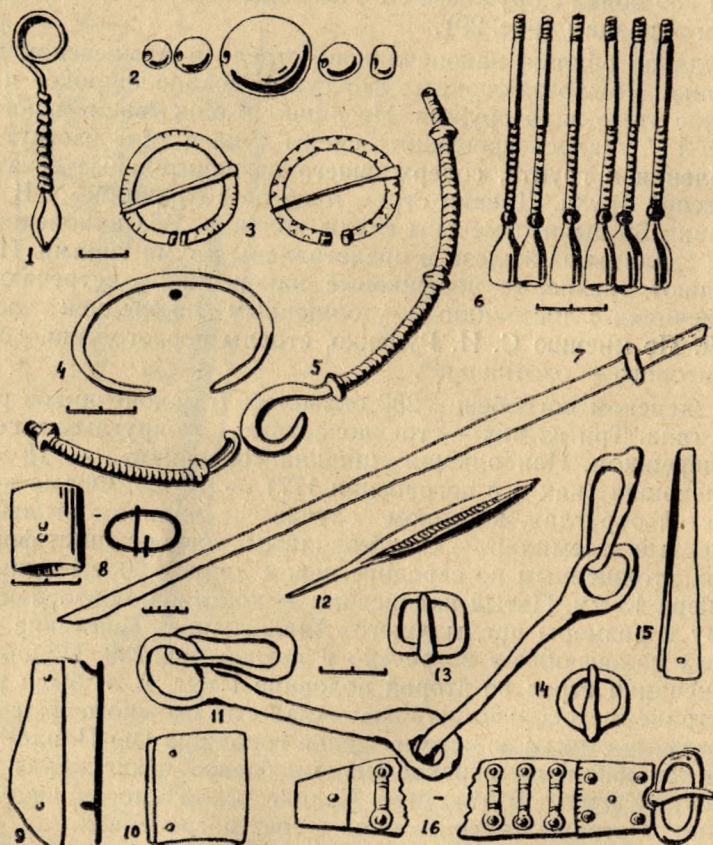

Рис. 28. Вещи из погребения 177:

- 1—височная подвеска, 2—бусы, 3—кольцевые застежки, 4—браслет, 5—часть гривны, 6—часть наконсика, 7—меч, 8—эфес меча, 9—скоба к ножам, 10—наконечник к ножам, 11—удила, 12—наконечник стрелы, 13 и 14—железные пряжки, 15—пинцетовидный наконечник ремня, 16—часть портупен.

однотипная, шерстяная, простого полотняного переплетения. По толщине она делится на два сорта. Нити основы и утка разной толщины, что создает некоторый рельеф на ткани. На некоторых фрагментах видны швы, следовательно, эти ткани являются остатками одежды. На двух фрагментах сохранились швы крестиком, возможно, служившие украшением. Фрагменты кожи — очень тонкой и выдубленной — потеряли все свои первоначальные свойства. Войлок изготовлен из шерсти.

Погребение 185, детское. Погребенный лежал головой на юго-запад. Шею украшало ожерелье из краснопастовых ров-

Рис. 29. Бляшки наборные, пряжки, наконечники стрел, кольца панциря и женские украшения.

1, 3—п. 226; 4—п. 213; 5, 6—п. 206; 7—п. 170;

8—п. 132; 9—19—п. 236; 20—23

—п. 239; 24—п. 186; 1, 8, 18, 21, 22—бронза; 9—11

—белый сплав; 12—16, 19, 20, 23, 24—железо, 17—кость.

ных и гладких бус, янтарной бусины, стеклянных округлых синей и белой бусин, бронзовой сережковидной подвесочки. Небольшая рубчатая кольцевая застежка, комочки железного предмета и глиняный сосуд малого размера лежали в ногах. В отличие от этого другие детские погребения содержали небогатый инвентарь, в том числе ножи, пряжки, мелкие украшения, сосуды, а иногда лишь черепки.

Переходя к хронологии Армиевского могильника, необходимо хотя бы кратко осветить его вторую фазу — Младший Селиксенский могильник, открытый в 1952 г.⁵³ близ с. Кижеватово (бывшее с. Селикса) Пензенского района. Сюда к северу в леса Засурья переселились древние армиевцы и на полузабытых кладбищах эпохи Старшего Селиксенского могильника стали хоронить своих сородичей, не портя могилы далеких предков. Младший Селиксенский могильник содержал 100 более поздних погребений армиевского типа. Много вторичных захоронений, есть парные погребения, два трупосожжения. Нет кенотафов, погребений воинов с мечами. В инвентаре, в целом, чувствуется обеднение по сравнению с роскошью армиевских аксессуаров. Вещевые комплексы содержат явно поздние, по сравнению с основными армиевскими, вещи. Это прежде всего кольцевые застежки с выступающими трубочками и деформированные красные пастовые бусы. Преобладает вещевой материал, который характерен для самой поздней части Армиевского могильника (погребения 31, 129, 202, 236, 239). Приведем два погребения Младшего Селиксенского могильника, типичных по ритуалу и вещам.

Погребение 77, женское (рис. 30)⁵⁴. Умершая была положена на спину, вытянуто, головой на юг. Руки согнуты в локтях и положены кистями на грудь. У черепа — глиняный гладкий широкогорлый сосуд со слегка отогнутым краем. В области головы, шеи и груди — украшения: две височных подвески, слегка отличающиеся от армиевских своими массивными грузиками; три низки ожерелья из краснопастовых неровных, частью деформированных бус, среди которых были бронзовые согнутые колечки, бусина из синего стекла и сережковидная подвесочка с бусиной; бутыльчатые и звездчатые подвески и спиральки, возможно, от наконечника; две кольцевидные застежки, одна — с сильно выступающими завертками и двумя подвижными колечками на цепочках.

В ряде погребений Младшей Селиксы сережковидные подвесочки составляют ожерелья и часто перемежаются с бусами. Есть аналогичное ожерелье и в Армиевском могильни-

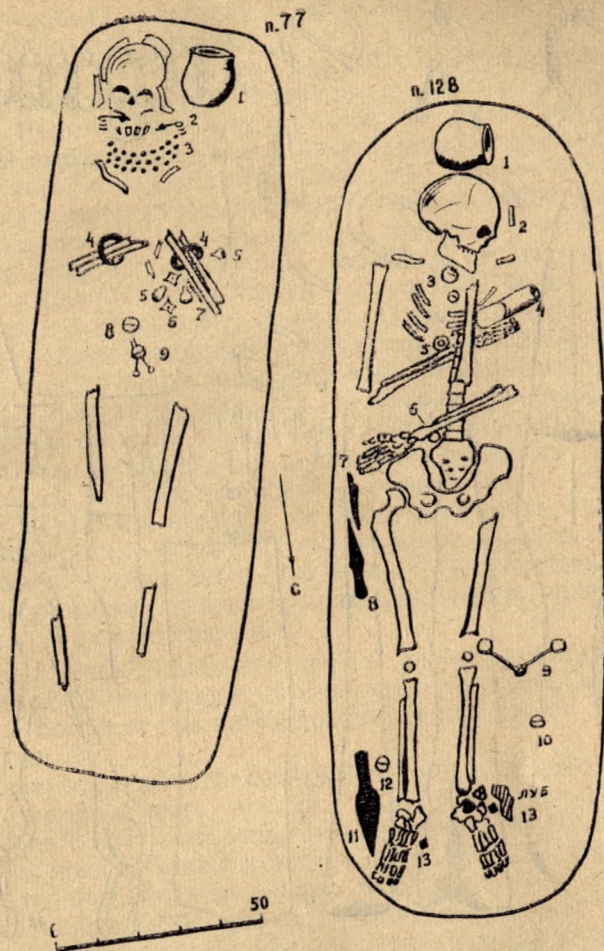

Рис. 30. Планы женского (77) и мужского (128) погребений
Младшего Селиксенского могильника.

Вещи при п. 77: 1—глиняный сосуд, 2—височные подвески, 3—ожерелье из бус, 4—браслеты, 5—бутылчатые подвески, 6—звездчатые подвески, 7—спиральки, 8, 9—кольцевые застёжки. Вещи при п. 128: 1—глиняный сосуд, 2—обломки ножа, 3—кольцевая застёжка, 4—топор, 5, 10, 12—железные пряжки, 6—бронзовая пряжка, 7—нож, 8—наконечник дротика, 9—удила, 11—наконечник копья, 13—пряжки и обоймы обувного набора.

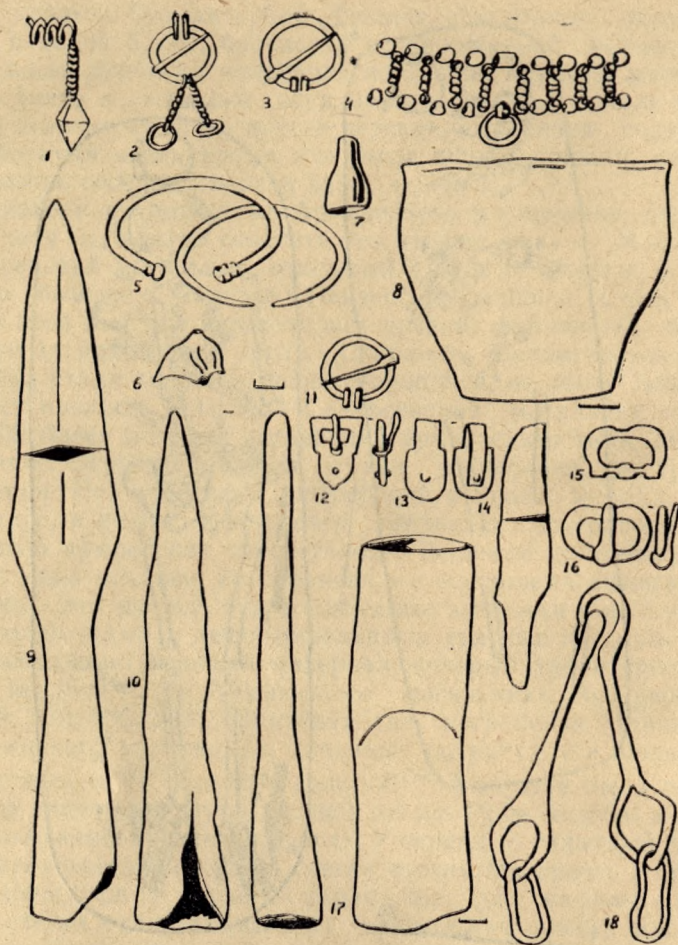

Рис. 31. Вещи из женских (75,77) и мужского (128) погребений
Младшего Селиксенского могильника.

Вещи из п. 77: 1—височная подвеска, 2, 3—кольцевые застёжки, 5—браслеты, 6 и 7—звездчатые и бутылчатые подвески; 4—часть ожерелья из п. 75. Вещи из п. 128: 9 и 10—наконечники копья и дротика, 11—кольцевая застёжка, 12 и 13—серебряная пряжка и бронзовая обоймочка наборного ремня, 14—нож, 15 и 16—бронзовая и железная пряжки, 17—топор, 18—удила.

ке (погребение 61, раскопки П. С. Рыкова). Все это, несомненно, поздний материал.

Погребение 128, мужское (рис. 30)⁵⁵. Умерший был положен на спину, вытянуто, головой на юг с отклонением к западу. Руки согнуты в локтях так, что кисть левой лежит на правой подвздошной кости, а кисть правой почти касается левого плеча. За головой погребенного — горшок бурого цвета с прямым венчиком, слабо выраженными шейкой и плечиками. У левого виска — фрагменты ножа; на месте шеи — кольцевая круглопроволочная застёжка с выступающими «усами», у левой плечевой кости — железный кельт, положенный лезвием к умершему, прямой, длиной 15 см (рис. 31); на груди — железная пряжка со слегка сплюснутым приемником; у пояса — приемник бронзовой пряжки; под левым запястьем — фигурный приемник бронзовой пряжки без язычка; у правой стороны таза — нож, четырехгранный наконечник дротика длиной 19,5 см и приемник железной пряжки, возможно, от уздечки; у правой ступни острием к ногам — наконечник копья с длинной втулкой и широким ромбовидным пером, общей длиной 27 см; на месте обеих ступней, где сохранились остатки луба (подстилки?) — украшение обуви из пары бронзовых пряжек с прямоугольными приемниками и обоймицами с заклепками.

По сравнению с большей частью погребений Армиевского могильника более поздняя дата Младшего Селиксенского могильника особенно заметна по комплексу вещей женского погребения 77.

По вопросу о датировке Армиевского могильника существуют различные точки зрения. П. С. Рыков датировал его IV—VII вв.⁵⁶ Эту датировку поддерживали А. П. Смирнов и И. В. Синицын⁵⁷. Ближе к истине подошли П. П. Ефименко и П. Д. Степанов, беря за основу последние века указанных выше хронологических рамок⁵⁸. Большое научное значение пензенских могильников мордвы I тысячелетия н. э. состоит в том, что они дают стройный ряд этапов эволюции материальной культуры, столь ярко выраженной в женских украшениях. Этот типологический ряд открывается могильниками селиксенского типа, за ними следуют могильники селикса-трофимовского типа, затем — армиевского, лядинского и далее, вплоть до XIV—XV вв.

Едва ли не на всех женских украшениях отчетливо прослеживаются ступени их преобразования, развития формы, изменения деталей⁵⁹. Это основание нашего подхода к хроноло-

гическому определению могильников армиевского типа. Затем — содержание вещевых комплексов, сопоставление этих комплексов и отдельных вещей с известными и хорошо датированными памятниками. Со всею очевидностью время существования Армиевского могильника определяется VI—VII вв., а Младшего Селиксенского VII — началом VIII в. При этом мы делаем некоторую поправку своей прежней датировке, исключив из нее V в. в связи с новейшими исследованиями. В последние годы были открыты новые пензенские могильники предармиевского времени, в том числе Селикса-Трофимовский, Степановский и Алферьевский, датирующиеся IV—началом VI в. Учтены также последние работы по вопросам раннесредневековой хронологии, разработанной А. К. Амброзом⁶⁰. К сожалению, в дальнейшем А. К. Амброс неверно датировал комплексы Старшего Селиксенского могильника VI в., игнорируя позднесарматские и позднepenьяноборские аналогии в них, а также промежуточные пензенские могильники⁶¹. Все эти соображения привели нас к передатировке ранних пензенских могильников в сторону отнесения их к несколько более позднему времени, в целом — ко второй половине III в. н. э. — первой половине VIII в. н. э. Что касается могильников армиевского типа, то можно сказать: их носители жили в досалтовское время. По данным последних исследований (работы М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой) салтово-маяцкая культура датируется серединой VIII в. — началом X в.⁶²

Историческая обстановка на юге Восточной Европы с VI в. н. э. сложилась, как известно, под знаком господства огромной державы тюркитов. Подчинив многие местные племена, тюрки-авары расселились на степных просторах юга и далее к западу, прослав в исторической литературе как жестокие и неукротимые завоеватели. Легко предположить, что тюрки послегуннского времени, воспринимая культуру местного населения, в частности сармато-алан, сами оказывали на него воздействие. Не исключено, что от них племена Среднего Поволжья заимствовали обряд трупосожжения воинов, то есть чуждый сармато-аланским племенам ритуал.

В VII в. происходит консолидация наследников тюрко-хазар и родственных им болгар. С середины VII в., как указывает М. И. Артамонов⁶³, начинается самостоятельная история хазарского и болгарского политических образований. В VII в. власть Хазарского каганата распространилась на обширные территории Восточной Европы, включая земли Среднего По-

волжья. Вполне возможно, что в VI—VII вв. в условиях опасной экспансии тюркских племен, волны которой докатывались до лесостепной полосы Среднего Поволжья, протекала жизнь южной части древнемордовских племен, к которым относится мордва эпохи Армиевского могильника.

Несомненно, что древняя мордва армиевского периода жила в условиях разложения первобытно-общинных отношений и становления военной демократии. Возможно, это общество было уже на его развитой стадии с обособлением военной дружины и военного вождя.

Не ставя задачу всестороннего рассмотрения общественной, хозяйственной жизни и религиозных представлений древнего населения, оставившего Армиевский могильник, ограничимся краткой характеристикой того, что можно реконструировать на материалах раскопанной части Армиевского могильника.

Основу хозяйства составляло оседлое скотоводство с ведением конного пастушества. Коня, надо думать, служили и военным целям. О наличии земледелия, очевидно, подсечно-огневого, можно судить по близким аналогиям⁶⁴. П. С. Рыковым было справедливо отмечено наличие у древней армиевской мордвы различных промыслов и ремесел: местной металлургии, кузнечного ремесла, выделки кожи, войлока, тканей, глиняной посуды и различных вещей из дерева⁶⁵.

Накопление богатства (по-видимому, главным образом скота) у части общинников, ставших родовой знатью, способствовало развитию межплеменных торговых связей. Усилился приток извне украшений, мечей, доспехов и других изделий. Возможно имел место уже регулярный (по крайней мере, в начальной форме) обмен, что характерно, как отмечает Ф. Энгельс, для того периода жизни племен, когда стада скота находятся в обособленной собственности⁶⁶.

Общение с южным культурным, и прежде всего с аланским миром досалтовского времени накладывало сильный отпечаток на весь облик материальной культуры мордовского населения и даже на его религиозный уклад. Однако местная, веками складывавшаяся этническая культура не умирала. Она сохраняла все черты своей самобытности и, эволюционируя и обогащаясь за счет чужеземных элементов, перешла из поколения в поколение.

В VII в. под воздействием или внешнеполитических событий, или вследствие необходимости переселения на новые места при экстенсивном ведении хозяйства, древние «армиевцы» покидают долину р. Уза и занимают лесные и луговые уголья верхнего Засурья.

П. С. Рыковым было обнаружено Армиевское селище, находящееся в 3 км к востоку от с. Армиево и в 7,5 км в том же направлении от Армиевского могильника. Им было раскопано, как он сам называет, «несколько курганообразных насыпей», под которыми оказались землянки округлой или прямоугольной формы, обложенные камнем-дикарем, с остатками круговых нар, поддерживающего кровлю столба и очага⁶⁷. Данное селище П. С. Рыков прямо связывал с Армиевским могильником.

Нашей экспедицией были продолжены раскопки Армиевского селища. Вскрыто 4 «насыпи» и часть окружающей их площади с культурным слоем⁶⁸. «Насыпи» 1, 2 и 3 дали остатки многоугольных наземных конструкций, возможно жилищ, сожженных и заваленных землей. Многочисленные зольные пятна и углистые прослойки при отсутствии очагов возможно свидетельствуют о нежилом назначении насыпей. Быть может они служили местом сожжения воинов или знатных общинников. Насыпь № 17 содержала обрубки ритуального дерева. Культ деревьев был распространен у финно-угорских и, особенно, у древнетюркских племен⁶⁹.

Насыпи 2 и 3 дали жертвенныеклады вещей салтовского типа, положенные на материк: фигурные рельефные серебряные бляшки наборных поясов, боевой топор-молот, стремяна, удила, листовидные наконечники стрел и копий. Все эти вещи никакого отношения к Армиевскому могильнику не имели и относятся к более позднему времени. Есть лишь генетическая преемственность и последовательность культуры этих насыпей и Армиевского могильника, судя по наличию в насыпке «насыпей» типичной мордовской керамики и кольцевых застёжек с длинными трубочками (VIII—X вв.). Не подтвердились данные П. С. Рыкова о планировке «землянок». О том, кем были воздвигнуты «насыпи» (или курганообразные могилы?), высказано две точки зрения. Одна заключается в том, что это селище принадлежало мордве⁷⁰. А. Х. Халиков относит раскопанные «насыпи» к числу складывающегося союза тюркоязычных племен, уже ранее вторгшихся на земли Среднего Поволжья. Они и оставили описанные выше сооружения-насыпи на Армиевском селище⁷¹. Если это так, то

не с вторжением ли тюрок увязывается уход древних армиевцев в Верхнее Посурье на места обитания своих древних предков?

В заключение несколько слов об этногенезе населения, оставившего Армиевский могильник. Первое и справедливое определение принадлежности ее мордовскому племени, при этом его южного ареала, высказал П. С. Рыков⁷². Ему же принадлежит и гипотеза о том, что это население было «...в основе финским, точнее древне-мордовским, а ближайше, очевидно, мокшанским, что утверждать мы имеем несомненное право на основании исторических сведений...»⁷³. Ныне эта гипотеза с открытием целой системы памятников мордвы I тыс. н. э. превратилась в научную реальность. Следует поэтому отказаться от устарелых взглядов, согласно которым четкие признаки, разделяющие мордву-мокшу и мордву-эрзу, относятся ко времени не ранее XII века (А. Е. Алихова, А. Л. Монгайт)⁷⁴. Мокшанский этнос Армиевского могильника легко проследить, в том числе ретроспективно, начиная с XIII в. Достаточно с этой целью указать на южную ориентировку умерших, на поразительную стойкость всех типов женских украшений, наконец, на такой специфический для женщин-мокшанок предмет, как височная подвеска с грузиком и спиралькой. У других мордовских племен, в других регионах эта подвеска тоже встречается, но изредка и только во второй половине I тыс. н. э.⁷⁵, по-видимому, как предмет, характеризующий связи с мордвой-мокшей.

Доказано, что истоками армиевской культуры явилась селиксенская культура III—IV вв. н. э. Первая половина I тыс. н. э. шла под знаком начального становления мордовского этноса, при котором на обширных территориях Волго-Окского междуречья сплавливались местные городецкие и пришлые прикамские племена. Одним из результатов этого процесса явилась исторически сложившаяся этническая общность — мордва, с ее единой, как полагают исследователи, языковой основой⁷⁶, но уже с начальной дифференциацией материальной культуры⁷⁷. Эта дифференциация выразилась, с одной стороны, в культуре памятников кошибеевского типа — подоснове мордвы-эрзи, с другой стороны, — в культуре памятников селиксенского типа — подоснове культуры мордвы-мокши⁷⁸.

¹ П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, с. 5 и табл. А.

² Там же, с. 4, табл. А.

³ М. Р. Полесских. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1957 году. Архив ИА АН СССР.

⁴ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, ч. 1, 1959, с. 492.

⁵ М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы. Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 45. Саранск, 1974, с. 30.

⁶ А. А. Спицын. Древности рек Оки и Камы. МАР, 25. Спб., 1904, с. 26.

⁷ Т. М. Минаева. Погребения с сожжением у гор. Покровска. УЗСГУ, т. VI. Саратов, 1927, с. 91—123.

⁸ М. Р. Полесских. Отчеты о раскопках в Пензенской области в 1959 и др. годы. Архив ИА АН СССР.

⁹ М. Р. Полесских. Исследования городецких городищ в Пензенской области. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (тезисы). Казань, 1974, с. 24.

¹⁰ М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 165; его же. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий. Вопросы финноугроведения, вып. V. Йошкар-Ола, 1970, с. 274, 278.

¹¹ М. Р. Полесских. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4, с. 180.

¹² П. С. Рыков. Указ. соч., с. 10, 11.

¹³ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. СЭ, т. III, вып. 1. М., 1926, с. 61, 80.

¹⁴ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 17, 18.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, № 3, с. 104—110, 116.

¹⁷ Анализ выполнен инженерами Н. А. Конак и Д. Ф. Ронис, доцентом В. В. Зиминной.

¹⁸ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 13, 14.

¹⁹ В. А. Городцов. Дубровичский финский могильник. Труды общества исследователей Рязанского края, вып. V. Рязань, 1925, с. 13, 14.

²⁰ П. С. Рыков. Указ. соч., табл. II, III.

²¹ М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4, с. 204.

²² М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы, с. 24, рис. 2.

²³ М. Р. Полесских. Пензенские могильники мордвы IV—V вв., с. 180.

²⁴ М. Р. Полесских. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начала II тысячелетий н. э. Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 39. Саранск, 1970, с. 127.

²⁵ Р. Ф. Воронина. Женский головной убор среднепеченской мордвы VIII—XI вв.—КСИА, вып. 136. М., 1973, с. 51.

²⁶ П. С. Рыков. Указ. соч., табл. X; М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы, с. 24, рис. 2—4.

²⁷ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, с. 79.

²⁸ М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области, с. 204, рис. 2.

²⁹ М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы, с. 28, рис. 5—15.

- ³⁰ М. Р. Полесских. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I начала II тысячелетия н. э., с. 119.
- ³¹ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 26.
- ³² Там же, табл. XVIII.
- ³³ В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе. ИАК, вып. 56, с. 135, 154; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА., № 60, т. 1. 1959, с. 131, 132; Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе (Кубань). КСИА, вып. 68. 1957, с. 133; В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3, с. 55, 56; Классификация бус юго-восточной Европы VI—XI вв. СА, 1961, № 3, с. 210—213.
- ³⁴ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 24.
- ³⁵ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 1951, № 3, с. 25, табл. VI; Н. А. Мажитов. Новотурбаслинский могильник VI—VII вв. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, с. 136.
- ³⁶ П. Д. Степанов. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа, 1964, с. 144.
- ³⁷ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, с. 296; В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, № 2, с. 86.
- ³⁸ М. Р. Полесских. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа. СА, 1968, № 1.
- ³⁹ Там же, с. 133.
- ⁴⁰ А. И. Маскаев. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, с. 253.
- ⁴¹ Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955.
- ⁴² А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XII.
- ⁴³ Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ Покров ка, с. 92, табл. I.
- ⁴⁴ М. Р. Полесских. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начала II тысячелетия н. э., рис. 2.
- ⁴⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 1961, № 94, с. 123; В. А. Городцов. Указ. соч., с. 14; Н. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXII.
- ⁴⁶ П. Н. Акритас. Вновь открытые подземные склепы в Баксанском ущелье. УЗ КаБНИИ, XI. Нальчик, 1957, с. 410.
- ⁴⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники крымских готов. ИАК, вып. 19. Спб., 1906, табл. V, с. 54—72, табл. IX.
- ⁴⁸ М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижнедзуглатского могильника. УЗ КаБНИИ, т. XXV. Нальчик, 1967, с. 152.
- ⁴⁹ Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VII вв. и их место в древней истории Башкирии. Древности Башкирии. М., 1970; Ю. А. Краснов. Безводнинский могильник. КСИА, вып. 140. 1974, с. 91.
- ⁵⁰ С. Руденко, А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. 2. Л., 1927, с. 45.
- ⁵¹ П. Д. Степанов. Ош пандо. Саранск, 1967, с. 83, 84.
- ⁵² М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы, с. 17.
- ⁵³ М. Р. Полесских. Могильник «армиевского» типа в Пензенской области. КСИИМК, вып. 55, с. 149.

⁵⁴ М. Р. Полесских. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области за 1959 г. Архив ИА АН СССР.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 38.

⁵⁷ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 1952, № 28, с. 116; И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. УЗ СГУ, т. XXXIX, вып. 54. Саратов, с. 228.

⁵⁸ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. СА, II, 1937, с. 46, 47; П. Д. Степанов. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. УЗ СГПИ и СГУ, вып. XXII. Саратов, 1956, с. 72.

⁵⁹ М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши.

⁶⁰ А. К. Амброз. Указ. соч., с. 105, 115, 117.

⁶¹ А. К. Амброз. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.—Автореферат докторской диссертации. М., 1974, с. 43.

⁶² С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 135.

⁶³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 171.

⁶⁴ П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии древней мордвы. СЭ, 1950, № 3.

⁶⁵ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 42—44.

⁶⁶ К. Маркси Ф. Энгельс. Соч., 2-ое изд., т. 21, с. 160.

⁶⁷ П. С. Рыков. Указ. соч., с. 42, 43.

⁶⁸ М. Р. Полесских. Отчеты об археологических исследованиях в Пензенской области за 1960 г. (к датировке насыпи № 1 в дальнейшем внесены поправки), 1969 г. — насыпи №№ 2,3 и 1971 — насыпь-святилище № 17.

⁶⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 187 («С деревьями связывалось представление о Тенгрихане, которому приписывалось управление силами природы»).

⁷⁰ М. Р. Полесских. Раскопки жилищ VIII—IX вв. АО 1969 года. М., 1970, с. 65.

⁷¹ А. Х. Халиков. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар. Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 год. Казань, 1971, с. 114.

⁷² П. С. Рыков. Указ. соч., с. 38.

⁷³ Там же, с. 40.

⁷⁴ А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2, с. 77; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, с. 116.

⁷⁵ Например, Андреевский курган, Таутовский могильник; позднее — Иваньковский, Абрамовский могильники.

⁷⁶ М. Н. Коляденков. Историческая общность мокши и эрзи по данным языка. Этногенез мордовского народа, с. 65.

⁷⁷ П. Д. Степанов. Древняя история мордвы-эрзи. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 34. Саранск, 1968, с. 263, 266; его же. Древняя история мордвы-эрзи. Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 39. Саранск, 1970, с. 55—57.

⁷⁸ М. Р. Полесских. Новые памятники древнейшей мордвы, с. 19—21; его же. К вопросу о субстрате селиксенской культуры. Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 52. Саранск, 1976.

ВТОРОЙ ЖУРАВКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Второй Журавкинский могильник расположен на мысовидном выступе коренного левого берега реки Вада, в 600 м к югу от села Журавкина Zubovo-Полянского района Мордовской АССР. Высота мыса над уровнем пойменных лугов — 4 м. Первые сведения о памятнике были получены в 1972 г. от ученика Журавкинской школы Н. Е. Пуштаева.

Стратиграфия раскопа несложная. Верхний слой — дерн мощностью до 3—4 см, под ним светлая супесь толщиной до 2—3 см. Ниже залегает темная супесь до 20 см. В грунте встречались фрагменты керамики с текстильными отпечатками. На площади раскопа в 1044 кв. м исследовано 48 погребений (рис. 27).

Основным типом могильных сооружений является грунтовая яма прямоугольной формы со скругленными углами. Стенки ям отвесные, дно ровное. Погребения располагались рядами. В рядах в свою очередь наблюдается определенная закономерность в расположении мужских и женских, женских и детских погребений. Основной обряд погребения трупоположение, но встречаются частичное и полное трупосожжения. Большинство могильных ям мужских захоронений имели длину от 200 до 265 см, при глубине 83—135 см; женских — от 185 до 215 см, при глубине 75—115 см.

Костяки во всех ямах лежали на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. Два костяка лежали головой на юг и два на юго-запад. Преобладают погребения с вытянутыми вдоль костяка руками, но встречаются захоронения с руками на животе, на груди и в одном случае — с кистями рук у лица. Следует отметить еще одну черту погребального обряда: в мужских погребениях встречались женские вещи, в женских — мужские.

При трупосожжениях кремация производилась на стороне. Этим объясняется наличие кострищ на территории могильника. Пережженные кости рассыпались по дну могильной ямы или складывались в каком-либо месте. Вещи в погребениях располагались как и при трупоположениях. Два погребения совершены по обряду частичного трупосожжения. В одном случае пережженные кости были положены у юго-восточного края на дно могилы, в другом — располагались

в засыпке. На дне 18 могил обнаружена лубяная подстилка, а в одной могиле — войлочная.

Все погребения сопровождались разнообразным инвентарем, состоящим из украшений, орудий, оружия, конского снаряжения и бытовых предметов. Отдельные категории вещей характерны только для женского костюма. К ним относятся налобные венчики, височные привески с грузиками, дисковидные бляхи с дверкой, темянные шнуры, накосники, ожерелья из бус, украшения обуви, различные бронзовые подвески и привески, входящие в состав более сложных привесок, и спиральные браслеты. Принадлежностью только мужского костюма являются застежки с крылатой иглой, пояса с накладками, перстневидные височные кольца (но они иногда встречаются и в женских погребениях). Гривны, браслеты, перстни, сюлгамы характеризуют как мужские, так и женские костюмы.

Налобный венчик состоит из секций длинных и коротких трубочек с кольцевым орнаментом на концах или посередине и соединительных прямоугольных обойм, украшенных рельефными шишечками. Венчик застегивался сзади при помощи пряжки. Все найденные венчики однотипны. Разница состояла лишь в количестве трубочек в секциях и в чередовании коротких и длинных трубочек (рис. 7, 13).

Височные привески с грузиком и спиралькой сопровождают только женские погребения. Они сделаны из бронзы или серебра. По величине и числу витков спиралек и по форме грузика они подразделяются на два типа.

Тип 1. Грузик пирамидальный, спиралька в 5—6 витков. Длина привесок 6—7 см. Стержни обматывались бронзовой проволокой треугольного сечения (рис. 7,7).

Тип 2. Грузик удлинённый, на нем почти исчезают грани. Количество оборотов спирали увеличено, стержень удлинён до 11 см (рис. 13,2).

Височные кольца делятся на два типа. Тип 1. Кольца, сделанные из бронзового или серебряного прутка с прямо обрубленными и разомкнутыми концами (рис 10, 17). Тип. 2. Кольца, сделанные из бронзовой проволоки, один конец их расплюсчен и имеет отверстие, другой — загнут в виде крючка (рис. 26, 4).

Накосники изготавливались из ремешка, разрезанного на полоски. Ремешок украшался бронзовыми пронизками. На концы подвешивались звездчатые или бутылчатые подвески (рис. 23,27). Темянный шнур изготавливали из узкого ремешка,

на который одевали бронзовые обоймочки. Он оканчивался бронзовой пластинчатой привеской с подвесками (рис. 25, 9).

Гривны по форме подразделяются на два типа.

Тип 1. Серповидные с накладной пластиной, с конусовидными или трапецевидными подвесками (рис. 22,1; 25,14). Тип 2. Круглопроволочные, по конструкции замка подразделяются на ряд вариантов. Одни изготовлены из бронзового дрота, обмотанного толстой бронзовой проволокой треугольного сечения с замком в виде петли на одном и лодочки на другом конце (рис. 22,2). Другие — гладкие или имеют витую нарезку на дроте, с концами, которые оформлены в виде многогранника и петли (рис. 23, 36; 25, 16).

Многочисленны находки бус разных типов.

Одноцветные. Тип 1. Многогранные из синего прозрачного стекла. Одна бусина из желтого стекла (рис. 7, 31, 36, 37). Тип 2. Шаровидные или неправильной округлой формы из прозрачного или полупрозрачного синего стекла (рис. 9, 26). Тип 3. Ребристые, ближе к боченковидной форме, диаметром до 0,5 см. Полупрозрачные, чаще непрозрачные из светло-зеленого, желтого цветов. Иногда двух- или трехсоставные (рис. 16, 28; 17, 28, 33). Тип 4. Цилиндрические из желтого и голубого стекла (рис. 6, 25; 24, 25). Тип 5. Эллипсоидные из голубого и светло-коричневого непрозрачного стекла (рис. 6, 25). Тип 6. Бисер, различной формы, чаще рубленый из светлого, желтого, синего, фиолетового и зеленого стекла (рис. 8, 25, 26; 16, 23, 24). Тип 7. Четковидные из зеленого, желтого, синего, фиолетового и голубого стекла. По размерам немного больше бисера (рис. 7, 32; 19, 25). Тип 8. Бусы с металлической прокладкой, основа позолоченная или посеребренная (рис. 6, 27; 23, 20, 22).

Глазчатые. Тип 1. Шарообразные, со слоистыми невыступающими глазками. Основа бус синяя. Иногда на желтой основе синий глазок с красной обводкой (рис. 6, 11, 30). Тип 2. Глазчато-полосатые. Основная форма шаровидная, есть и эллипсоидные. Глазки красного, желтого, зеленого цветов с разноцветной обводкой (рис. 7, 14, 16, 17). Тип 3. Полосчатые, основная форма эллипсоидная, но есть и боченковидные. Для них характерны волнистые разноцветные полоски (рис. 6, 34, 35), а для боченковидных — продольные полоски (рис. 6, 33). Тип 4. Бусы на черной основе с напускными глазками, разноцветной окантовкой и белыми разводами (рис. 15, 6; 11, 14).

Мозаичные. Тип 1. Цилиндрические бусы с синими, крас-

ными, зелеными, желтыми полосками (рис. 7, 29). Тип 2. Боченовидные бусы с пятнистыми полосками (рис. 7, 15).

В одном погребении найдена глиняная бусина битрапцевидной формы и раковина «каури» (рис. 9, 15; 13, 24).

Шумящие привески по форме щитка-основы подразделяются на несколько типов. Тип 1. Щиток в виде рубчатого цилиндрика, с лапчатыми подвесками (рис. 11, 8). Тип 2. Щиток в виде полуцилиндрика, расположенного горизонтально. К нижней части припаяны колечки, к которым подвешивались лапчатые, трапцевидные или бутыльчатые подвески (рис. 7, 18; 23, 38). Тип 3. С четырехугольным щитком с трапцевидными подвесками. Щиток составлен из прямых и зигзагообразных проволок. Снизу он имеет кольца для подвесок (рис. 18, 12). Тип 4. С треугольным щитком. Щиток выполнен из тонких бронзовых проволочек, спаянных между собой, образующих треугольник (рис. 6, 42, 25, 4). Тип 5. Щиток в виде стилизованной фигуры коня с лапчатыми подвесками. Изготовлен из спаянных между собой парных бронзовых проволочек (рис. 25, 1, 3). Тип 6. Щиток представляет собой вытянутый по вертикали прямоугольник с овальными или клювовидными выступами в верхней части. По нижнему краю имеются по 7—8 отверстий для подвесок (рис. 17, 8, 19, 20).

Кроме перечисленных типов встречается много подвесок иных форм: бубенчики шаровидные или грушевидные с разрезом в нижней части и ушком сверху (рис. 7, 19); в виде утиной лапки на цепочке (рис. 8, 31); широкие бутыльчатые подвески с трубчатым концом с ободками по краям (рис. 10, 5, 8); в виде гирьки и самоварчика (рис. 11, 12; 8, 34); крестовидные, звездчатые и трапцевидные (рис. 13, 9; 16; 40; 17, 31). В одном погребении в состав ожерелья входили астрагалы какого-то мелкого животного (рис. 13, 3).

Ажурные бляхи выполнены из тонких прямых и зигзагообразных проволочек. По внешнему краю снизу имеются кольца, к которым привешивались на цепочках лапчатые подвески. В центре — отверстие и подвижная игла. В верхней части есть перемычка из витых проволочек, оканчивающихся тройной спиралькой (рис. 6, 8). Иногда перемычку заменяли припаянные в два-три ряда спиральки (рис. 14, 4).

Функцию нагрудного украшения и застежки в мужском костюме выполняли бляхи-застежки с крылатой иглой. Они, как правило, изготавливались из низкопробного серебра, всегда

круглые с длинными усами, которые орнаментировались зонными ободками (рис. 10, 1).

Бляхи с подвижной крышечкой посредине в могильнике встречены только в женских захоронениях. Все они однотипны. Небольшое различие их только в расположении орнамента на бляхе и в устройстве язычка на крышке (рис. 13, 1; 18, 1).

Во всех погребениях в различном количестве встречаются застешки-сюлгамы. По технике исполнения они подразделяются на две группы — литые и кованые. Литые — однотипны. Кольцо и усы подтреугольного сечения, усы длинные, выступающие внутрь (рис. 16, 11). Кованые сюлгамы по форме усов, сечению кольца и орнаменту подразделяются на ряд типов.

Тип 1. С длинными трубчатыми усами, выступающими внутрь кольца, имеющего круглое, овальное или четырехугольное сечение. Некоторые из них имеют на кольце и усах орнамент — насечки (рис. 6, 3; 9, 17). Тип 2. С разомкнутыми усами без выступа внутрь кольца. Концы усов несколько расплющены (рис. 19, 9).

Браслеты составляют наиболее многочисленную группу украшений как в мужских, так и в женских погребениях. Все они изготовлены из бронзы. По форме подразделяются на пластинчатые, спиральные, круглопроволочные. По оформлению концов пластинчатые и круглопроволочные подразделяются на типы.

Пластинчатые браслеты. Тип 1. Из бронзовой пластины прямоугольного сечения, с отогнутыми наружу концами. Обычно они не орнаментированы (рис. 6, 2). Тип 2. Отличается от типа 1 прямыми концами (рис. 6, 17). Тип 3. Из бронзовой пластины разного сечения с шляпкоконечными концами, иногда с насечным орнаментом у концов (рис. 6, 45; 10, 2, 4; 15, 16).

Спиральные браслеты. По форме они однотипны. Изготавливались из бронзовой проволоки треугольного сечения. Поверхность некоторых орнаментирована насечным орнаментом (рис. 21, 3, 29).

Круглопроволочные браслеты изготавливались из бронзового дрота с прямо обрубленными концами (рис. 14, 15).

Перстни, найденные в могильнике, по форме и технике исполнения подразделяются на ряд типов.

Тип 1. Спиральные. Изготовлены из бронзовой проволоки треугольного сечения (рис. 13, 28). Тип 2. Ажурные перстни

с лапчатыми подвесками (рис. 14, 8). Тип 3. Пластинчатые овально-щитковые усаые перстни (рис. 15, 21).

Пояса встречаются в мужских погребениях, реже в женских. Располагались в области таза, иногда — у правого бока. Изготавливались ремни из сыромятной кожи и всегда украшались серебряными или бронзовыми бляшками различной формы. Оканчивались они пряжкой на одном конце и накладкой продолговатой формы — на другом. В редких случаях к основному ремню крепились подвесные ремешки и ажурные подвески.

Поясные пряжки изготавливались из бронзовой и железной проволоки и имели различную форму.

Бронзовые пряжки. Тип 1. Рамчатые. Изготовлены из бронзового дрота с пластинкой для крепления к ремню. Расплющенные концы соединены стерженьком, на котором свободно вращается язычок. Боковые стенки вогнуты внутрь (рис. 8, 19). Тип 2. Литые с неподвижным соединением со щитком. Язычок вращается свободно на стерженьке, закрепленном в корпусе пряжки. Конец соединительной пластины немного расширен и приострен (рис. 19, 14). Тип 3. Цельнолитые. По способу соединения со щитком аналогичен пряжкам типа 2. Отличается только формой щитка (она напоминает трапецию), орнаментом насечками на поверхности (рис. 20, 9). Тип 4. Подчетыреугольной формы без соединительной пластины. Сечение прямоугольное (рис. 7, 23).

Железные пряжки. Скорее всего они являются принадлежностью конского снаряжения. В основном они имели рамку четырехугольной, квадратной, трапециевидной, овальной и круглой формы (рис. 9, 16; 12, 9, 13; 20, 7).

Бронзовые наконечники ремней по технике изготовления чаще встречаются штампованные, реже литые. По форме почти одинаковы и имеют вид продолговатой пластины с закругленными в нижней части концами. Все они орнаментированы. Типы орнаментов представлены на рис. 8, 19; 15, 7; 20, 14.

Формы поясных бляшек очень разнообразны: четырехугольные с прямым вырезом посередине, арочные, пятиугольные с фигурным вырезом, подтреугольные с вырезом на одном конце, сердцевидные с овальным отверстием, литые дуарочные, четырехугольные с подвесными кольцами, четырехугольные с изображением на лицевой стороне фигуры птицы, сердцевидные с растительным орнаментом. Изго-

товлены из бронзы или низкопробного серебра (см. рис. комплексов).

К поясу из погребения № 8 была пристегнута привеска круглой формы с клювовидными выступами по окружности (рис. 8, 11).

Орудия труда и бытовые предметы. Эти категории вещей в различных сочетаниях встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Однако только в женских захоронениях найдены литейные принадлежности, орудия прядения, вышивания, глиняная посуда (только один сосуд стоял в мужском погребении). Топоры, ножи, фитильные трубки, кресала характерны для мужских и женских погребений.

Топоры. По форме обуха они подразделяются на втульчатые и проушные. Первые имеют цилиндрическую втулку, соединенную с лезвием под незначительным углом (рис. 6, 19).

Проушные топоры встречаются трех типов. Тип 1. Со щековицами, небольшим овальным обушком и несколько скошенным лезвием (рис. 20, 17). Тип 2. Со скошенным лезвием и щитовидно-ромбическим обушком (рис. 15, 1). Тип 3. С массивным лезвием, с небольшими овальными нащечниками, четырехугольной молоточной частью. Возможно, топоры этого типа относились к разряду боевых (рис. 19, 17).

Ножи располагались в области таза с разных сторон, реже — в изголовье. Форма ножей типичная: лезвие с прямой спинкой, треугольное в сечении, с уступами у черешка. В одном погребении найден нож с бронзовой втульчатой рукояткой (рис. 14, 7; 19, 16).

Долото в могильнике найдено только в одном экземпляре. По форме напоминает втульчатый топор. Осевые линии втулки и лезвия совпадают. Заточка лезвия двусторонняя (рис. 20, 3).

Шилья найдены в обломках. Изготовлены из железного дрота с приостренным одним концом (рис. 13, 11).

Вязальные крючки делались из железной пластины с приостренными и загнутыми концами (рис. 16, 18).

Пряслица — глиняные, в сечении биконические. Орнаментировались радиально расходящимися линиями (рис. 13, 14). Одно пряслице оловянное биконической формы (рис. 23, 14).

Фитильные трубки изготавливались из железной трубки. Один конец загнут в кольцо (рис. 9, 4). Во многих погребениях встречались железные кресала. Все они желобчатые (рис. 8, 17).

Формочки и льячки относятся к предметам литейного

дела. Сохранившаяся формочка была изготовлена из белой глины. Она имела форму прямоугольника и предназначалась для отлива мелких украшений (рис. 13, 18).

Льячки представляют собой глиняные ковшечки с носиками для слива и втульчатыми ручками (рис. 19, 2).

Точильные бруски встречены только в трех погребениях. Форма их четырехугольная, имеются отверстия для подвешивания (рис. 15, 19).

Керамика. В женских и детских захоронениях встречаются по два-три сосуда. Обычно они ставились у головы умершего, реже в ногах. По размерам они различны. Есть миниатюрные сосудики с диаметром горла от 3 до 5 см. Встречаются и более крупные горшки, диаметр горла которых достигает 17 см. Цвет преимущественно светло-коричневый. Поверхность горшков хорошо заглажена. Примесь в тесте однородна: песок и шамот. По форме они делятся на горшковидные, баночные, мискообразные.

Горшковидные. Плечики расположены в средней части высоты сосуда. Среди них имеются остросереберные (рис. 17, 6) и с округло выступающими плечиками (рис. 13, 16). Большинство же горшков представлено сосудами с приподнятыми слабо выраженными плечиками (рис. 8, 20). Один сосуд был с опущенными плечиками (рис. 24, 19).

Баночные. С прямым или слегка отогнутым венчиком, диаметр горла больше высоты сосуда. Эта форма преобладает среди небольших сосудиков (рис. 6, 5).

Мискообразные. Имеют отогнутый или прямой венчик и сильно профилированное тулово. Диаметр горла больше высоты сосуда (рис. 14, 1, 2). Один горшочек остродонный с прямым венчиком (рис. 9, 33).

Оружие. Снаряжение верхового коня.

Меч. В погребении № 37 найден меч с прямым перекрестием. Навершие в фас и в профиль треугольное. На клинке имеется широкий дол (рис. 20, 2).

Копья. Чаше располагались в изголовье, реже — в ногах. По форме пера и сечению подразделяются на три типа.

Тип 1. Перо ромбической формы, сечение—линзовидное (рис. 19, 15). Тип 2. Перо треугольной формы, сечение—утолщенный ромб (рис. 11, 1). Тип 3. Перо треугольной формы (пиковидное), сечение — утолщенный ромб (рис. 20, 4).

Наконечники стрел. По форме черешка подразделяются на втульчатые и черешковые. Втульчатые наконечники имеют ромбовидное перо, сечение линзовидное или ромбо-

видное (рис. 10, 23, 25). Черешковые стрелы по форме пера подразделяются на типы.

Тип 1. С треугольным без упора пером, сечение — линзовидное, треугольное (рис. 10, 28; 14, 16, 19). Тип 2. Трехлопастные с пером без упора или с упором (рис. 10, 32, 34). Тип 3. Граненые (бронбойные). Чаше в сечении имеют форму ромба и треугольника, перо с упором и без упора (рис. 10, 30, 31, 14; 17, 18).

Удила. Представлены тремя типами. Тип 1. С подвижными и неподвижными кольцами (рис. 12, 8). Тип 2. С большими четырехугольного сечения кольцами (рис. 20, 10). Тип 3. Удила с прямыми псалиями и плоскими щитками. На щитках отверстия круглой и четырехугольной формы (рис. 11, 17).

Стремена. Представлены одним типом. Контур арочный, ушко—прямоугольное или трапециевидное. Подножка — плоская, слегка вогнута. Нижняя часть ее снабжена тремя валиками и сведенными отверстиями (рис. 12, 15).

Узда. Представлена фрагментарно, богато отделана серебряными, бронзовыми и с инкрустацией золотом бляшками (рис. 12, 1—6).

Седло. Найдены лишь отдельные детали седла: часть деревянной луки и берестяная обкладка (рис. 12, 7, 10).

Дата вскрытых погребений определяется нами в пределах второй половины VIII—начала XI в. н. э. Височные привески типа 1 датируются VIII—XI вв. н. э. Они широко бытуют в ранних комплексах Елизавет-Михайловского, Пановского¹, Крюковско-Кужновского², Лядинского³, у пос. Заря могильников⁴. Височные кольца типа 1 были распространены от Сибири до Венгрии и существовали в течение продолжительного периода⁵.

В комплексах этого же времени встречаются шейные гривны. К наиболее раннему типу относятся серповидные без накладной пластины с конусовидными и трапециевидными подвесками. В дальнейшем они приобретают накладную пластину и бытуют вплоть до X в. Гривны с замком в виде лодочки характерны также для VIII—IX вв. н. э.

Большую часть украшений составляют бусы. В подавляющем большинстве они датируются VIII—IX вв. н. э. К этому времени относятся одноцветные бусы (типа 2, 3); с металлической прокладкой, глазчатые (типа 1, 2), которые представлены в памятниках Крыма, Центрального Предкавказья и Южной Осетии⁶.

Бляхи-застежки с крылатой иглой характерны для ран-

них комплексов II Журавкинского могильника. Подобные украшения известны в погребениях Серповского могильника⁷ и среди муромских древностей⁸.

Браслеты можно датировать следующим образом. Шляпкоконечные встречаются в погребениях VIII—IX вв. В памятниках IX в. появляются спиральные браслеты и бытуют вместе с шляпкоконечными до X в.⁹ Для этого периода характерны литые пряжки, которые широко бытуют в салтовских памятниках¹⁰.

Для погребений X—XI вв. н. э. характерны сюлгамы типа 2. Аналогичные украшения встречаются в поздних комплексах Елизавет-Михайловского, Пановского могильников¹¹. Височные привески с пирамидальным грузиком типа 2 характерны для названных могильников.

Коньковые привески типа 2 могут быть датированы X в., но они не получили широкого распространения у мордвы. Основной территорией распространения подобных украшений является Владимирщина¹².

К поздним формам перстней следует отнести овально-щитковые усатые. В основном они встречаются в памятниках бассейнов рек Волги и нижней Оки. Подобные изделия считаются характерными для финских племен¹³.

Наконечники черешковых стрел (типа 3) в основном распространены в Восточной Европе с X по XIV вв. включительно¹⁴.

Мечи того типа, который найден в описываемом могильнике, встречаются во всех районах Руси. Крайней восточной областью распространения подобных мечей является Волжская Болгария¹⁵.

Приведенные выше аналогии, на наш взгляд, достаточны для датировки II Журавкинского могильника в целом второй половиной VIII — началом XI в. н. э. Одновременно следует подчеркнуть, что значительная часть материала (узденные наборы, поясные бляшки, шумящие привески, удила, стремена, топоры, кресала) более характерны для IX века.

Основным показателем этнической принадлежности того или иного памятника является погребальный обряд и инвентарь. По этим признакам II Журавкинский могильник аналогичен могильникам VIII—XI вв., расположенными в бассейне реки Цны (Лядинский, Томниковский, Елизавет-Михайловский, Пановский). Для этих памятников общим является юго-восточная и южная ориентировки погребенных, преобладание трупоположения над трупосожжением конструкции

могильных сооружений, расположение погребального инвентаря в могилах. Одинаковым является набор погребального инвентаря. Широко бытуют в захоронениях вышеописанных могильников налобные венчики, височные привески с пирамидальным грузиком, нагрудные бляхи, бляхи-застежки с крылатой иглой, лопастные, звездчатые и крестовидные привески, украшения головы и головного убора (теменные шнуры и накосники), украшения обуви. При сопоставлении материала II Журавкинского могильника с инвентарем памятников, расположенных на Цне, следует отметить разницу лишь в привозном инвентаре. В цнинских могильниках чаще, чем во II Журавкинском могильнике, встречаются изделия аланских мастеров. Подобное явление можно объяснить близостью территории аланов Подонья.

Сравнивая материалы и погребальный обряд могильников у с. Журавкино, «Мещанский» лес¹⁶, и пос. Заря и памятников, расположенных на средней Цне, следует отметить, что в VIII—XI вв. н. э. в бассейнах рек Мокши и Цны проживала этнически однородная группа мордвы — мокша. Позднее в XI—XIII вв. этим населением были оставлены могильники у сел Ефаево, Кельгинино, Калиновка и др., расположенных на территории современной Мордовии.

¹ Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 29, рис. 1.

² Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952, табл. 14, рис. 1.

³ Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, табл. 5, рис. 5.

⁴ М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Археологический сборник, т. 2. Саранск, 1959, табл. 28, рис. 1, 2.

⁵ А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I—начала II тысячелетия н. э. Археологический сборник, т. 2. Саранск, 1959, с. 20.

⁶ Д. В. Диопик. Классификация бус юго-восточной Европы IV—VI вв. СА, 1961, № 3, с. 217.

⁷ А. Е. Алихова. Серповский могильник. Археологический сборник, т. II. Саранск, 1959, табл. 51, рис. 5.

⁸ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94, 1961, рис. 51, 1.

⁹ Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв., с. 10.

¹⁰ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА № 142, 1967, с. 162.

¹¹ Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв., табл. 32, рис. 16.

¹² Л. А. Голубева. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки. СА, 1976, № 2, с. 81.

¹³ Н. Г. Недошивина. Перстни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 1967, с. 257—258.

¹⁴ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. САИ, Е1—36, 1966, с. 54—55.

¹⁵ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2. САИ, 1966, с. 27.

¹⁶ В. Н. Мартыанов. Отчет об археологических работах за 1974—1975 гг. РФ МНИИЯЛИЭ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже дается описание погребений II Журавкинского могильника, исследованных в 1974—1975 гг. Контуры могильных ям прослеживались на глубине 20—45 см от уровня современной поверхности. Все могильные ямы имели прямоугольную форму с округлыми углами. В засыпке всех погребений встречались угли. Те случаи, когда в засыпке обнаруживались другие находки, мы будем особо оговаривать. Все размеры погребений даются в числах. Первое число — длина, второе — ширина, третье — глубина погребения. Измерения даны в сантиметрах.

Погребение 1 (рис. 1, 10). Детское трупосожжение, 126×18×46. В засыпке обнаружены кости животных. Погребение ориентировано по линии ЮЮЗ—ССВ. Вещей в могиле не оказалось.

Погребение 2 (рис. 2, 1). Детское, трупосожжение, 140×45×69. На дне сохранились остатки лубяной подстилки и обрывки шерстяной и полотняной тканей. Костяк не сохранился. Погребенный ориентирован головой на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища.

У головы — глиняный сосуд (рис. 6, 5), на руках два пластинчатых бронзовых браслета (рис. 6, 2); здесь же — бронзовая сюлгма (рис. 6, 3). Возле тазовых костей — подвески с бронзовыми спиральками (рис. 6, 4, 6). Слева у южного конца могильной ямы — железный нож (рис. 6, 1).

Погребение 3 (рис. 2, 2). Детское, трупоположение, 95×33×92. На дне прослежены остатки лубяной подстилки и войлок. Сохранились остатки черепа и лучевые кости. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮВ, с вытянутыми вдоль туловища руками.

Справа у головы — два глиняных сосуда (рис. 6, 9, 16). В области шейных позвонков — ожерелье из бус (рис. 6, 10, 11, 13—15) и бронзовых пронизок (рис. 6, 7). На руках — бронзовые браслеты (рис. 6, 17, 18). В области тазовых костей — бронзовая сюлгма (рис. 6, 12) и ажурная бляха (рис. 6, 8).

Погребение 4 (рис. 2, 7). Мужское, трупоположение, 205×56×105. Прослежен тлен черепа и ног. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮВ.

На груди — железный нож (рис. 6, 20), в области тазовых костей — обломки от железной пряжки (рис. 6, 22), фитильная трубка (рис. 6, 21), желобчатое кресало (рис. 6, 24) и два кремешка (рис. 6, 23). У предполагаемого пояса — втульчатый топор (рис. 6, 19).

Погребение 5 (рис. 1, 5). Женское — трупоположение, 185×49×105. На дне — остатки лубяной подстилки и оловянный бисер. От костяка сохранились кости черепа. Погребенная лежала головой на ЮЮВ, со сложенными на животе руками.

Около черепа — два сосуда (рис. 6, 29, 44). На костях черепа — налобный венчик (рис. 6, 46). Вдоль венчика и под ним — две полосы бисера шириной 2 см. Под черепом — лопасть шириной 15 см, вышитая оловянным бисером. Справа от черепа — теменной шнур (рис. 6, 37). Слева под височной костью — ожерелье из бус и спиралек (рис. 6, 25—28, 30—

35, 39). В области шейных позвонков — бронзовая гривна (рис. 6, 36), височная привеска с пирамидальным грузиком (рис. 6, 38), привеска из бронзовой пластины (рис. 6, 40), в области живота — ажурная привеска (рис. 6, 42). На левой руке — бронзовый браслет (рис. 6, 45), у западной стенки — сюлгاما (рис. 6, 43). В ногах — украшения обуви (рис. 6, 41).

Погребение 6 (рис. 2, 8). Женское, труположение, $250 \times 65 \times 121$. На дне — остатки луба. Сохранились кости черепа. Погребенная лежала на спине, головой на ЮЮВ.

У черепа — налобный венчик (рис. 7, 13), справа — бронзовое височное кольцо (рис. 7, 8), височная привеска (рис. 7, 7). Под венчиком — темянный шнур (рис. 7, 12). В области пояса — железная пряжка (рис. 7, 5), фитильная трубка (рис. 7, 6), кремешок (рис. 7, 9), втульчатый топор (рис. 7, 1). На правой руке — бронзовый браслет (рис. 7, 3), у фитильной трубки — пластинчатое кресало (рис. 7, 4). В ногах — железная пряжка (рис. 7, 10) и бронзовая подвеска (рис. 7, 11). На груди — железный нож (рис. 7, 2).

Погребение 7 (рис. 1, 2). Женское, труположение, $200 \times 55 \times 115$. На дне — остатки лубяной подстилки. Погребенная лежала на спине головой на ЮЮВ, с подтянутыми к лицу руками.

У головы — три сосуда (рис. 8, 1—3). На костях черепа — налобный венчик (рис. 8, 5), здесь же — оловянный бисер. У висков — привески (рис. 7, 34). На шее — гривна (рис. 7, 24), ожерелье из бус, пронизок и подвесок (рис. 7, 18, 29—33, 35—37). Слева от головы — бубенчик и подвеска (рис. 7, 19, 21), остатки ткани полотняного переплетения. Под черепом — бусина (рис. 7, 14). У левого плеча — пряслице (рис. 7, 30), на руках — браслеты (рис. 7, 25, 26), под браслетами — две сюлгамы (рис. 7, 27, 28). На животе — бляха (рис. 8, 4), под ней — бисер. Рядом — нож (рис. 7, 20), под ним — железная бронзовая пряжка (рис. 7, 23). В ногах — украшения обуви (рис. 7, 22).

Погребение 8 (рис. 1, 3). Мужское, труположение, $234 \times 60 \times 100$. На дне — остатки лубяной подстилки. Сохранились позвонки, тазовые и берцовая кости. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮВ, с вытянутыми руками.

Справа от черепа — бронзовая пряжка. На животе — ремень (рис. 8, 19). На руках — браслеты (рис. 8, 18). На тазовых костях — фитильная трубка (рис. 8, 7), желобчатое кресало (рис. 8, 17), кремешок (рис. 8, 16), обломки железной пряжки (рис. 8, 13—15). У правой берцовой кости — два ножа (рис. 8, 9, 10) и топор (рис. 8, 6). Справа в ногах — наконечник копья (рис. 8, 8). Слева от копья — обрывки ремня. Слева от черепа — височные привески (рис. 8, 12). Справа от пояса — привеска с пучком женских волос (часть от женской косы) (рис. 8, 11).

Погребение 9 (рис. 3, 12). Мужское, труположение, $177 \times 55 \times 95$. В засыпке найдена бронзовая бляшка (рис. 9, 7). Погребение ориентировано по линии С—Ю. Скопление пережеванных костей располагалось в южной части могильной ямы.

У южного конца — сосуд (рис. 9, 5), севернее — топор (рис. 9, 1), восточнее — обломки сюлгамы (рис. 9, 6). В центре — фитильная трубка (рис. 9, 4), части кресала (рис. 9, 9), кремешок (рис. 9, 8), нож (рис. 9, 2). У северного конца — наконечник копья (рис. 9, 3).

Погребение 10 (рис. 1, 7). Мужское, труположение, $265 \times 65 \times 135$. Сохранились кости рук. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮВ, с вытянутыми руками.

Справа от предполагаемого места расположения черепа — бронзовое височное кольцо (рис. 10, 17). На груди — сюлгاما (рис. 10, 13) и под-

веска — (рис. 10, 5), здесь же — пронизка (рис. 10, 21). На плечевой кости — подвески (рис. 10, 6—8). На руках — браслеты (рис. 10, 2—4). Под браслетами — остатки вышитой ткани. В области живота — билонная бляха (рис. 10, 1). Под застежкой и на ней — остатки грубой и тонкой тканей. Рядом и под застежкой — три сюлгамы (рис. 10, 14—16), здесь же — ремень, украшенный бронзовыми бляшками (рис. 11, 5—7) и фитильная трубка (рис. 11, 3). Справа от позвонка — три ножа (рис. 10, 9—11) и две подвески (рис. 10, 7). Слева, на уровне пояса — топор (рис. 11, 2). Севернее топора — железный крючок (рис. 10, 12), пластинка от колчана (рис. 10, 20) и четырнадцать стрел (рис. 10, 23—34). В области груди — две железные пряжки (рис. 12, 9) и наконечник стрелы. У ног — обрывки от уздечки, украшенные серебряными полусферическими, бронзовыми с золотой инкрустацией бляшками (рис. 12, 1—6). Здесь же — берестяная деталь от седла и часть деревянной луки (рис. 12, 7, 10), две железные пряжки (рис. 12, 12, 13), кольчатые удила (рис. 12, 8) и два стремени (рис. 12, 15). Под удилами — разрушенная пряжка (рис. 12, 14), у стремля — наконечник копья (рис. 11, 1), железные пряжки (рис. 10, 18, 19). В ногах — желобчатое кресало (рис. 11, 4) и кремь (рис. 10, 22).

Погребение 11 (рис. 3, 7). Женское, труположение, $185 \times 52 \times 86$. На дне — остатки лубяной подстилки. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У предполагаемого места расположения черепа — три сосуда (рис. 9, 31—35), северней — глиняная бусина (рис. 9, 15), две височные привески (рис. 9, 18, 34), ожерелье из бус (рис. 9, 25—29), бронзовая пронизка (рис. 9, 22), остатки теменного шнура (рис. 9, 20), лента с оловянным бисером. На височных привесках и на теменном шнуре — глени ткани простого полотняного переплетения. У западной стенки — топор (рис. 9, 13). На предполагаемом месте живота погребенной — кремь (рис. 9, 21), фитильная трубка (рис. 9, 23), желобчатое кресало (рис. 9, 19), бронзовая сюлгама (рис. 9, 17), железный нож (рис. 9, 14), обломок железной пряжки (рис. 9, 30), железная кольцевая пряжка (рис. 9, 16), обломок железной обоймы (рис. 9, 24).

Погребение 12 (рис. 2, 12). Женское, частичное трупосожжение, $150 \times 50 \times 87$. Скопление пережженных костей зафиксировано у северо-западного конца могильной ямы. У юго-восточного конца — кости черепа, обрывки ткани. Могильная яма ориентирована по линии ЮЮВ—ССЗ.

У костей черепа — ожерелье из привесок (рис. 11, 8), сюлгамы (рис. 11, 9), кольчужница (рис. 11, 11). У восточной стенки — второе ожерелье из бронзовых пронизок (рис. 11, 16), здесь же — подвеска (рис. 11, 12). В центре ямы — глазчатая бусина (рис. 11, 14), севернее — венчик от лепного сосуда (рис. 11, 15), спиральный перстень (рис. 11, 10).

Погребение 13 (рис. 2, 13). Женское, труположение, $140 \times 47 \times 80$. На дне — остатки лубяной подстилки. В засыпке на глубине 45 см у южного конца ямы удила (рис. 11, 17). Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. В центре могилы — бронзовый браслет (рис. 11, 18).

Погребение 14 (рис. 3, 10). Женское, труположение, $190 \times 50 \times 110$. На дне — остатки лубяной подстилки. Сохранились кости черепа, шейные позвонки, кости правой руки. Погребенная лежала на спине, головой на ЮЮВ. Руки сложены на груди.

У юго-восточного конца ямы — подвески (рис. 13, 8, 9). На костях черепа — билонный налобный венчик (рис. 13, 15), шумящие и крестообразные подвески (рис. 13, 8, 9). У правого виска и на шейных позвонках — височные привесы (рис. 13, 2). Выше костей черепа — подвеска (рис. 13,

13). На шее — гривна (рис. 13, 6). На плечевой кости — сюлгана (рис. 13, 4). На правой руке — браслет (рис. 13, 7). В области живота — бляха (рис. 13, 1), правее — привеска. Слева предполагаемого места расположения таза — пряслице (рис. 13, 14), здесь же — язычок от пряжки (рис. 13, 11), железный нож (рис. 13, 10), костяная привеска (рис. 13, 3). Под бляхой — остатки бисера и льняной ткани.

Погребение 15 (рис. 3, 5). Детское, труположение, $155 \times 40 \times 83$. В засыпке — фрагменты керамики. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

В центре ямы — бронзовое височное кольцо (рис. 8, 35), подвеска (рис. 8, 34), обломки железной пряжки (рис. 8, 37), бусы (рис. 8, 33) и подвеска (рис. 8, 31).

Погребение 16 (рис. 3, 11). Женское, трупосожжение, $186 \times 55 \times 95$. В засыпке — пережженные кости. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У юго-восточного конца — два сосуда (рис. 14, 1, 2), слева — литейная формочка (рис. 13, 18) и льячка (рис. 13, 17), крючок (рис. 14, 9). Севернее — подвески (рис. 13, 19), налобный венчик (рис. 14, 10). Слева от венчика — височная привеска (рис. 14, 5), бронзовая гривна (рис. 14, 6), железный нож (рис. 14, 7), ожерелье из бус (рис. 13, 22, 23), подвески (рис. 13, 29), пронизки (рис. 13, 27) и раковина (рис. 13, 24). У восточной стенки — усатый перстень (рис. 13, 26). В центре ямы — перстень (рис. 13, 28), фитильная трубка (рис. 13, 21), кремь (рис. 13, 20), спиральный браслет (рис. 14, 3), застежка (рис. 14, 4). Левее застежки — браслет (рис. 14, 3), перстни (рис. 13, 28; 14, 8), бубенчик (рис. 13, 25). Под венчиком прослежены четкие ряды бисера шириной 10—12 см.

Погребение 17 (рис. 5, 6). Неопределенное, трупосожжение, $150 \times 60 \times 78$. В засыпке — кости лошади, фрагменты керамики. На дне пережженные косточки. Вещей нет.

Погребение 18 (рис. 3, 6). Мужское, труположение, $210 \times 60 \times 78$. В засыпке — зубы лошади. Сохранились кости черепа, рук, ног и позвоночника. Погребенный лежал на спине головой на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища.

В области груди — топор (рис. 14, 11), сюлгана (рис. 14, 23), севернее топора — сосуд (рис. 14, 22). На позвоноках — точильный камень (рис. 14, 12), железный нож (рис. 14, 13). На левой руке — железный браслет (рис. 14, 15). У костей левой ноги — железная пряжка (рис. 14, 20), фитильная трубка (рис. 14, 14) и кремь (рис. 14, 21). Справа — стрелы (рис. 14, 16—18).

Погребение 19 (рис. 1, 12). Детское, труположение, $125 \times 52 \times 77$. В засыпке — фрагменты керамики. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. Вещей нет.

Погребение 20 (рис. 2, 9). Мужское, труположение, $250 \times 65 \times 85$. В засыпке фрагменты керамики. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

В центре ямы — бусина (рис. 15, 6), сюлгана (рис. 15, 4), железная пластинка с крючком (рис. 15, 5), железный стержень (рис. 15, 2), два ножа (рис. 15, 22, 23), фитильная трубка (рис. 15, 3). Севернее — топор (рис. 15, 1). На поясе — ремень (рис. 15, 7).

Погребение 21 (рис. 1, 10). Мужское, труположение, $210 \times 63 \times 22$. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

В центре ямы — фитильная трубка (рис. 9, 10), обломок железной пряжки (рис. 9, 11).

Погребение 22 (рис. 2, 6). Детское, труположение, 120×40×55; Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. В могиле обнаружен один сосуд (рис. 15, 8).

Погребение 23 (рис. 3, 3). Мужское, труположение, 210×60×81. На дне — остатки луба. Сохранились кости черепа, ног и рук. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища.

На груди — спиральный перстень (рис. 15, 20); на позвонках — сюлгамы (рис. 15, 16, 17). На правой руке — браслет (рис. 15, 15), на пальцах — перстень (рис. 15, 21). У левой руки — оселок (рис. 15, 19), севернее — нож (рис. 15, 10), наконечники стрел (рис. 15, 11—13), фитильная трубка (рис. 15, 14), крючок от колчана (рис. 15, 18), у правой ноги — топор (рис. 15, 9).

Погребение 24 (рис. 2, 4). Женское, трупосожжение, 95×39×67. Скопление пережженных костей располагалось у северного конца ямы. Погребение ориентировано по линии север—юг.

У юго-восточного конца — два сосуда (рис. 16, 1, 2), бусы (рис. 16, 4, 5, 7, 8), бронзовое височное кольцо (рис. 16, 9). В центре — спиральные перстни (рис. 16, 6), бронзовый браслет (рис. 16, 3).

Погребение 25 (рис. 2, 3). Детское, труположение, 105×39×54. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У головы — два сосуда (рис. 8, 20, 21), бусы (рис. 8, 25, 26), два височных кольца (рис. 8, 23, 24), подвеска (рис. 8, 22).

Погребение 26 (рис. 2, 5). Детское, труположение, 96×30×85. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У западной стенки — пронизки (рис. 8, 29), перстень (рис. 8, 27), серебряное височное кольцо (рис. 8, 19).

Погребение 27 (рис. 4, 1). Женское, труположение, 214×60×70. В засыпке керамика. На дне остатки лубяной подстилки. Сохранились кости черепа. Погребенная лежала головой на ЮЮВ.

У головы — налобный венчик (рис. 16, 10), у западной стенки — трубочка от налобного венчика.

Погребение 28 (рис. 3, 9). Женское, труположение, 210×55×90. На дне — остатки лубяной подстилки. Сохранились кости черепа, фаланги пальцев, позвонки и тлен костей ног. Погребенная лежала на спине, головой на юг, со сложенными на животе руками.

У черепа — два сосуда (рис. 16, 13, 15), налобный венчик (рис. 16, 30), привески (рис. 16, 20), вязальный крючок (рис. 16, 18). В области шеи — ожерелье из бус, пронизок, привесок (рис. 16, 16, 19, 25—29), справа на груди — сюлгамы (рис. 16, 11, 12), на пальцах правой руки — перстень (рис. 16, 23). Справа на уровне тазовых костей — нож (рис. 16, 17).

Погребение 29 (рис. 2, 10). Женское, трупосожжение, 212×65×89. На дне — остатки лубяной подстилки. В засыпке — перстень (рис. 16, 37). На глубине 80 см у ЮЮВ конца ямы — скопление пережженных костей. На глубине 89 см — позвонки и тлен костей ног.

У ЮЮВ конца ямы — сюлгama (рис. 16, 35). В центре пережженных костей — кольцо (рис. 16, 36), справа — нож (рис. 16, 31), севернее — фитильная трубка (рис. 16, 33), кремь (рис. 16, 34). На шее — ожерелье из бус, пронизок и подвесок (рис. 16, 32, 41—46). Севернее — подвески (рис. 16, 38, 40).

Погребение 30 (рис. 3, 2). Женское, труположение, 165×60×120. Сохранились реберные кости. Погребенная ориентирована головой на ЮЮВ.

У предполагаемой головы — четыре сосуда (рис. 17, 1, 3, 5, 6), на-

конечник копья (рис. 17, 7). В области шейных позвонков — ожерелье из бус, пронизок (рис. 17, 17—36), здесь же — подвески (рис. 17, 9, 14, 15), на руке — браслет (рис. 17, 13), рядом — привески (рис. 17, 8, 12). На груди — сюлгамы (рис. 17, 2, 4), на животе — бляха (рис. 17, 10). У бляхи — остатки войлока и ткани. Вдоль рук — бисер.

Погребение 31 (рис. 3, 4). Женское, трупоположение, 260×60×98. На дне — остатки лубяной подстилки. Сохранились кости рук, черепа и позвонки. Погребенная лежала на спине головой на ЮЮВ. Руки сложены на груди.

У костей черепа — сосуд (рис. 18, 4), налобный венчик (рис. 18, 15). На нем — остатки ткани, обрывки от головного убора, состоящих из лент и лопасти. Одна лента зеленого цвета. Здесь же — височные привески (рис. 18, 10). Справа от черепа — берестяная сумочка (рис. 18, 13). В сумочке — вязальный крючок (рис. 18, 11), украшения обуви (рис. 18, 2), пронизки (рис. 18, 16—18), трубочка от венчика (рис. 18, 14), нитки разных цветов. Рядом — сюлгама (рис. 18, 8). В области шейных позвонков — ожерелье из бус, привесок (рис. 18, 5—7, 9), на груди — привеска (рис. 18, 12), южнее — сюлгама (рис. 18, 8). На руках — браслеты (рис. 18, 3), в области живота — бляхи (рис. 18, 1).

Погребение 32 (рис. 1, 1). Женское, трупоположение 275×80×79. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У юго-восточного конца — сюлгама (рис. 19, 3), сосуд (рис. 19, 5), перстни (рис. 19, 10, 11). В центре — льячка (рис. 19, 2), бусина (рис. 19, 7), кремешок (рис. 19, 8). Ближе к северо-западному концу ямы — нож (рис. 19, 13), ремень (рис. 19, 14), сосуд (рис. 19, 6), фитильная трубка (рис. 19, 1), пронизка (рис. 19, 32), у юго-восточного края ямы — сюлгама (рис. 19, 9).

Погребение 33 (рис. 2, 14). Мужское, трупосоожжение, 170×60×79. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. В центре ямы — скопление пережженных костей. Рядом — топор (рис. 19, 17), наконечник копья (рис. 19, 15), нож (рис. 19, 16), фитильная трубка (рис. 19, 18), железная пряжка (рис. 19, 19).

Погребение 34 (рис. 2, 15). Мужское, трупосоожжение, 130×50×70. В центре ямы — скопление пережженных костей. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. В южной части скопления костей — сосуд (рис. 19, 21), бусина (рис. 19, 22), две височные привески (рис. 19, 23), лопастные привески (рис. 19, 20).

Погребение 35 (рис. 3, 1). Мужское, трупосоожжение, 180×50×70. В центре ямы — скопление пережженных костей. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. К северу от пережженных костей — нож (рис. 20, 19), фитильная трубка (рис. 20, 18). У северо-западного конца ямы — топор (рис. 20, 17).

Погребение 36 (рис. 4, 3). Женское, трупоположение, 210×60×81. Погребение разрушено. Вещи разбросаны по всей яме и располагались на разных глубинах. Погребенная лежала головой на ЮЮВ.

На глубине 40 см у южного конца ямы — трубочки от налобного венчика (рис. 21, 4, 11), браслет (рис. 21, 3), бляха (рис. 21, 1). У восточной стенки ямы — бусы (рис. 21, 5—10, 12), привеска (рис. 21, 2), спиральки (рис. 21, 13).

Погребение 37 (рис. 1, 9). Мужское, трупосоожжение, 220×62×54. В засыпке — керамика. В центре ямы — скопление пережженных костей. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У южного конца ямы — железная пряжка (рис. 20, 7), удила (рис. 20, 10). В центре ямы — ремень (рис. 20, 1, 11, 12, 14—16), двулезвийный

меч (рис. 20, 2), точильный камень (рис. 20, 20), кремь (рис. 20, 13). У северо-западного края ямы — топор (рис. 20, 5), долото (рис. 20, 3), копье (рис. 20, 4). Под мечом — нож (рис. 20, 6).

Погребение 38 (рис. 2, 2). Женское, труположение, $190 \times 60 \times 75$. В засыпке ямы — керамика. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

В юго-восточной части ямы — сосуд (рис. 19, 24), браслеты (рис. 19, 30, 31), височное кольцо (рис. 19, 28), перстень (рис. 19, 29). По всей яме — бусы (рис. 19, 25—27).

Погребение 39 (рис. 3, 8). Мужское, труположение, $199 \times 59 \times 83$. В засыпке ямы — керамика. Сохранились кости черепа. Прослежен тлен костей ног. Погребенный лежал головой на Ю.

У головы — топор (рис. 20, 5), две сюлгамы (рис. 21, 32). На груди — нож (рис. 21, 30), перстень (рис. 21, 33), в области живота — нож (рис. 21, 30), на тазовых костях — фитильная трубка (рис. 21, 31), кремь (рис. 21, 34).

Погребение 40 (рис. 4, 2). Неопределенное, труположение, $200 \times 60 \times 108$. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. На глубине 98 см — кости черепа. На дне — венчик от сосуда (рис. 9, 12).

Погребение 41 (рис. 1, 4). Женское труположение, $194 \times 55 \times 115$. Сохранились кости черепа, рук и ног. Погребенная лежала на спине, головой на ЮЮВ. Руки сложены на груди.

У костей черепа — подвески (рис. 21, 22), три сосуда (рис. 22, 3—5), налобный венчик (рис. 22, 7). В области шейных позвонков — гривны (рис. 22, 1, 2), ожерелье из бус и привесок (21, 14, 15, 21), рядом с гривной — подвеска (рис. 21, 20) и пронизки (рис. 21, 24, 25). На пальцах — перстни (рис. 21, 26), в области груди — бляха (рис. 21, 19) и сюлгама (рис. 22, 6), браслет (рис. 21, 29). Под бляхой и на браслете прослежены остатки тканей.

Погребение 42 (рис. 1, 8). Детское, труположение, $110 \times 45 \times 56$. В засыпке ямы — керамика. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У юго-восточного конца — два сосуда (рис. 23, 1, 2). В центре ямы — сюлгама (рис. 23, 4).

Погребение 43 (рис. 4, 5). Детское, труположение, $110 \times 50 \times 115$. В засыпке керамика, кости птицы. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. В центре ямы — серебряный перстень (рис. 23, 5).

Погребение 44 (рис. 4, 4). Женское, труположение, $160 \times 60 \times 65$. В засыпке керамика. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ. У предполагаемой головы — сосуд (рис. 23, 7) и бусины (рис. 23, 17, 18).

Погребение 45 (рис. 5, 2). Неопределенное, труположение, $240 \times 65 \times 40$. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ. У юго-восточного конца могилы — бусы (рис. 23, 17).

Погребение 46 (рис. 5, 1). Женское труположение, $205 \times 45 \times 100$. В засыпке ямы — керамика. На дне — остатки луба. Костяк плохой сохранности. Погребенная лежала головой на ЮЮВ. Руки сложены на животе.

У головы — три сосуда (рис. 23, 37, 24, 14, 16), на шейных позвонках — гривна (рис. 23, 36), ожерелье (рис. 23, 11, 12, 15, 16, 20—26), височные привески (рис. 23, 33), на груди — привеска (рис. 23, 34), справа — подвеска (рис. 23, 27), слева — остатки берестяной сумочки. В сумочку положены: подвеска (рис. 23, 34), привеска (рис. 23, 38). Украшения были завернуты в грубую ткань. Под сумочкой — луб. На руках

бронзовые браслеты (рис. 23, 31, 39), здесь же — сюлгама (рис. 23, 29). На пальцах — перстни (рис. 23, 13). Под бляхой — пряслице (рис. 23, 14). Нижняя часть одежды украшена бисером и трапециевидными подвесками (рис. 23, 40). Ширина полосы бисера — 20 см. На костях ног — онучи из шерстяной и грубой тканей и оборы, украшенные бляшками (рис. 24, 1, 17). Обувь украшалась бляшками (рис. 23, 19).

Погребение 47 (рис. 5, 3). Женское, труположение, $240 \times 50 \times 115$. На дне — остатки луба. Сохранность костяка плохая. Погребенная лежала на спине, головой на ЮЮВ. Руки сложены на груди.

У головы — три сосуда (рис. 24, 15, 18, 19), на черепе — венчик (рис. 24, 28), справа — височная привеска (рис. 24, 9), ожерелье из бус и привесок (рис. 24, 4—6, 20—27; рис. 25, 1—6), две гривны (рис. 25, 14, 16), нож (рис. 25, 10), спиралька с бусиной (рис. 25, 13), теменной шнур (рис. 26, 1). В ногах — онучи и украшения обуви (рис. 24, 1, 17, низка (рис. 25, 15)). На руках — браслеты (рис. 23, 31, 39), на пальцах — перстни (рис. 24, 7). В области живота — бляха (рис. 25, 7), сюлгама (рис. 26, 1). В ногах — онучи и украшения обуви (рис. 24, 1, 17; рис. 26, 2), кресало (рис. 24, 2), бронзовая бляшка (рис. 25, 8). Под гривной — подвески (рис. 24, 11—13). В ногах — топор (рис. 26, 13).

Погребение 48 (рис. 1, 6). Женское, труположение, $200 \times 45 \times 80$. Костяк не сохранился. Погребение ориентировано по линии ЮЮВ—ССЗ.

У юго-восточного края ямы — сосуд (рис. 26, 5), обломок железного предмета (рис. 26, 9), височное кольцо (рис. 26, 4), бусы (рис. 26, 8, 10—12), спиральки (рис. 26, 3, 7), привеска (рис. 26, 6).

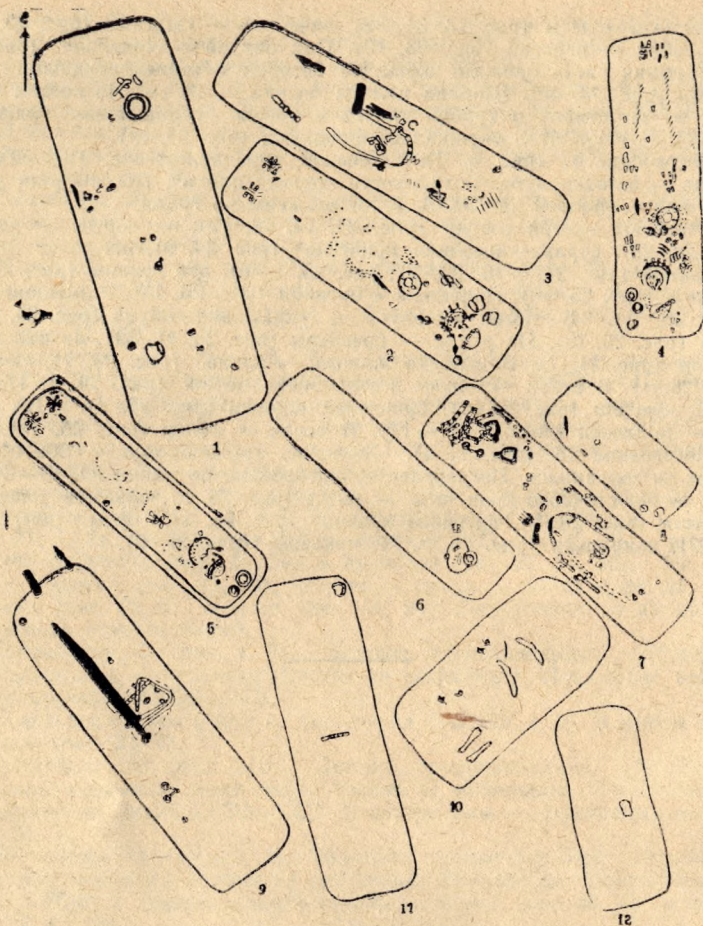

Рис. 1. Планы погребений.

1—погр. 32, 2—погр. 7, 3—погр. 8, 4—погр. 41,
5—погр., 6—погр. 48, 7—погр. 10, 8—погр. 42, 9—погр. 37,
10—погр. 1, 11—погр. 21, 12—погр. 19.

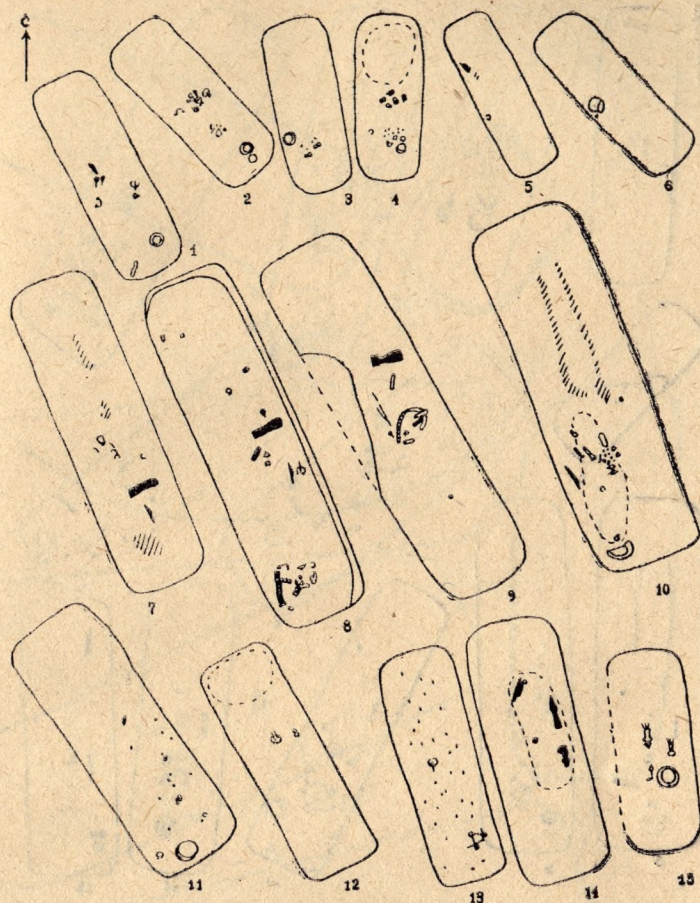

Рис. 2. Планы погребений.

1—погр. 2, 2—погр. 3, 3—погр. 25, 4—погр. 24,
 5—погр. 26, 6—погр. 22, 7—погр. 4, 8—погр. 6,
 9—погр. 20, 10—погр. 29, 11—погр. 38, 12—погр. 12,
 13—погр. 13, 14—погр. 33, 15—погр. 34.

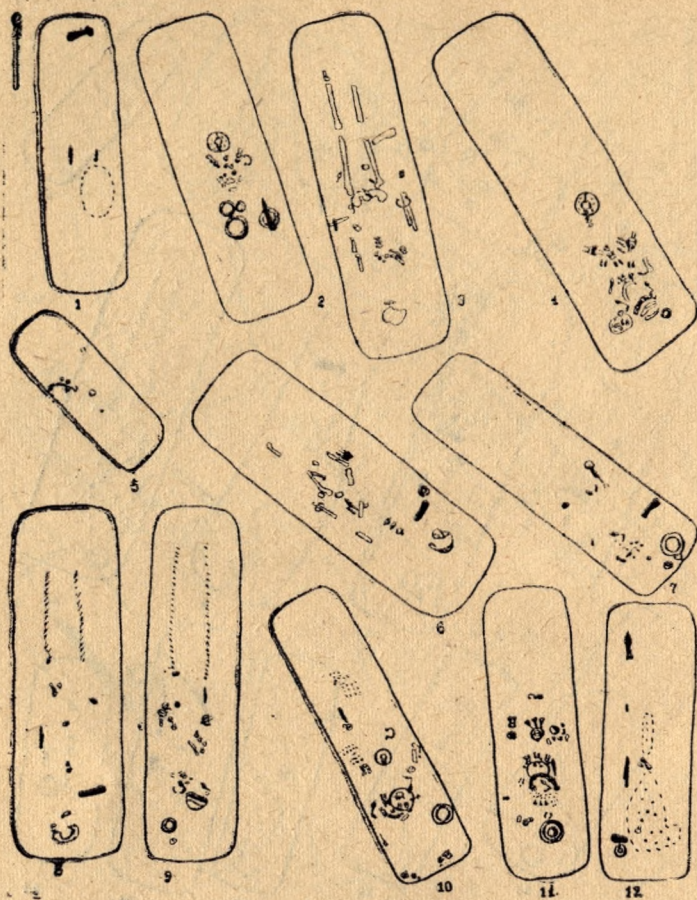

Рис. 3. Планы погребений.

1—погр. 35, 2—погр. 30, 3—погр. 23, 4—погр. 31,
 5—погр. 15, 6—погр. 13, 7—погр. 11, 8—погр. 39,
 9—погр. 23, 10—погр. 14, 11—погр. 16, 12—погр. 9.

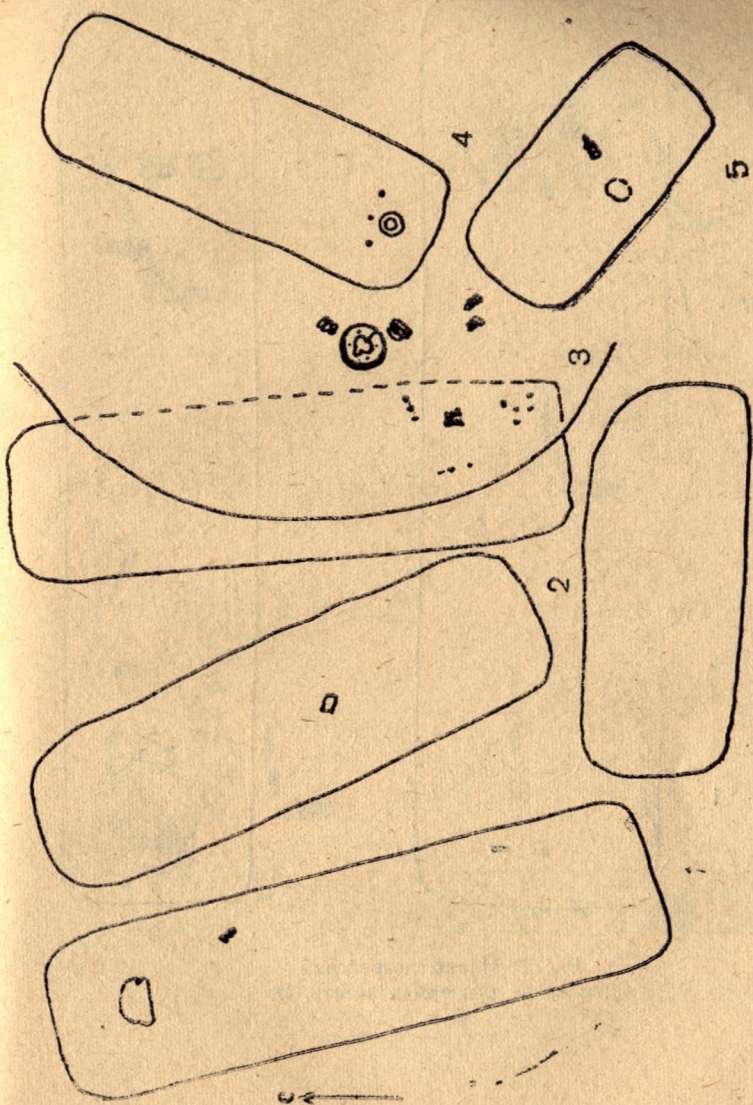

Рис. 4 Планы погребений.

1—погр. 27, 2—погр. 40, 3—погр. 36, 4—погр. 44, 5—погр. 43, 6—погр. 17.

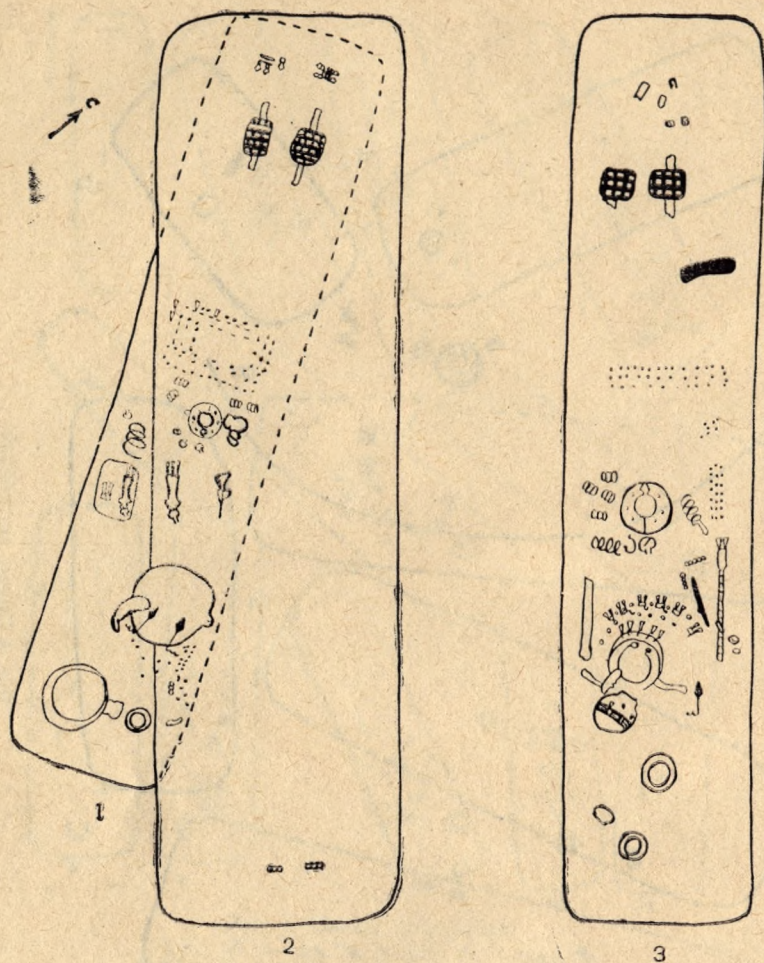

Рис. 5. Планы погребений.
1—погр. 46, 2—погр. 45, 3—погр. 47.

Рис. 6. Вещевые комплексы погребений 2—5.

Погр. 2—рис. 1—6; погр. 3—рис. 7—18;
погр. 4—рис. 19—24; погр. 5—25—46.

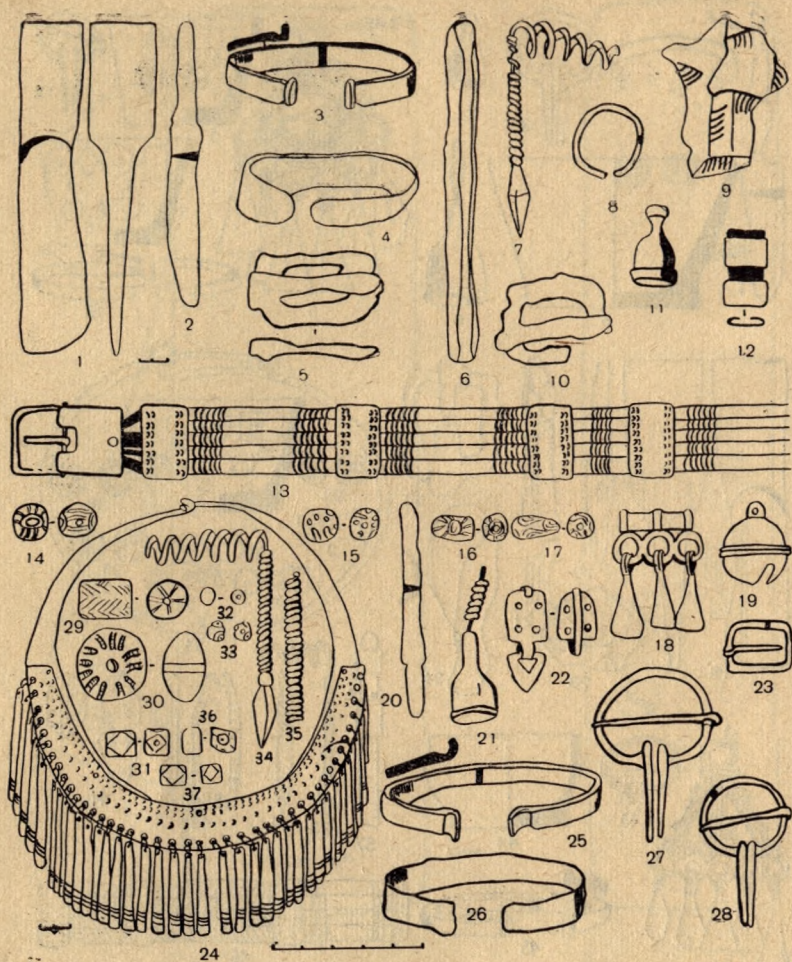

Рис. 7. Вещевые комплексы погребений 6, 7.
Погр. 6—рис. 1—13, погр. 7—рис. 14—37.

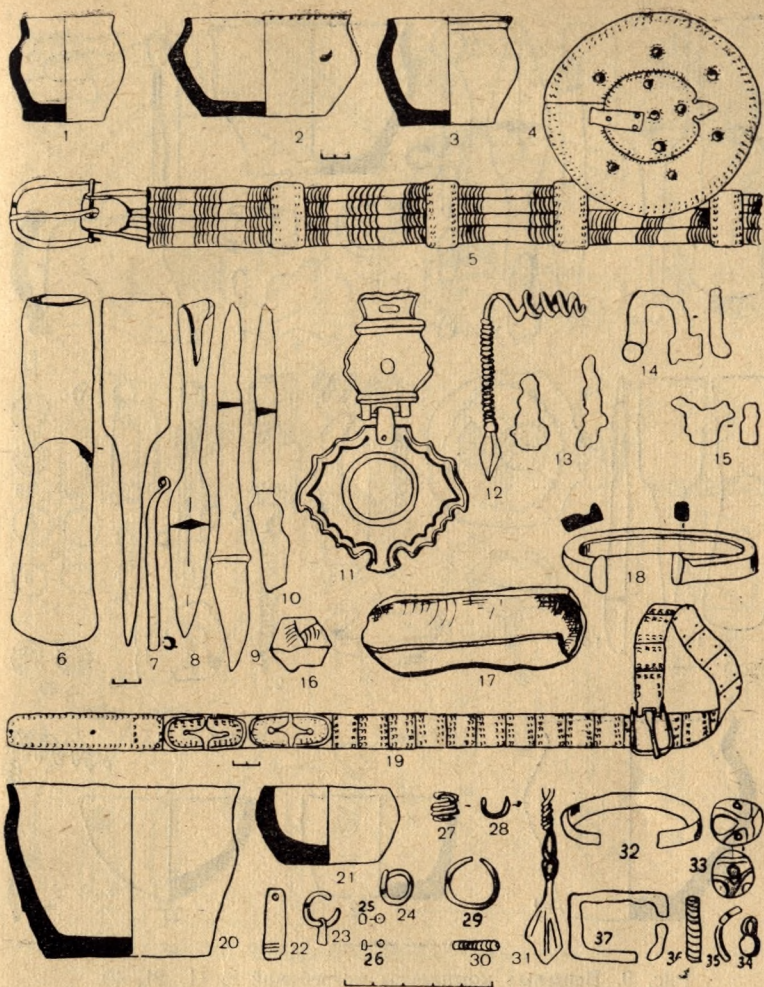

Рис. 8. Вещевые комплексы погребений 7, 8, 15, 25, 26.

Погр. 7—рис. 1—5; погр. 8—рис. 6—19;
погр. 15—рис. 32—37; погр. 25—рис. 20—26;
погр. 26—рис. 27—30.

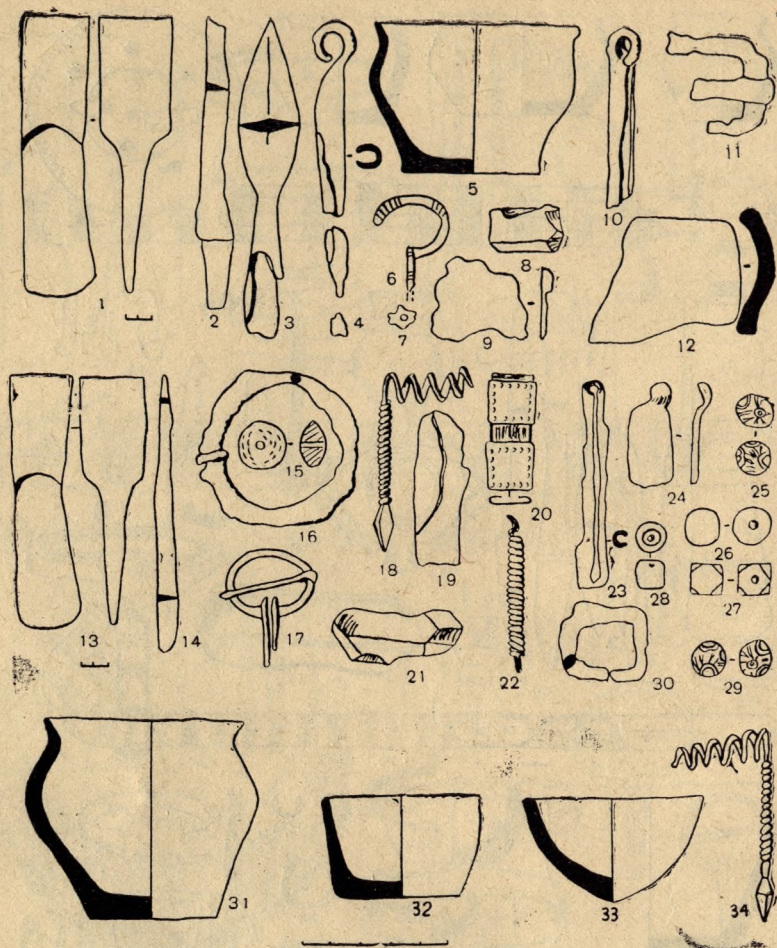

Рис. 9. Вещевые комплексы погребений 9, 11, 21, 40.
 Погр. 9—рис. 1—9; 13; погр. 11—рис. 13—34; погр. 21—рис. 10, 11;
 погр. 40—рис. 12.

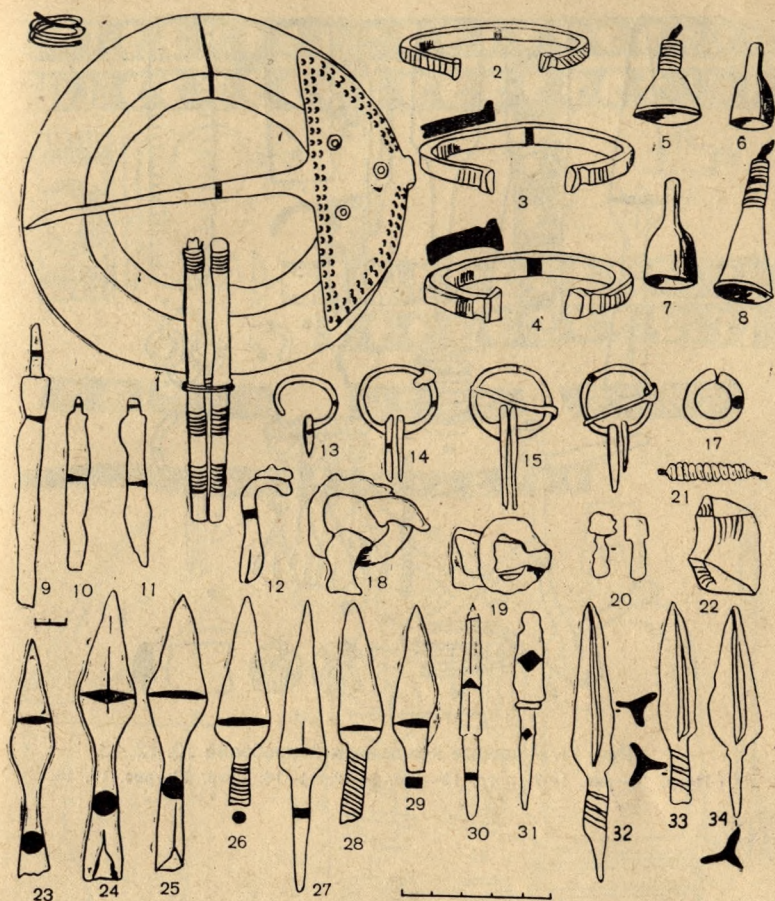

Рис. 10. Вещевой комплекс погребения 10.

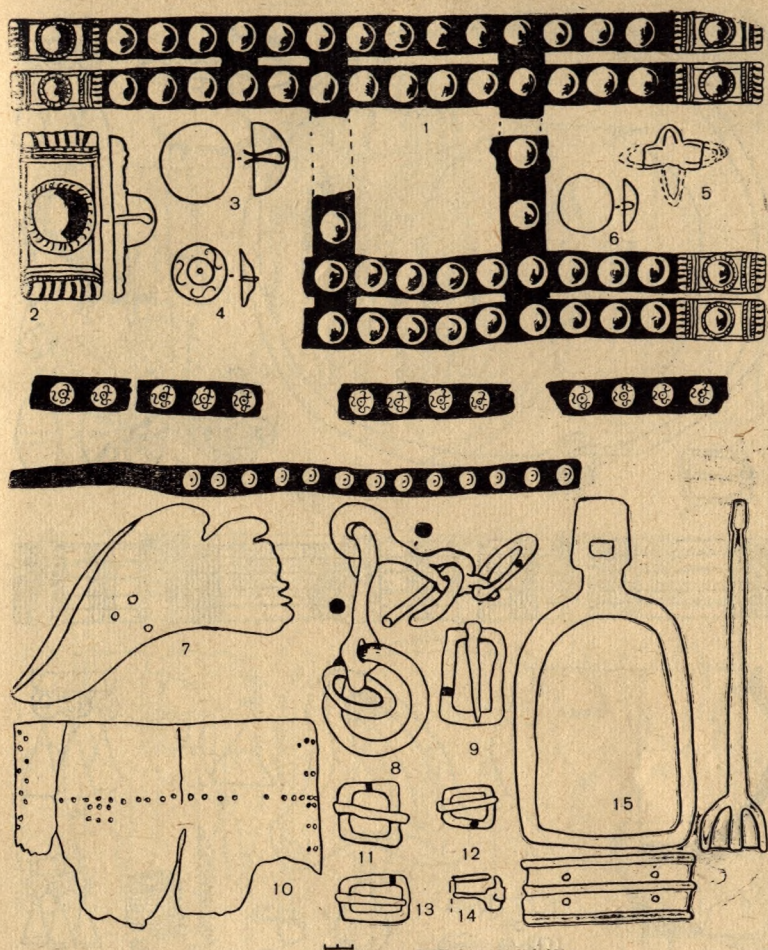

Рис. 12. Вещевой комплекс погребения 10,

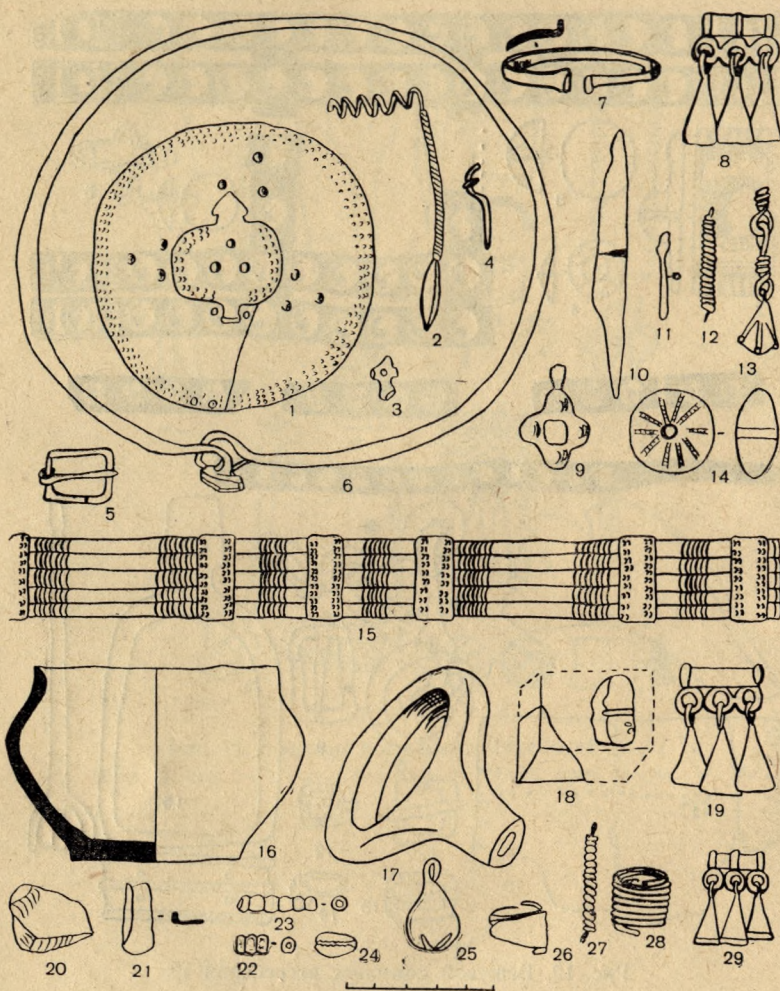

Рис. 13. Вещевые комплексы погребений 14, 16.
Погр. 14—рис. 1—15; погр. 16—рис. 17—29.

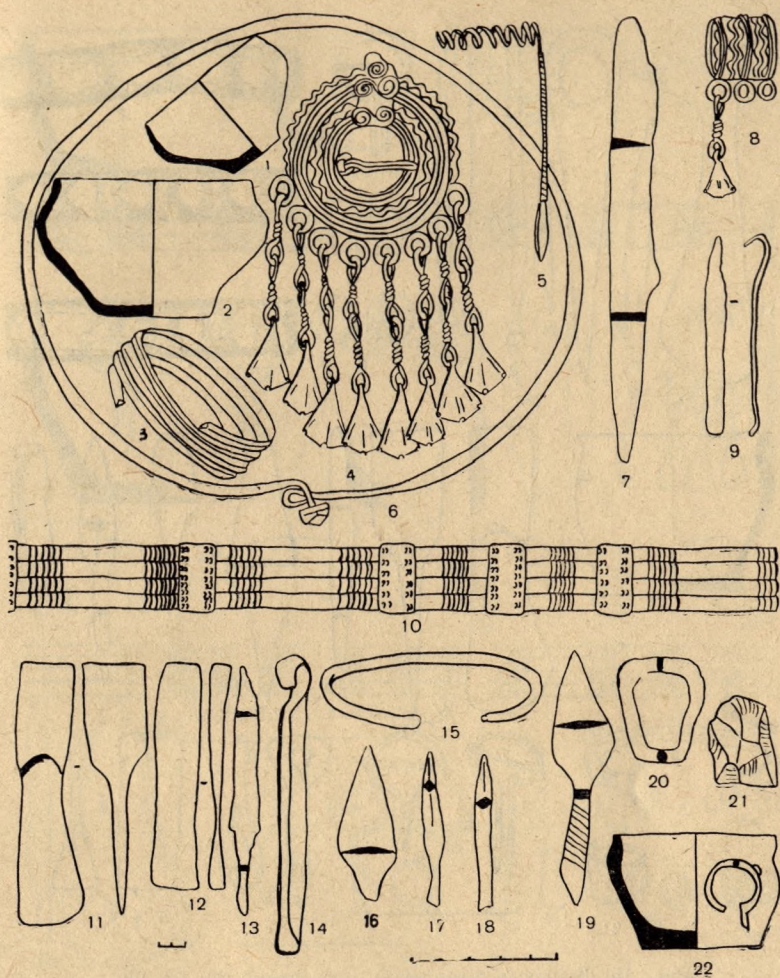

Рис. 14. Вещевые комплексы погребений 16, 18.
Погр. 16—рис. 1—10; погр. 18—рис. 11—22.

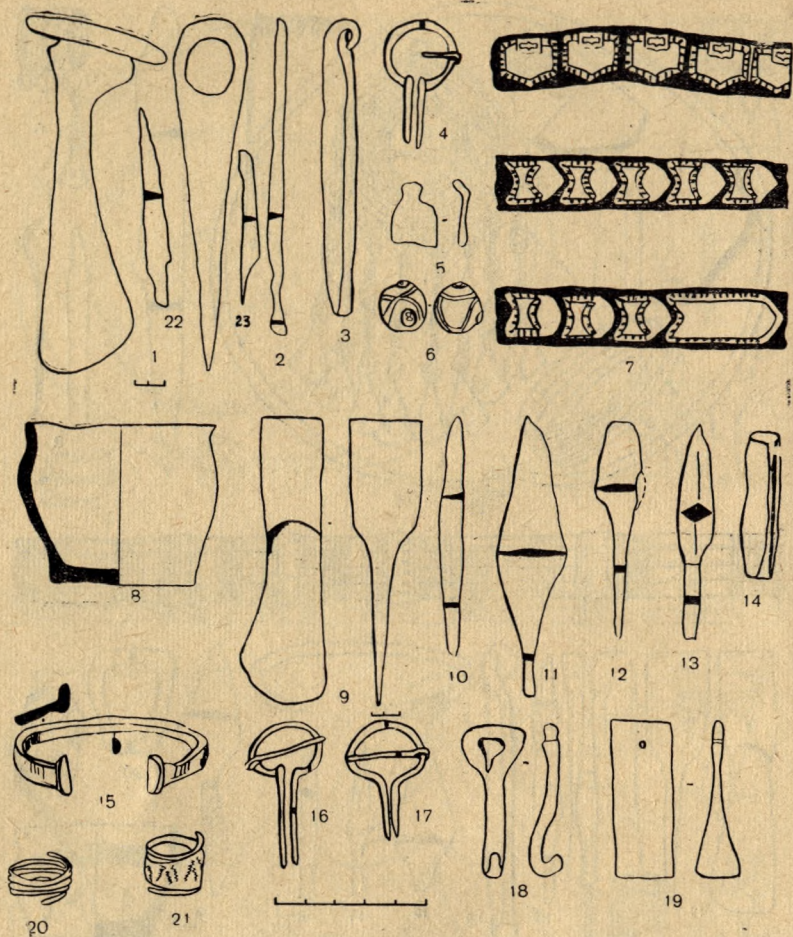

Рис. 15. Вещевые комплексы погребений 20, 22, 23.
 Погр. 20—рис. 1—7, 22, 23, погр. 22—рис. 8; погр. 23—рис. 9—21.

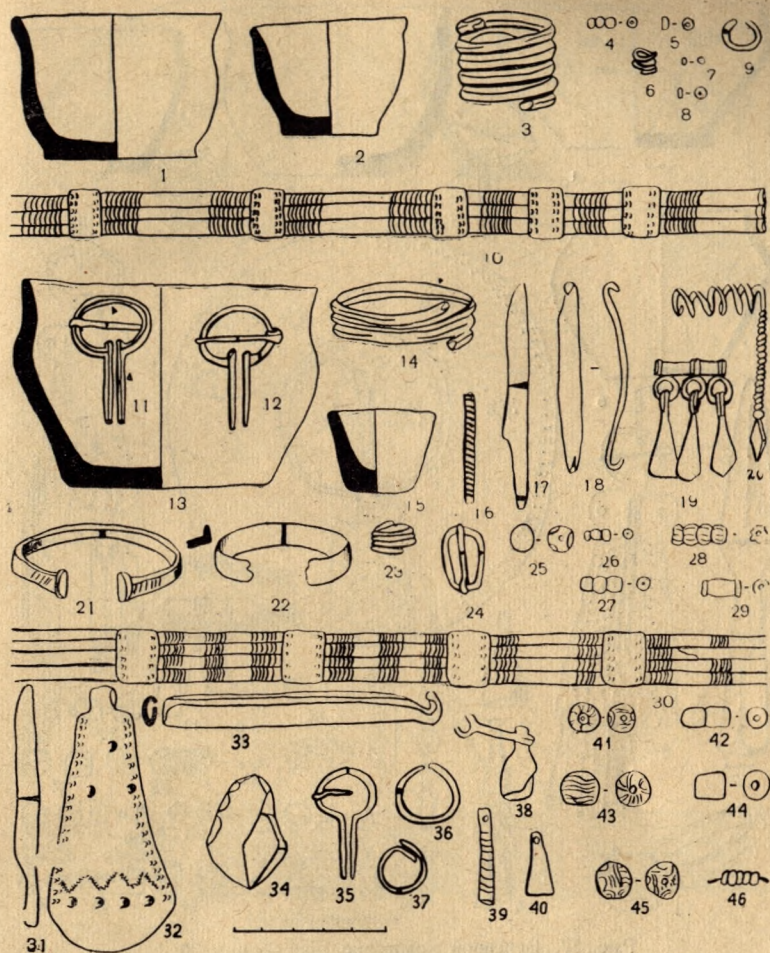

Рис. 16. Вещевые комплексы погребений 24, 27, 28, 29.
Погр. 24—рис. 1—9; погр. 27—рис. 10; погр. 28—рис. 11—30; погр. 29—рис. 31—46.

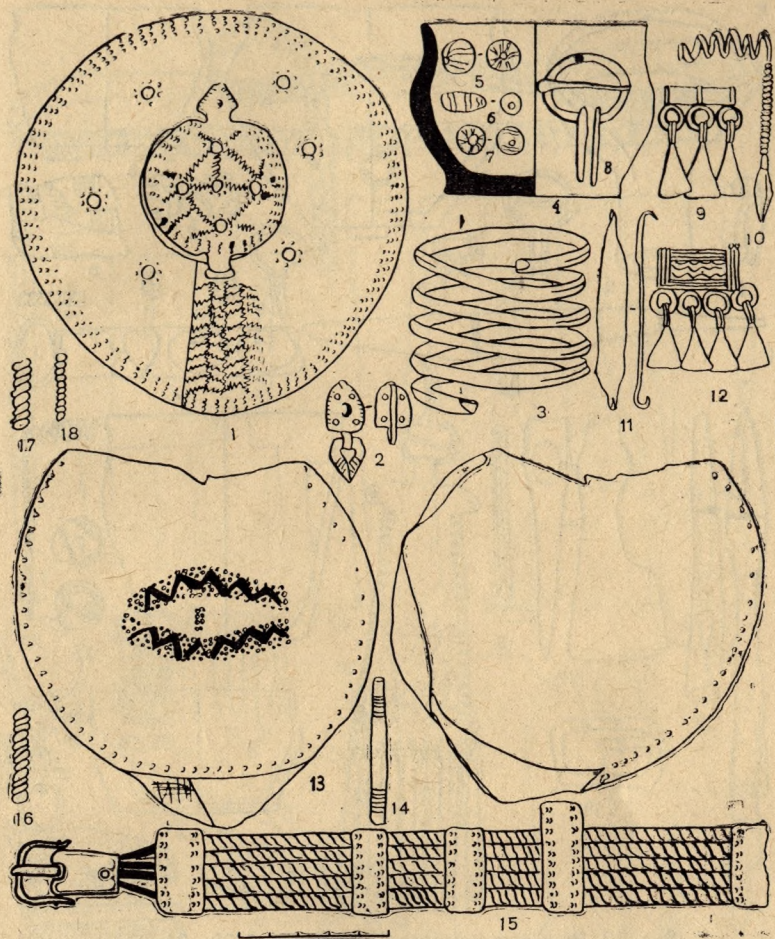

Рис. 18. Вещевой комплекс погребения 31.

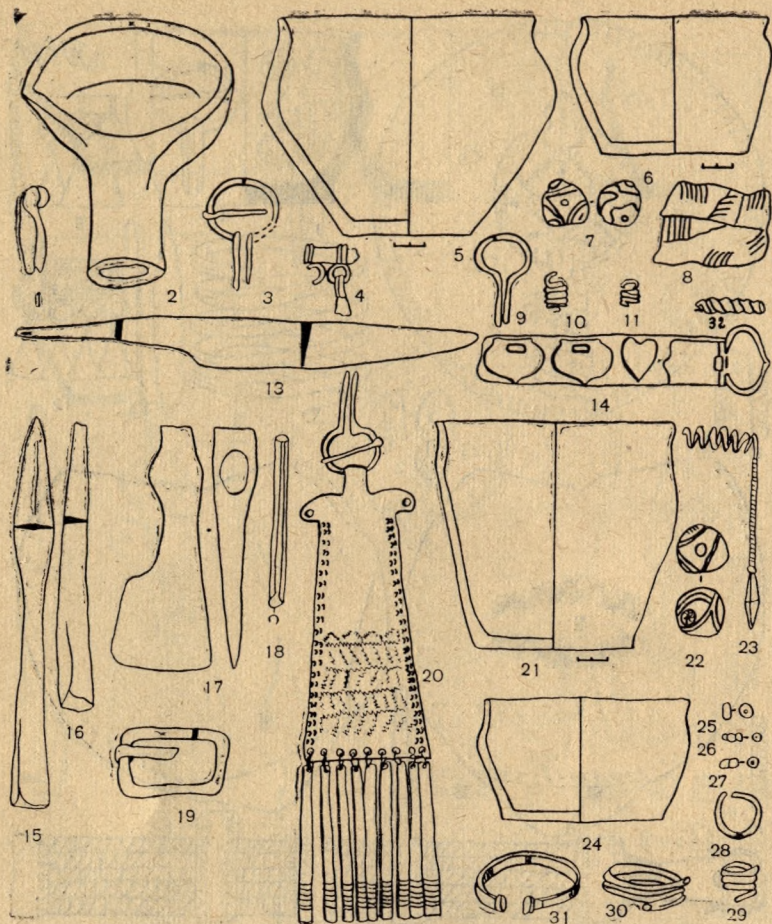

Рис. 19. Вещевые комплексы погребений 32—34, 38.
 Погр. 32—рис. 1—14, 32; погр. 33—рис. 15—18; погр. 34—рис. 20—23; погр.
 38—рис. 24—31.

Рис. 20. Вещевые комплексы погребений 35, 37.
Погр. 35—рис. 17—19; погр. 37—рис. 1—16; 20.

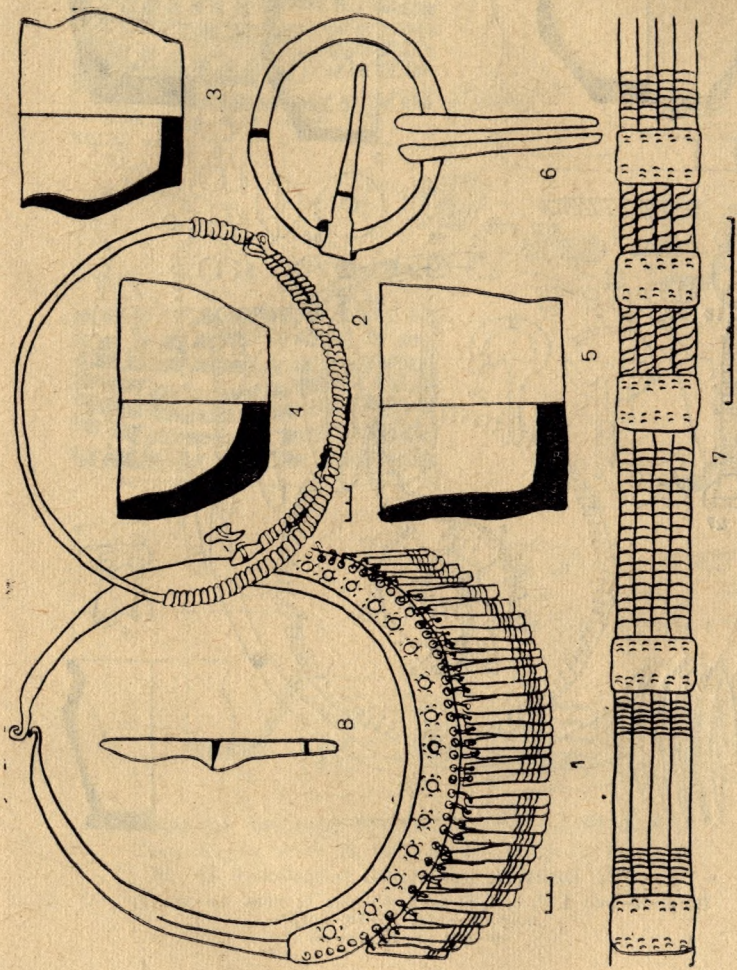

Рис. 22. Вещевой комплекс погребения 41.

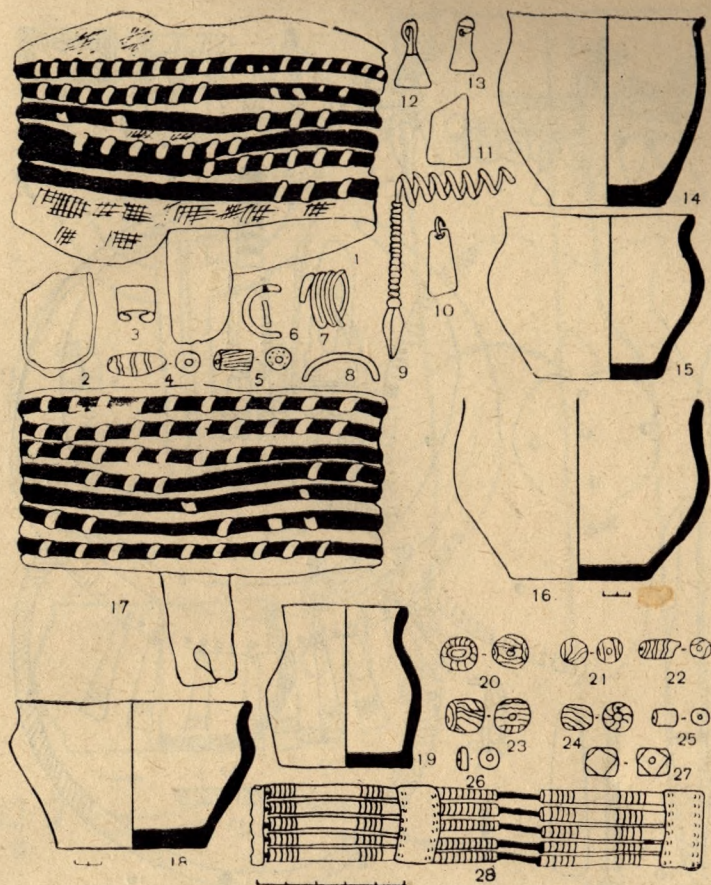

Рис. 24. Вещевые комплексы погребений 46, 47.
Погр. 46—рис. 1, 17; 14, 16; погр. 47—рис. 2—13, 15, 18—28.

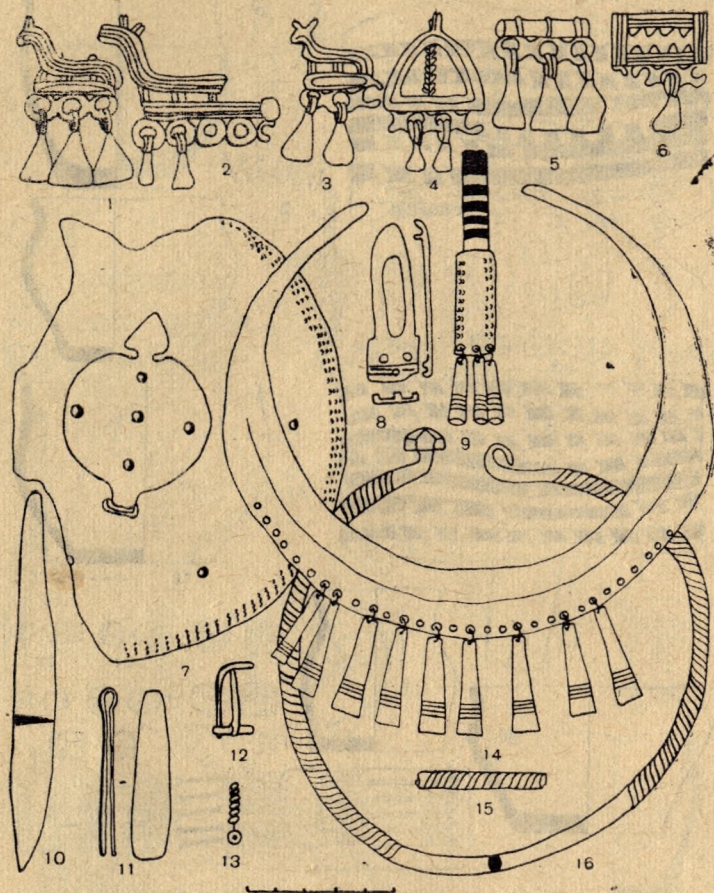

Рис. 25. Вещевой комплекс погребения 47.

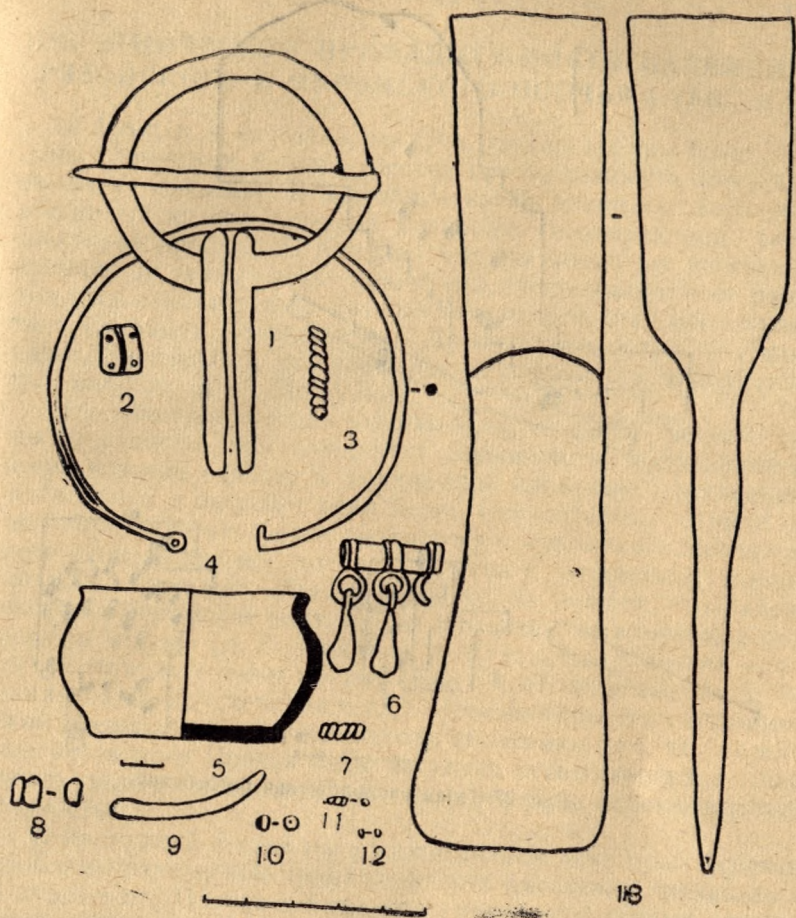

Рис. 26. Вещевой комплекс погребения 48.

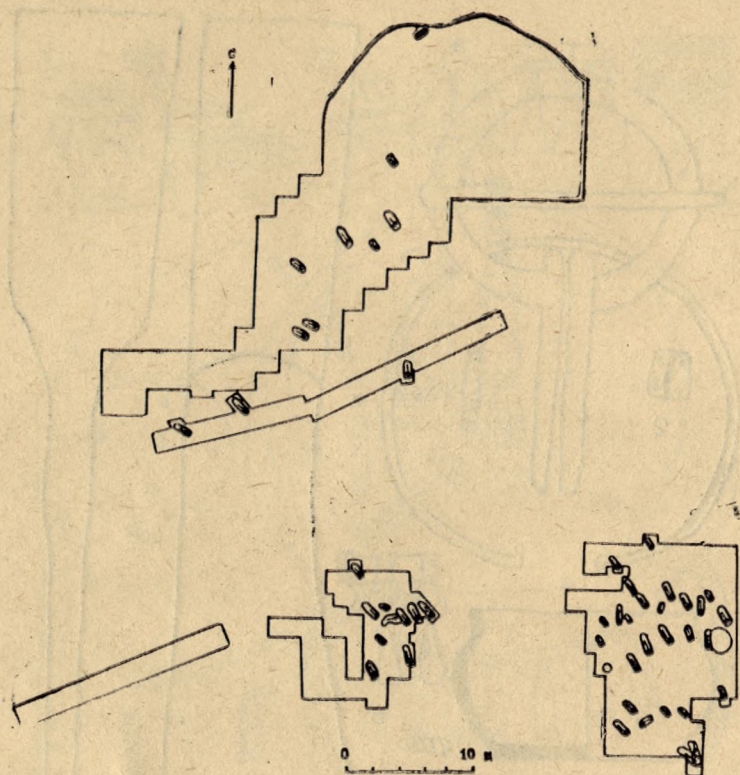

Рис. 27. План расположения погребений.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЯЗАНСКОГО И МУРОМСКОГО ПООЧЬЯ I ТЫС. Н. Э.

В I тыс. н. э. бассейны рек Оки, Мокши и Суры были заселены племенами, финно-угорская принадлежность которых не вызывает сомнения. В настоящее время накоплен достаточно обширный археологический материал, позволяющий ретроспективно проследить историю мордвы-мокши от настоящего времени до первых веков нашей эры. Непрерывность ее развития прослеживается по материалам пензенских могильников типа Старшего Селиксенского, Армиевского, затем — Лядинского, Ефаевского. Это убедительно показано в многочисленных работах М. Р. Полесских.

Что касается истории мордвы-эрзи, то такой четкой схемы ее развития не наблюдается. Большинство исследователей безоговорочно относят к мордве-эрзе население, оставившее могильники в бассейне реки Теши. Относительно этнической интерпретации населения рязанского и муромского Поочья такого единодушия нет, хотя его участия в этногенезе мордвы никто не отрицает. Ряд исследователей считает, что рязанско-окские и муромские могильники оставлены населением, родственном мордве (А. П. Смирнов, А. Е. Алихова), другие — видят в этом населении мордву-эрзю (А. Л. Монгайт, А. А. Герасимов, П. Д. Степанов и др.). Исчезновение его с исторической арены многие исследователи объясняют тем, что население рязанского Поочья было частично ассимилировано, частично ушло на нижнюю Оку, а мурома была ассимилирована полностью.

В настоящей статье мы рассматриваем некоторые аспекты проблемы этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья в I тыс. н. э., привлекая данные лингвистики, топонимики, археологии и этнографии.

1. Известно, что процессы интенсивной ассимиляции оставляют определенные следы в языке ассимилирующей стороны. В поисках таких следов мы обратились к «Атласу русских говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957; в дальнейшем АРГВМ). Если финноязычное население среднего и нижнего Поочья действительно было частично (или полностью) ассимилировано, то мы вправе ожидать на картографируемой в АРГВМ территории два эпицентра родственных по реалиям изоглосс: один — не очень плот-

ных, преимущественно не замкнутых изоглосс в районе рязанского Поочья (частичная ассимиляция финноязычного населения); другой—очень плотных, преимущественно замкнутых изоглосс в муромском Поочье (по преобладающему мнению—полная и довольно быстрая ассимиляция).

АРГВМ показывает, что в треугольнике, за биссектрису верхнего угла которого можно принять линию Москва (вершина) — Саранск, чрезвычайно много специфических языковых явлений. В общем, это не удивительно, так как названный треугольник входит в ареал среднерусских говоров¹. Следует, однако, указать, что специфика говоров, расположенных в полосе между севернорусским и южнорусским наречиями, отнюдь не всегда сводится к разнообразным возможным сочетаниям «порознь известных» черт. Изоглоссы некоторых языковых явлений не имеют видимых выходов в севернорусское или южнорусское наречия. Напротив, порою явно чувствуется тенденция к замкнутости на определенной территории. Кроме того, не все участки территории, занятой среднерусскими говорами, равнозначны по плотности специфического.

2. Сопоставление некоторых картографируемых реалий (КГР) с данными мордовских языков и диалектов (ДМЯД) позволяет сделать ряд интересных выводов.

Все изоглоссы рязанского и муромского Поочья можно разделить на несколько групп.

2.1. Изоглоссы, пересекающие рассматриваемый ареал (рис. 1—1).

Прежде всего остановимся на тех КГР, которые могут быть сравнимы с ДМЯД.

2.1.1. Карта 72. «Произношение *вы* или *ви* в слове *вишня*». КГР: «*вышня*».

2. 1. 2. Карта 79. Произношение *ры* или *ри* в слове «*рига*». КГР: «*рыга*».

ДМЯД. См. п. 2.3.2.

Рязанское Поочье входит в огромную сплошную зону реалий с *вы*, *ры*, а муромское Поочье — в столь же огромную зону с *ви*, *ри* в словах *вишня*, *рига*. Связи с мордовским субстратом, очевидно, нет.

2.1.3. Карта 83. «Произношение слова *дыра* и производных». КГР: «*ди́ря*, *ди́рка*, *ди́рочка*»; «*ди́ря*, *ди́рька*, *ди́ричка*»; «*ди́рявый*».

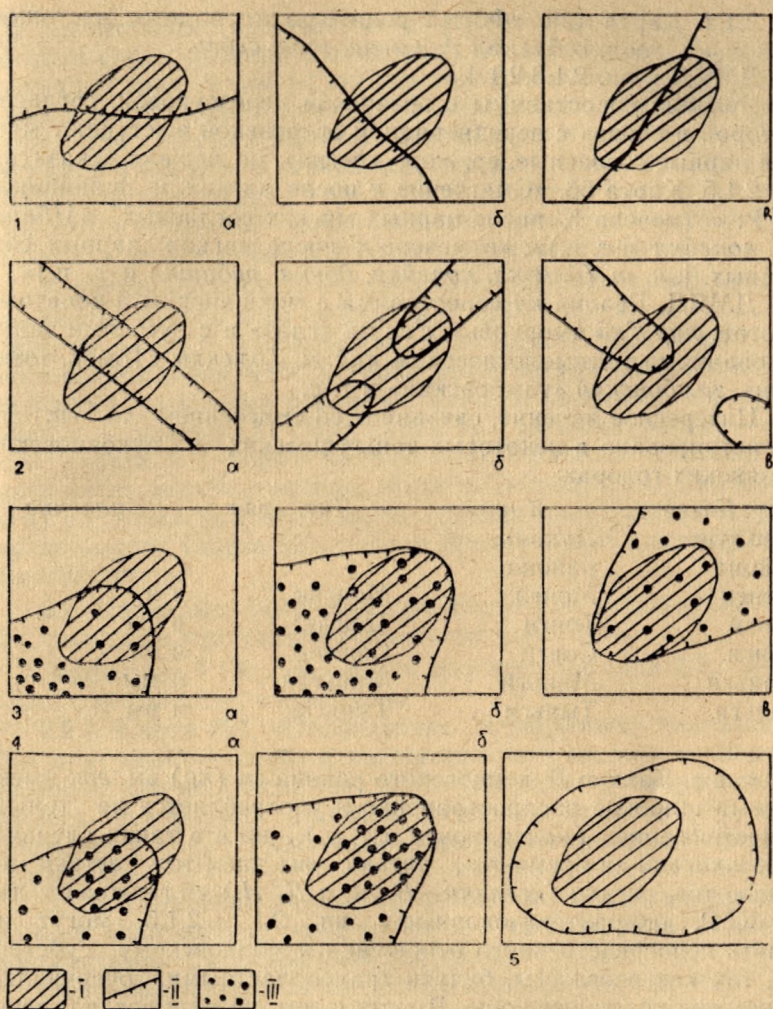

Рис. 1. Группы изоглосс рязанского и муромского Поочья (схема составлена авторами по данным АРГВМ).
 Условные обозначения: I—территория рязанского и муромского Поочья; II—изоглоссы языковых явлений; III—плотность языковых явлений.

2.1.4. Карта 129. «Форма родительного падежа местоимений *меня, тебя, себя*», КГР: «*мене, тебе, себе*».

ДМЯД к пп. 2.1.3, 2.1.4.

Явления сопоставимы с эрзянской перезвуковой, согласно которой в словах с переднерядной огласовкой выступают мягкие парные согласные, ср. *мор*о «песня», но *мер'емс* «сказать».

2.1.5. Карта 56. «Смягчение *к* после мягких и шипящих». КГР: «отмечено *К'* после парных мягких согласных и *ј* (*бан'кя, копейкя* и т. п.)»; «отмечено *к'* после мягких парных согласных, *ј, ч, ш* (*бан'кя, копейкя, дочкя, рубашкя* и т. п.)».

ДМЯД. Реалия *кя* сопоставима с мокшанским *ä* конечных слогов: *пур'х'кä* «морковь», *с'ел'мä* «глаз» и с русскими заимствованиями с этимологическим *кий*: м. *Томскяй* «Томск, томский», *тамбовскяй* «тамбовский» и т. п.

Интересное явление, связанное со смягчением *-ка, -га*, зарегистрировано в некоторых теньгушевских и лукояновских эрзянских говорах:

Баево	Какино	Лит. эрзя	Значение
Теньгуш.	Лукоян.		
района	района		
Монги	Монги	Монгак	и я
Тонги	Тонги	Тонгак	и ты
Сонги	Сонги	Сонгак	и он
Миньги	Миньги	Миньгак	и мы
Тиньги	Тыньги	Тыньгак	и вы

«...в с. Какино Лукояновского района *ги (ки)* вм. *гак* имеет весьма широкое распространение и употребляется не только в местоимениях (*монги, тонги* и т. д.), но и в таких случаях, как *шкаськи* «и время-то», *читьки* «и днем-то», *ветьки* «и ночью-то», *истяки* (*истякки*—В. М. и Д. Н.) «и так-то» и т. д.²».

КГР, охарактеризованные в пп. 2.1.1—2.1.5, могут не иметь непосредственного отношения к мордовскому субстрату, так как изоглоссы, будучи транслативными, очерчивают огромные сплошные зоны. Вместе с тем, на наш взгляд, некоторые экстралингвистические отношения здесь не исключены. С одной стороны, двуязычное население при смене родного языка на русский могло дать дополнительный импульс русским диалектным *диря, тебе, себе*, ибо подобные звучания не противоречат природным произносительным навыкам, скажем, мордовского населения. С другой стороны, в современных мордовских диалектах и говорах, находящихся теперь

на значительных расстояниях от рязано-окского ареала, возможны следы древних интенсивных контактов. Так, развитие звучаний типа *вет'ки* (<*вет'ка*), наблюдаемое в теньгушевских и лукояновских эрзянских говорах, шло, нам представляется, так: *вет'как* > *вет'ка* > *вет'к'ä* > *вет'к'и*. Формы типа *вет'ка*, *вет'к'и* есть и теперь, например, в говоре с. Иванцево Лукояновского района Горьковской области. Вполне возможно, что на эрзянской почве реализация типа *вет'к'и* (<*вет'ка*) возникла не без влияния русского диалектного *банька*.

В других случаях (а их абсолютное большинство) непричастность мордовского субстрата к КГР, показанным изоглоссами группы 2.1. подтверждается не только формой изоглоссы, но и содержанием КГР, которые никак не увязываются с мордовскими языковыми реалиями. Таковы, например, изоглоссы оканья — аканья (АРГВМ, карта 1), звучаний *запрёг* — *запрег* (карта 37), формы именительного падежа множественного числа *матери* — *матеря*, *матерья* (карта 109), названий ягод с суффиксами *-ига* (карта 167), звучаний *дуло* — *дуплё нутро* — *нутрё* (карта 82), лексем *брешет* — *лает* (карта 221) и многие другие³.

2.2. Изоглоссы, очерчивающие более или менее узкие ленты, полосы, в том числе прерывистые (рис. 1—2).

Лишь одна КГР, показанная изоглоссами типа 2.2., сравнима с мордовским материалом.

2.2.1. Карта 157. «Образование возвратных глаголов в 3-м лице единственного и множественного числа и в неопределенной форме (после *т*)». КГР: «Отмечено вторичное *ть* во всех трех формах (*он деретцить*, *они собираютцуть*, *надо братцить* и т. п.); «Отмечено вторичное *ть* в одной или двух формах».

ДМЯД. Явление плеоназма вообще не чуждо мордовским языкам (например, э. *некетне* «те же самые», где значение множественности формально выражено трижды).

Подобные изоглоссы имеются также на картах 96, 111, 133, на сводной карте 24, картах 16, 19, 20.

Хотя ареал, очерченный изоглоссами группы 2.2., находится в непосредственной близости к исконным мордовским территориям и частью захватывает их, усмотреть какие-то связи между КГР перечисленных выше карт с мордовским субстратом мы не рискуем.

2.3. Изоглоссы, включающие рассматриваемый ареал (или часть его) в виде пограничной зоны с равномерной плот-

ностью или с эпицентром наибольшей плотности вне рассматриваемого ареала. Очерченные зоны могут быть открыты в принципе в любом направлении (рис. 1—3). Если принять во внимание направление миграционных потоков, а также учесть древнее и современное расселение мордвы, то для нас наибольший интерес представляют зоны, открытые в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях. Но мы рассматриваем и другие зоны, если на их КГР есть нечто похожее на мордовской почве.

2.3.1. Карта 8. «Типы неразличения этимологических гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных». КГР: «умеренно диссимилятивное яканье» (т. е. произношение *н'асла*, но *т'ил'ата*³ — В. М и Д. Н.); «яканье диссимилятивное... с элементами ассимилятивности» (т. е. произношение *н'асла*, *т'ил'ата* и *т'ал'ата*⁴—В. М. и Д. Н.); «ассимилятивно-диссимилятивное яканье». (т. е. произношение *н'асла* и *т'ал'ата*⁵—В. М. и Д. Н.).

Зона открыта в южном направлении.

ДМЯД. По нашему мнению, в мордовском вокализме аналогичных явлений не обнаруживается. Но в научной литературе высказывалась мысль о связи русского аканья с древнемордовским вокализмом. В. И. Лыткин не исключает того, что русское аканье и система гласных общемордовского вокализма «развились путем взаимовлияния: прамордовский вокализм, где безударные гласные закономерно подверглись редукции, дал толчок к оформлению русского аканья, которое началось тоже с редукции безударных гласных»⁶. И далее: «Вообще системы гласных прамордовского и древнерусского языков развивались в тесном контакте, влияя друг на друга. Это влияние (взаимопроникновение) происходило в течение ряда столетий, начиная с древнейших времен (не позднее X в.). В результате взаимовлияния возник ряд специфических особенностей вокализма, которыми стал отличаться, с одной стороны, древнерусский диалект бассейна Оки (аканье), а с другой — общемордовский язык (о, э вместо ф.—у. *у, *ј, *и; перезвуковка) от генетически родственных языков и диалектов: древнерусский диалект населения Оки (диалект вятичей) от других диалектов и славянских языков, а мордовский язык — от других финно-угорских языков»⁷.

Гипотеза, выдвинутая В. И. Лыткиным, при ближайшем рассмотрении весьма противоречива. Развитие вокализма прамордовского в тесном контакте с древнерусским «начиная

с древнейших времен (не позднее X в.)» невозможно, так как в это «древнейшее время» прамордовского по всей вероятности уже не было⁸. Следует иметь также в виду, что редуцированный гласный возник в период самостоятельного развития мокшанского языка из прамордовских *у, *и⁹ (В. И. Лыткин, видимо, придерживается взгляда П. Равилы¹⁰). Об этом свидетельствуют такие соответствия, как 1) м. *ѣр'ва*—э. *ур'ва*, м. *ѣрдаз* — э. *рудаз* и т. п.; 2) м. *с'т'ѣр'н'я* — м. *с'т'ир'*, м. *к'ѣдн'я*—м. *куд* и т. п. Качество гласного, вышедшего из закономерностей вокализма не первого слога в связи с выпадением 1-го слога (*куй* < *кийув* «змея», *киш'ир*, «веретено») и сохранившего в связи с этим старый вокализм, также говорит в пользу *у, *и > ъ.

Таким образом, в поисках толчка к оформлению русского аканья мы можем обратиться лишь к мокшанскому или раннемокшанскому (но не к прамордовскому) материалу. Анализ показывает, что, видимо, мокшанский (или раннемокшанский) вокализм непосредственного отношения к возникновению русского аканья не имел. Мокшанский редуцированный, возникший на месте прамордовских *у, *и, в какой-то мере можно сопоставить со славянскими редуцированными, которые также возникли из индоевропейских *у, *и, но совсем в другую эпоху. В то же время (или несколько раньше), когда в русском языке старые редуцированные (<*у, *и) исчезают, в мокшанском вокализме происходит утверждение редуцированных подобного типа (<*у, *и). В русском языке в связи с исчезновением старых редуцированных возникает редукция безударных гласных полного образования и на этой почве аканье. Причем, теперь уже редукции подвергаются только лишь безударные гласные неверхнего подъема, т. е. этимологические о, е, а. В мокшанском языке редуцируются только лишь этимологические у, и. Гласный а вообще никогда не редуцируется. Как известно, «под аканьем... понимается в широком смысле неразличение в безударном положении гласных о и а после твердых согласных, е, о, а после мягких согласных и шипящих или употребление в безударном положении одного гласного в соответствии с различными указанными выше гласными под ударением, а также различавшимися в безударном положении в прошлом, причем в безударном положении невозможно о»¹¹. С мокшанским вокализмом общим моментом является лишь то обстоятельство, что о в безударном положении невозможно. Думается, этого момента недостаточно, чтобы делать такие кардинальные выводы.

Далее. Если бы аканье, как языковое явление, возникло по какой-то причине в районе средней Оки, логично было бы ожидать раннее его распространение на запад, север, северо-восток, а не только на юго-восток, юг, юго-запад и запад от эпицентра. Точка зрения В. И. Борковского и П. С. Кузнецова нам представляется более логичной: «В отношении места оно (аканье — В. М. и Д. Н.) скорее всего возникло на территории южновеликорусских говоров. Там и теперь распространены его наиболее архаические типы... Древнейший дошедший до нас памятник южновеликорусской территории — Рязанская Кормчая 1284 г. — аканья не отражает. Но оно, вероятно, возникло дальше к югу. Согласно мнению, господствовавшему до недавнего времени в исторической науке, южные части территории нынешнего южновеликорусского наречия с XIII в. пришли в запустение в результате монгольского нашествия. Исследованиями последнего времени установлено, что, хотя русское население края в результате частью уничтожения его, частью отлива на север и запад стало значительно более редким, оно никогда здесь полностью не прекращалось. С этим отливом и было, вероятно, отчасти связано дальнейшее распространение аканья на запад и север»¹².

Б. А. Серебренников считает возможной связь между яканьем рязанских говоров (*вядро, вясна, нясла* и т. д.) и мокшанскими *ляй* «река», *сяземс* «разорвать» и т. д. (при эрзянских *лей, сеземс* и т. д.)¹³. Трудно связать эти явления. Во-первых, в мокшанском языке есть не только *ляй, сяземс* и т. д., но и *мезе, ведь, сельме* и т. д., причем в речевом потоке количество тех и других примерно равное. Во-вторых, в словах *вядро, вясна, нясла* рязанских говоров первый слог безударный, в мокшанских же — обязательно ударный. В части эрзянских диалектов также есть *ä*, но использование его по сравнению с мокшанским *e* и *ä* обратное (ср.: э. *кед'* — м. *кăд'* «рука», э. *кăд'* — м. *кед* «кожа» и т. п.). Д. В. Бубрих был уверен, что когда-то эрзянский язык использовал фонемы *e, ä* не обратно, а в соответствии с мокшанским, и полагал, что при накоплении достаточного количества диалектологических материалов без труда можно будет установить причину своеобразного использования указанных фонем. «Некоторые сообщения, — пишет Д. В. Бубрих, — на этот счет можно было бы высказать уже сейчас (руководствуясь параллелями в некоторых русских говорах)»¹⁴. К сожалению, Д. В. Бубрих не высказался до конца. Но думается, если он и усматривал какую-то связь между *y* на месте этимологического *e* в русских

говорах и мордовским *ä* в первом слоге, то именно в смысле влияния русских диалектных звучаний типа *вясна, ядро, нясла* на возникновение *ä* на месте этимологического *e* в первом слоге в некоторых эрзянских говорах¹⁵. В таком случае новое *e* (из прамордовского *ä*), видимо, еще отличавшееся по качеству от этимологического *e*, могло остаться нетронутым.

2.3.2. Карта 71. «Произношение *вы* или *ви* в слове *высокий*». КГР: «*високий*».

Зона открыта в юго-восточном направлении. Плотность КГР равномерная.

ДМЯД. Твердые согласные перед гласными переднего ряда для мордовских языков нехарактерны. Сочетание *губной + вы* вообще невозможно. В старых заимствованиях переднерядный *ы* в подобных случаях заменен заднерядным *у* (*пурей*, «пырей», *бука* «бык», *бувала* «бывало», *бу* «бы» и др.). В русской современной речи мордвы *пи, би, ми, ви* на месте *пы, бы, мы, вы* обычны¹⁶.

Ориентация зоны, ее размер и равномерность плотности КГР не говорят о безусловном влиянии именно мордовского субстрата, хотя оно не исключено в плане дополнительного импульса (см. комментарии к пп. 2.1.1—2.1.5).

2.3.3. Карта 59. «Согласные *с'*; *з'* и их соответствия». КГР: «*с'', з'* (*с''ила, з''има* и т. п.)».

Зона примыкает с востока к среднему и нижнему течению Пры; открыта в восточном направлении. Наибольшая плотность КГР в бассейнах Тешы и верхнего Алатыря.

ДМЯД. Подобное явление имеется, по нашим наблюдениям, в эрзянских теньгушевских говорах. Из северо-западных эрзянских говоров нечто похожее отмечено в говорах сел Кельдюшево и частично Великий Враг, в которых *ж* и *з'* в положении перед гласными переднего ряда и мягкими согласными совпали в одном звуке *ж', ш, с'* — соответственно в *ш'*¹⁷.

2.3.4. Карта 115. «Согласный в окончании предложного падежа множественного числа существительных». КГР: «отмечено — *аф* (*в домаф, на ногаф* и т. п.)».

Зона занимает ареал вдоль 55,5 параллели от реки Москвы до Оки. Наибольшая плотность чуть западнее Мещерских озер. КГР sporadически встречается на периферии.

ДМЯД. Сравните теньг.: *атях* и *атяф* «свекор», *авах* и *аваф* «свекровь», *вельх* и *вельф* «сверх», *тох* и *тоф* «мука»; северо-западные (четвертая группа): *пир'ах* (<*пир'аф* / *пир'афт* / *пир'авт*) «изгородь», *авах* (<*аваф* / *авафт* / *ававт*) и др.¹⁸.

Хотя в указанных эрзянских говорах *x* выступает на месте более древнего *ф* (*∠в*), тем не менее явление вполне сопоставимо с русской реалией *ф* вместо *x*. Важно смещение *ф* и *x* в сходной позиции.

Географически эрзянские диалекты, в которых отмечено *x* (*∠ф∠в*), находятся в непосредственной близости от зоны, рассматриваемой КГР.

2.3.5. Карта 224. «Подзывные для свиней». КГР: «*жун'*, *жун'а*»; «*жун'к*, *жун'ка*, *жун'ок*, *жуин'ки*»; «*жута*, *жут'а*»; «*жутка*»; «*жуш*, *жуша*»; «другие подзывные сходного звукового комплекса»; «*з'ут*, *з'уты*, *зуты*»; «*зутка*», «*з'ун'*, *зун'*» «*з'ун'к*, *з'ун'ка*»; «другие подзывные сходного звукового комплекса».

Зона захватывает муромское Поочье. Эпицентр наибольшей плотности КГР — левобережье р. Теша и территория Мордовии.

ДМЯД. В северной полосе мордовских говоров отмечены реалии группы *жун'* (например н.—пьян., с-з). Несколько южнее — реалии группы *з'ун'*¹⁹, что в общем соответствует их ареалу в русских говорах. Интересно, что изоглосса реалий группы *жун'* вполне сопоставима с изоглоссой *т'ш'*, *д'ж'*, в то время как изоглосса реалий группы *з'ун'* — с изоглоссой *т'с'*, *д'з'*. Возможно, что это не случайно (см. п. 2.6.12).

2.4. Изоглоссы, включающие рассматриваемый ареал (или часть его) в виде пограничной зоны с эпицентром наибольшей плотности внутри рассматриваемого ареала (рис. 1—4).

Так же, как в случаях типа 2.3., зоны могут быть открыты в любом направлении. По причинам, указанным в п. 2.3., для нас наиболее интересны зоны, открытые в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях.

2.4.1. Карта 15. «Гласный *о* или *е* под ударением после мягких согласных перед твердым в корнях слов». КГР: «Отмечено *е* (*св'екла*, *пр'ин'ес* и т. п.)».

2.4.2. Карта 145. «Ударный гласный в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения». КГР: «*е* (*несеш*, *несем* и т. п.)».

На картах 15 и 145 зоны открыты в юго-юго-западном и южном направлениях.

ДМЯД. Для эрзянского языка по законам перезвуковки гласный *е* перед твердым парным согласным нехарактерен, хотя на морфемном шве возможен: *вел'ес* «в село», *вел'ем* «мое село (от *вел'е* «село»)». В первом слове также возможен

лишь на морфемном шве: *вес* «до ночи» (от *ве* «ночь»), *пес* «до конца» (от *пе* «конец») — и встречается редко ввиду немногочисленности односложных слов типа *ве*, *пе*. С другой стороны, в корне слова, в первом слоге звучания типа *с'ор* не столь большая редкость (например: *с'орма* «письмо», *с'олмо* «крыло», *т'окиш* «вершина», *ц'оков* «соловей» и др.), но более характерны звучания типа *н'ед'* (например: *н'ед'* «рукоятка», *вет'е* «пять», *с'ел'ме* «глаз» и др.). Каких-либо переходов одних звучаний в другие не отмечено.

2.4.3. Карта 13. «Гласный конечного заударного закрытого слога на месте *и* в глагольных формах на *-ил*». КГР: «Отмечено *а* (*брос'ал*, *выл'ал* и т. п.)».

2.4.4. Карта 14. «Гласный на месте тематического *и* в безударных окончаниях 3 л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения». КГР: «отмечено *ход'ат* и т. п.»; «отмечено *ход'ат'* и т. п.»; «отмечено *а* только после шипящих: *он служат* и т. п.»

Зоны на картах 13, 14 открыты в южном направлении.

ДМЯД. Среди первичных глаголов в мордовских языках самую большую группу составляют глаголы с основой на *а* типа *кунда-* «поймать», *рама-* «купить». Поэтому перед консонантными окончаниями в глагольной парадигматике *а + согласный* обычны: *раман* «я куплю», *рама* «ты купишь», *рами* (*∠рамай*) «он купит» и т. д. В ряде форм произошло обобщение в пользу *-а-*: *мол'ан* (основа *мол'*) «иду», *сорнан* (основа *сорно-*) «дрожу» и т. п.

2. 4. 5. Карта 42. «Произношение диалектных разновидностей слова *што*». КГР: «*ш'ш'о*, *шч'о*, *шт'о*»; «*ишшо*, *шчо*, *шо*». Зона открыта в юг-юго-восточном направлении. Наибольшая плотность КГР отмечена в районе Мещерских озер и в бассейне Цны.

ДМЯД. В эрзянских диалектах известны, с одной стороны, *шт'* как в исконных словах (э. лит. *шт'ер'е* «веретено», *ашт'емс* «пребывать» и т. п.), так и в русских заимствованиях на месте современного русского *щ* (э. лит. *шт'ука* «щука», *шт'епка* «щепка» и др.), с другой стороны—*шч* как в исконных словах (с.—з., н.—пьян. *шчер'е*, *ашчемкс*, *ашчемс* и т. д.), так и в русских заимствованиях (с.—з., н.—пьян. *шчука*, *шчепка* и т. п.)²⁰. Известно также *шч* на месте *шт'* (н.—пьян., атр. *машчомс* «уметь»)²¹. В мокшанском эрзянскому *шт'* соответствует *шч'* (орфографически—*щ*: *ашчемс*, *щепка* и т. д.). Перехода *шт'* в *шч* и т. п. не отмечено.

Явление, возможно как-то связано с аффрикатизацией t' ($>t', c', t'ш'$; см. п. 2.4.6).

2.4.6. «Согласные t' , d' и их соответствия». КГР: «отмечено $t'c'$, $d'з'$ ($t'c'ихо$ и $d'з'ад'з'а$ и т. п.)»; «отмечено $t'ш'$, $d'ж'$ ($t'ш'ихо$ и $d'ж'ад'ж'а$ и т. п.)». Зона охватывает район Мещерских озер; открыта в восточном направлении.

ДМЯД. В теньг. налицо смешение t' и $ц'$ как в исконных, так и заимствованных из русского языка словах: *тёра*, *цёра* «мужчина», *тирне*, *цирне* «сверчок» (ср. э. *циркун*), *цявкснимс* «визжать» ($\angle$ русс. тявкать), *цяпка* «тяпка»²².

В ряде с.—з., н.—пьян. и б.—игн. говоров вместо $ц'$ выступает t'^{23} . Видимо, исчезновению $ц'$ здесь предшествовало их смешение (как и в теньг.). Смешение же их произошло, нам представляется, ввиду былой спирантизации t' .

Аффрикатизация t' через посредство *ш*-ового призвуча несколько уже, но тоже представлена на эрзянской почве, ср. м. *тёжда*—э. *шожда*, *чожда* «легкий»; э. *течи*—теньг. *чече* «сегодня»; э. *теште*—теньг. *чеще* «звезда»; э. *тикше*—теньг. *чикше* «травы»²⁴; с.—з. *т'эшчэ* ($\angle t'эштшэ < t'эшт'э$) «звезда»; *пэшче* ($\angle$ аналогично предыдущему) «орех»; *паччамкс* ($\angle$ *пачтшамкс* $<$ *пачт'амкс*) «доставить» и т. п.²⁵; н.—пьян. *ашчемс* «пребывать», *пишчемс* «мучиться» (ср. э. лит. *ашт'емс*, *пишт'емс*)²⁶.

2.4.7. Карта 46. «Звонкие согласные *б, д, з, ж* на конце слова». КГР: «отмечено отсутствие оглушения (*хлеб, город* и т. п.)». Эпицентр наибольшей плотности — муромское Поочье. КГР отмечена также в терюханском ареале и на периферии.

ДМЯД. В эрзянском языке звонкий согласный на конце слов не оглушается: *вед'* «вода», *сод* «сажа», *ваз* «теленок», *паз* «бог» *шуж* «ячмень» и т. п. В русских заимствованиях конечный звонкий обычно сохраняется: *сад, плуг, колоб, клуб* и др. Наблюдается тенденция к озвончению конечных глухих: *колоз* «колос», *чуваж* «чувашин» и др. Эта тенденция проявляется и в русской речи мордвы²⁷.

Влияние мордовского субстрата на сохранение звонкового согласного на конце слова нам представляется вполне возможным.

2.4.8. Карта 22. «Гласный на месте *а* под ударением между мягкими согласными». КГР: «отмечено *е* (*гр'ез', гул'ел'и* и т. п.)». Зона открыта в юго-восточном направлении. Реалия спорадически отмечена в разных местах на периферии карты.

ДМЯД. Для эрзянского языка *a* в положении между двумя согласными нехарактерен по законам перезвуковки. Появление *a* в конце переднерядной основы прерывает цепь мягких согласных и переднерядных гласных, ср. *ве'ле'нек* «наше село», но *велеванок* «по нашему селу»²⁸.

Если *a* в формах словоизменения и словообразования все-таки попадает в позицию между двумя мягкими согласными, то в ряде диалектов наблюдается переход *a* в *e*: *теньг. эрзя—эрзень, Ваня—Ванень, Петя—Петесь*²⁹; с.—з. (II—IV группы) *бэр'эн' (<бэр'ан') «плохой», т'эт'эн' «отца моего», т'эт'эй «отец!»* (ср. им. п. *т'эт'а «отец»*)³⁰.

В русских заимствованиях *a* между мягкими согласными заменяется *e*: м. д. *гр'ез'* «грязь», э. *пец'а* «пятница».

2.5 Замкнутые изоглоссы, включающие рассматриваемый ареал (или часть его) и охватывающие, кроме того, значительные смежные территории (рис. 1—5).

2.5.1. Карта 40. «Аффрикаты *ц* и *ч*, их различие или неразличие». КГР: отмечено совпадение аффрикат в *ц* твердом (*курица, цай* и т. п.); «отмечено совпадение аффрикат в *ц* мягком (*куриц'а, ц'ай* и т. п.)»; «указание на совпадение аффрикат в прошлом».

Изоглоссой охвачен огромный ареал, северной границей которого является р. Клязьма, западной—р. Москва, затем Ока. В районе Старой Рязани изоглосса выходит в юго-восточном направлении на правый берег Оки. Восточная граница проходит приблизительно по железной дороге Горький—Саранск; намечен выход в северном направлении на участке Владимир—Иваново.

2.5.2. Карта 42. «Произношение диалектных разновидностей слова «что». КГР: *чо, ч'о, цо, ц'о*». Ареал в целом совпадает с ареалом КГР п. 2.5.1.

ДМЯД. Современные мордовские языки знают три аффрикаты: *ц, ц', ч'*³¹, причем в исконных словах *ц* выступает лишь на морфемном шве (э. *поц* «вовнутрь», ср. *потмо* «нутро»; *с'ормацтомс* «записать», ср. *с'ормадомс* «писать»; *вещана* «жидкий», ср. *вед'* «вода» и т. п.), что явно говорит о позднем характере аффрикаты *ц*. В финно-угорском праязыке также, видимо, существовали лишь две аффикаты: *с* и *с'*³².

Авторы вступительных статей АРГВМ, основываясь на географических данных, высказывают предположение о том, что «цоканье не может считаться специфической особенностью того или иного восточнославянского диалекта, что оно образовалось на путях скрещения с русским языком иноязыч-

ных финских племен.... Можно считать установленным, кроме того, что цоканье на территории его сплошного распространения (в пределах картографируемой территории) образовалось на месте, а не занесено с севера, потому что примыкающие к территории цоканья северные районы обычно лишены цоканья»³³.

Думается, предположение авторов АРГВМ близко к истине. Как известно, в древнерусском языке *ц* и *ч* были мягкими аффрикатами³⁴. Финно-угорские же языки не знали *ч'*. При интенсивных процессах межъязыковой интерференции это, видимо, послужило основанием для неразличения русских *ц'* и *ч'*.

Особый интерес для нас представляет реалья «совпадение аффрикат в мягком», которая, имея изоглоссу 1-го типа, несколько шире распространена в северо-восточном (вдоль Оки) и восточном (вдоль 55 параллели) направлениях.

В старых эрзянских заимствованиях русские *ц* и *ч* совпали в *ц'*, например: тенг. *цела* «целый», *цеп* «цепь», *цюлан* «чулан», *цюлка* «чулок», *цярка* «чарка»³⁵; иванц. *цетъверг* «четверг», *цюлан* «чулан», *граць* «грач», *калаця* «калач», *кузнецъ* «кузнец», *пеця* «пятница»³⁶. В русской речи мордвы-эрзи (в речи старых, пожилых и неграмотных) мягкий *ц* вместо *ч* обычен³⁷.

2.6. Изоглоссы, замыкающиеся в рассматриваемом ареале или захватывающие незначительные смежные территории (рис. 3). Сразу же заметим, что замкнутые изоглоссы имеются в рязанском Поочье и отсутствуют в муромском.

2. 6. 1. Карта 47. «Согласный на месте *в* в середине слова перед согласным». КГР: «отмечено *у* или *ш* (*прауда*, *траука* и т. п.)». Реалья sporadически отмечена на нижней Цне.

2. 6. 2. Карта 48. «Согласный на месте *в* в слове «давно». КГР. «*дауно*». Реалья sporadически отмечена на нижней Цне.

2.6.3. Карта 49. «Согласный на месте *в* на конце слова в основах». КГР: «отмечено *у*, *ш*, *в* (*посеу*, *готоу* и т. п.)»; «*х* (*посех*, *готох* и т. п.)». Реалья sporadически отмечена на нижней Цне и в муромском Поочье.

2. 6. 4. Карта 50. «Согласный на месте *в* в окончании -ов род. п. мн. ч. существительных». КГР: «отмечено -*оу*, -*ов* (*годоу*, *двороу* или *годов*, *дворов* и т. п.)». Реалья sporadически встречается на нижней Цне и в муромском Поочье.

2.6.5. Карта 63. «Согласный на месте *в* перед *к*». КГР: «*ш'к'и*' (*лаш'к'и*' *траш'к'и*' и т. п.)»; «*шк'*' (*лашк'и*, *трашк'и* и т. п.)»; «*х'к'*' (*лах'к'и*, *трах'к'и* и т. п.)», «*йк'*' (*лайк'и*

трайк'и и т. п.)». Реалия спорадически встречается к востоку от Цны.

ДМЯД. К пп. 2.6.1.—2.6.5. Для эрзянского языка в указанных позициях более характерны *y*, *ш*³⁸. Оглушение в исходе слова отсутствует. VI—III группах северо-западных говоров и в нижнепьянском диалекте эрзя-мордовского языка к концу слова и перед другими согласными фонема *в* выступает в виде неслогового *y*³⁹. В с.—з. (IV группа) наблюдается *вт* > *фт* > *хт* > *х*⁴⁰.

2.6.6. Карта 51. «Звук на месте *в* в начале слова перед согласными». КГР: «у (*у неслоговой*)»; «отмечено перед губными звонкими *у*, глухими *х* при возможных *в*—*ф* в тех же положениях»; «отмечено перед губными звонкими *у*, глухими—*х* при возможном *у* (*у неслоговом*) в тех же положениях»; «отмечено перед губными звонкими *у*; глухими—*х* при возможных *в*—*ф* или *у* (*у неслоговом*) в тех же положениях»; «отмечено перед негубными взрывными звонкими *у*, глухими—*х*».

Реалии из указанной группы отмечены на нижней Цне и в Дальне-Константиновском районе Горьковской области.

2.6.7. Карта 52. «Звук на месте начального *в* в слове «внук». КГР: «*унук* (в том числе с *у* неслоговым)». Реалия спорадически отмечена на нижней Цне и в Дальне-Константиновском районе Горьковской области.

2.6.8. Карта 53. «Звук на месте начального *в* в слове «вдова». КГР: «*удова* (в том числе с *у* неслоговым)». Реалия отмечена на нижней Цне.

ДМЯД. К пп. 2.6.6.—2.6.8. См. ДМЯД кпп: 2.6.1—2.6.5. В эрзянском литературном языке и во всех его диалектах позиция *в* в начале слова перед согласными чрезвычайно слабая. Исконных слов с таким *в* вообще нет. В заимствованиях *в* выпадает: *дова* «вдова», *нуц'ка* «внучек», *друк* «вдруг». В мокшанском — *удава* «вдова».

2.6.9. Карта 64. «Мягкий губной фрикативный согласный на конце слова и его соответствия». КГР: «*ш'* (*кrow'*, *люbow'* и т. п.)»; «*ш*, *у* (*кrow*; *кrou*, *люbow*, *любоу* и т. п.)»; «*и* (*крой*, *любой*)». Реалии спорадически встречаются на нижней Цне и в Дальне-Константиновском районе.

ДМЯД. См. к пп. 2.6.1—2.6.5. В адъективных и лативных формах от переднерядных основ, требующих смягчения последующего согласного по законам перезвуковки, на месте этимологического *в* (*лнв*) в эрзянском выступает *й*; ср.: *пит'н'ей* «дорогой», *тей* «сюда». В северо-западных говорах эти соответствия регулярны. В говоре ряда сел явление на-

блюдается даже в заднерядных образованиях: *базарой* в.м., общеэрзянского *базароу* «на базар», *масторой* «на пол» и другие⁴¹. Оглушение звонких согласных в исходе слова для эрзянского языка нехарактерно.

2.6.10. Карта 45. «Фонемы *ф*, *ф'* и их соответствия». КГР: «*х*, *хв*, *хф* или одна из этих замен (*сарахан*, *сарахван*, *сарахфан*, *Хилипп*, *Хвилипп*. *Хфилипп* и т. п.)». Зона захватывает нижнюю Цну. Отмечены следы реалии в муромском Поочье и в Дальне-Константиновском районе.

ДМЯД. Звуки *х*, *ф* вообще новые для эрзянского языка⁴². Об этом свидетельствует, в частности, полное их отсутствие в начале исконных слов⁴³. Примечательно, что в с.—з. и н.—пьян, говорах в заимствованиях из русского языка и через его посредство замена звука *ф* с учетом того обстоятельства, что звук *х* отсутствует в большинстве говоров, в общем тождественна. Сравните: с.—з.:

I—III группы	IV группа	Значение
<i>конар'</i>	<i>конар'</i>	фонарь
<i>памэл'ийа</i>	<i>камэл'ийа</i>	фамилия
<i>саракуан</i>	<i>сарахан</i>	сарафан
<i>кукуайка</i>	<i>кухайка</i>	фуфайка ⁴⁴ ;

н.—пьян.: *кверма* «ферма», *квил'ип* «Филипп», *конар'* «фонарь», *квартук* «фартук»⁴⁵.

2.6.11. Карта 156. «Согласный основы и место ударения в форме 1-го лица ед. ч. глаголов II спряжения». КГР: «отмечено *хóдю*, *лю́бю* и т. п.», «отмечено *ходю́*, *любю́* и т. п.»; «ви́дю́, *сидю́* и т. п.». Реалия sporadически встречается на нижней Цне и в непосредственной близости от Дальне-Константиновского района.

ДМЯД. Отсутствие чередования согласных типа *ходить*—*хожу́*, *любить*—*люблю́* и т. п. характерно для русской речи мордвы-эрзи⁴⁶, так как подобных явлений в мордовских языках нет.

2.6.12. Карта 224. «Подзывные для свиней». КГР: «*д'ут'*, *д'от*, *д'ут'а*»; «*д'утка*, *д'утк*, *д'отка*, *д'уток*»; «другие подзывные сходного звукового комплекса». Реалии данной группы отмечены южнее Дальне-Константиновского района и в правобережье Цны.

ДМЯД. В мордовских языках и диалектах подзывных группы *д'ут'* не зарегистрировано. Обращает на себя внимание тот факт, что карта 224 показывает абсолютное преобладание реалий группы «чу». Отдельными островками большей или мень-

шей плотности выделяются реалии групп *д'ут'*, *жун'* и *з'ун'* (см. п.2.3.5.). На наш взгляд, последние группы связаны между собой. Самая древняя из них, видимо, *д'ут'*. Попад в зону аффрикатизации переднеязычных взрывных, *д'дало д'ж'* или *д'з'*. В соседстве с сонорными (*д'ж'ун=д'ж'ун'=д'ж'ун'* или *д'з'ун'=д'з'ун'=д'з'ун'*) могла произойти дезаффрикатизация за счет потери взрывного компонента, что в итоге могло дать *жун'* или *з'ун'*.

Подобные фонетические процессы были пережиты мордовскими языками и диалектами. Их учет позволяет объяснить фонетический облик многих современных лингвистических реалий в мордовских языках. Так, к примеру, возникновение эрзянской диалектной условной частицы *з'ер'а ≈ з'ер'ай ≈ з'ер'акой < *г'ер'а =⁴⁷* представляет собой абсолютную аналогию предполагаемому *з'ун' / д'ун'...* Точно так же эрзянские диалектные *пенш < пенч* «ложка», *венш / венч* «лодка» и другие вполне сопоставимы с *жун' < д'ж'ун' / д'ун'*.

2.6.13. Карта 224. «Глагол *бодает* и его соответствия». КГР: «толкает»; «*будаёт, будёт*». Реалия *толкает* занимает рязанское Поочье за исключением района Мещерских озер, отмечена также в Дальне-константиновском районе; реалия «*будаёт, будёт*» занимает район Мещерских озер.

ДМЯД. В эрзянском и мокшанском языках в значении «толкнуть» функционирует русское заимствование э. *тулкадемс*, м. *толхмадемс*. В значении «пырнуть, боднуть» употребляется слово э. м. *токштадемс*, первоначальное значение которого, возможно, было несколько шире и включало в себя общее понятие толчка, на что, в частности, указывают мокшанские значения «лягнуть, брыкнуть», идущие на первом месте⁴⁸. Само слово *токштадемс* образовало от *токамс* «тронуть, задеть, ушибить»⁴⁹.

Далее. В формах *будаёт, будёт* в нашем аспекте интересно употребление *бу* вместо *бы* (по соседству с *будаёт, будёт* встречается *быдаёт, быдет*). Подробнее см. п. 2.3.2.

3. Мы рассмотрели характер изоглосс рязанского и муромского Поочья и сопоставили содержание КГР с данными мордовских языков. Эти лингвистические данные позволяют сделать некоторые выводы относительно этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья в I тыс. н. э.

3. 1. Изоглоссы групп 2.1, 2.2 и 2.3 имеют трансобластной характер, их КГР, как правило, не обнаруживают сколько-

нибудь убедительных мордовских аналогий. Правда, есть все же несколько таких, которые могут оказаться рефлексом древних русско-мордовских контактов (см. 2.1.5, 2.1.3).

3.2. Часть изоглосс группы 2.4 (2.4.1.—2.4.4, 2.4.8) показывают реалии, которые генетически хотя и не связаны с мордовским субстратом тем не менее во многом обязаны последнему своим сохранением: русские диалектные явления находящиеся в фазе угасания, получили неожиданную поддержку со стороны языка-субстрата. О немордовском по природе характере реалий говорит южная в целом ориентация зон, что не совпадает с направлением миграционных потоков мордвы. О том же, что субстрат сыграл определенную роль в сохранении реалий, свидетельствует, во-первых, то, что по своему содержанию они не противоречат соответствующим уровням мордовских языков, и, во-вторых, то, что эпицентр наивысшей плотности показывает рязанское Поочье.

3.3. Изоглоссы групп 2.5.1 и 2.5.2 объединяют в один массив бассейны рек Теши (включая терюханскую зону), Алатыря, Мокши, то есть районы, которые в настоящее время (или в недалеком прошлом были) заняты мордвой; среднее и нижнее течение Оки и смежные территории до реки Клязмы и Москвы. Лингвистически эта по существу одна реалья (цоканье) вполне объяснима мордовским субстратом. Значительная продвинутость массива на запад и северо-запад, видимо, свидетельствует о более широком (тоже финноязычном) субстрате.

3.4. Изоглоссы группы 2.6. интересны во многих отношениях.

3.4.1. Будучи замкнутыми, они локализируются в рязанском Поочье. В муромском Поочье замкнутых изоглосс нет. Это обстоятельство свидетельствует о том, что сплошной ассимиляции финноязычного населения в муромском Поочье не было. Такой процесс захватил, очевидно, лишь рязанское Поочье.

3.4. 2. КГР изоглосс группы 2.6., кроме рязанского Поочья, регулярно отмечены в муромском Поочье, в терюханской зоне и в бассейне Цны. Это свидетельствует об имевшем место оттоке рязано-окского населения преимущественно на северо-восток и юго-восток и о продолжавшихся там аналогичных ассимиляционных процессах, хотя и значительно менее интенсивных.

3. 4. 3. В муромском Поочье аборигенное финноязычное

население, видимо, никогда не вступало в тесные контакты с кривичами, подобные тем, что имели место в рязанском Поочье. Отсутствие замкнутых изоглосс в муромском Поочье говорит о том, что мурома, встретившись с кривичами, отступила в пределы Окско-Сурского междуречья. Об этом же свидетельствует и такой факт: изоглоссы, образующие в муромском Поочье какие-либо заметные зоны, очень немногочисленны (см. пп. 2.3.3—2.3.5; 2.4.5—2.4.7) и открыты в направлении Окско-Сурского междуречья. Их КГР имеют убедительные мордовские (прежде всего эрзянские) аналогии.

3.4.4. По своему содержанию КГР, локализующиеся в рязанском Поочье, имеют убедительные аналогии прежде всего в эрзянском языке, особенно в северной полосе его диалектов (см. пп. 2.6.1—2.6.13).

3.4.5. В средне-вадском и инсарском диалектах мокшанского языка обнаруживается довольно заметный пласт эрзянизмов, хотя эти диалекты наиболее удалены от основных современных эрзянских массивов. К таким эрзянизмам мы относим отсутствие *ä* переднего ряда⁵⁰, инфинитив на *мъс* у глаголов с основой на один согласный⁵¹, сохранение древнего комитативного суффикса у числительных третьего десятка (*комс'ифкийъ*, *комс' кафтува* и т. д.)⁵² и др.

Эти эрзянизмы будут понятны и объяснимы, если согласиться с тем, что рязано-окское население середины I тыс. н. э. было протоэрзей и что имел место значительный отток этого населения в северо-восточном и юго-восточном направлениях.

4. Идентичность (генетическое родство) рязано-окского и муромского населения, а также гипотеза о том, что это население явилось определяющим компонентом мордвы-эрзи, подтверждается и данными гидронимии. Для рязанского и муромского Поочья характерна единая субстратная гидронимия на *-ур*⁵³. Г. П. Смолицкая отмечает, что гидронимия на *-ур* пока не интерпретирована однозначно и что «имеются некоторые семантические основания связывать ее с волжско-финскими языками и фонетические основания—с самодийскими языками»⁵⁴. Нам представляется возможным интерпретация гидронимов на *-ур* в аспекте нашей гипотезы. Выделяющееся в среднем и нижнем Поочье скопление гидронимов с компонентом *-ур* не следует отрывать от гидронимов с *-ар*, *-ор*, *-ер*, *-ир*, и возможно, *-хра* (*-хро*, *-рха*, *-рхи*, *-рка*, *-рки*, *-рга*, *-гор*, *-гря*), так как в конечном счете все они восходят к единому финно-волжскому источнику, ср. ф. *järvī*, норв.-саам. *jävttre*, мар. *ep*, *йär*, э.

эрьке, м. *эрьке* «озеро». Преобладание на средней и нижней Оке гидронимов с вариантом *-ур* является, на наш взгляд, подтверждением во-первых, единства аборигенного населения данного ареала, а во-вторых, генетической связи его прежде всего с мордовью-эрзей. Разъясним свою мысль.

По всей вероятности, *-ке* в составе мордовского *эрьке* суффиксального порядка (ср. мар. *ер*, *йӓр*). Естественно, что протомордовские племена, унаследовавшие известную традицию, агглютинировали к гидронимам компонент, не осложненный суффиксом. Возможно, что вариант, содержащий суффикс, уже в то время, претерпев переразложение основы, вытеснил в качестве лексемы бессуффиксальный вариант. Последний остался лишь в составе гидронимов и постепенно утерял в связи с *эрьке*. В такой обстановке *-эрь*, оказавшись в положении суффикса и подчинившись закономерностям первых слогов слова, вполне могло видоизмениться в *-ур*, так как в протоэзрянском языке в первых слогах слова, кроме *а*, были возможны лишь *у*, *и*⁵⁵.

Гидронимы на *-лей*, *-ляй* занимают бассейны Цны, Mokши, Суры, правобережье Оки вплоть до впадения ее в Волгу⁵⁶. Для северной зоны более характерны *-лей*, для южной *-ляй*. Хотя гидронимы эти занимают бесспорно мордовский археологический ареал, не захватывая среднее и нижнее Поочье, тем не менее эзрянское *-лей* и мокшанское *-ляй* имеют скорее всего балтское начало⁵⁷. Первоначально, видимо, в бассейне реки Цны возник гидроним на *-ляй*. Отсюда вместе с расселением мокшанского населения гидронимы с компонентом *-ляй* продвинулись далеко на северо-восток, вплоть до Волги, Оки и Суры. Видимо, мокшанское население, хоть и редкое к северу, занимало к концу I тыс. н. э. весь указанный ареал.

К концу I — началу II тыс. рязано-окское и муромское население было вытеснено со своих мест. Пришельцы ассимилировали редкое мокшанское население в северной части Окско-Сурского междуречья, однако восприняли мокшанскую гидронимию и на ее основе создали новую, заменив *й* переднего ряда на *е*.

5. Выводы, построенные на данных лингвистики и гидронимии, подтверждаются многочисленными свидетельствами археологии и этнографии. А. Л. Монгайт довольно убедительно показал, что рязано-окские могильники оставлены мордвой-эрзей⁵⁸. Доказывая свою гипотезу, он привлекал лингвистику, топонимию и этнографию. Среди этнографических дан-

ных наиболее убедительны такие факты: наличие «эрзянского» шва в вышивках русских Спасского и Михайловского уездов Рязанской губернии и распространение «мордовского» лаптя на территории нынешней Рязанской области⁵⁹.

П. Д. Степанов в своих последних статьях для доказательства гипотезы о том, что муромские могильники оставлены мордвой-эрзей, также приводил интересные данные⁶⁰.

Признавая убедительность доводов А. Л. Монгайта, П. Д. Степанова и других исследователей, утверждавших, что рязано-окские (или рязано-окские и муромские) могильники оставлены мордвой-эрзей, мы приводим еще одно доказательство в пользу этой гипотезы.

Одним из наиболее интересных и специфических украшений у мордвы-эрзи являлся *пулагай* (*пулай*, *пулакиш*, *цёкокаркс* и другие названия). Еще в недалеком прошлом ему отводилась особая роль: девочкам *пулагай* надевали с наступлением половой зрелости⁶¹, и до конца своей жизни женщины с ним не расставались, его клали даже в могилу.

В могильниках мордвы, расположенных на территории Горьковской области, каких-либо остатков, которые четко и определенно можно было бы связать с набедренными украшениями типа пулагая, пока не обнаружено. Правда, Ю. А. Краснов, исследовавший Безводнинский могильник (он не считает его мордовским), указывает, что в погребении женщины-литейщицы имеются остатки набедренного украшения: «...сзади — назадник довольно сложной формы, близкий к мордовскому пулагаю, скрепленный огромными бронзовыми сюлгами»⁶². О наличии каких-то поясных украшений подобного рода свидетельствуют находки под тазом и бедренными костями в погребениях 134, 151, 155, 159 Безводнинского могильника от 1 до 3 крупных бронзовых сюлгам⁶³.

Предположение о наличии набедренного украшения типа пулагая у женского костяка из кургана 2 Коринского могильника было высказано Е. И. Горюновой⁶⁴. Необходимо отметить, что в области бедер почти во всех женских погребениях Сарлейского и Коринского могильников имеется от 3 до 7 мелких сюлгам⁶⁵.

При ближайшем рассмотрении материалов финно-угорских могильников интересующего нас ареала оказывается, что наибольшее число аналогий эрзянскому пулагаю имеется в погребальном инвентаре муромских могильников и, возмож-

но, рязано-окских. В погребении 5 Шатрищенского могильника (раскопки П. П. Ефименко в 1920 г.) «В области бедер найден весьма интересный набор металлических украшений и подвесок, окаймляющих подол верхнего короткого платья погребенной. Подол одежды представляет остаток красной шерстяной ткани (не тесьмы), то большей, то меньшей ширины, сплошь усаженный непрерывным рядом мелких круглых бляшек светлого металла, обратившегося в сероватую металлическую пыль. К краю подола на небольших вдетых в ткань колечках привешены сплошным рядом трапециевидные медные из тонкого листка подвески. Подол идет под верхними концами бедренных костей, а спереди спускается к низу и, не достигая колен, загибается кверху»⁶⁶. Если исходить из современных представлений о покрое верхнего короткого платья (или кофты), то изображенный на рисунке покрой не подходит к известным нам формам одежды. Остается думать, что при погребении было нарушено естественное положение одежды или перед нами какой-то иной тип одежды (поясного украшения?).

Над реконструкцией костюма населения, оставившего Шатрищенский могильник, много работает Т. А. Кравченко. Она выделяет два типа женского костюма: «рубаша с поясом и рубаша с верхней кофтой»⁶⁷. Ко второму типу Т. А. Кравченко относит реконструированный ею костюм из погребения 157. Однако, если сравнить реконструкцию костюма, план погребения и его описание⁶⁸, то сразу же будет заметно некоторое несоответствие. Если исходить из плана погребения, то ни о какой «кофте» речи идти не может. Здесь скорее то же самое украшение, что и в погребении 19 того же могильника. Его Т. А. Кравченко описывает так: «...под браслетом и перстнями в два ряда лежали такие же трапециевидные подвески, как и наверху. По-видимому, они были нашиты на подол платья»⁶⁹. Описание погребения и его план совпадают. Однако на реконструированном ею костюме полоса подвесок из области таза передвинута к коленям⁷⁰. Расположение полосы подвесок под перстнями и браслетом в погребении 19 указывает, возможно, на наличие какого-то набедренного украшения, расположенного сзади. Если исходить из того, что план погребения 157 дан правильный, то мы и там встречаемся с подобного рода украшением.

Но приведенных данных явно недостаточно, чтобы говорить о наличии каких-либо набедренных украшений у рязан-

но-окского населения. Поиски достаточно развитых и четко выраженных специфических поясных украшений ведут нас к древностям муромы. В. А. Городцов, давая реконструкцию костюма из женского погребения 145 Подболотьевского могильника, четко выделяет поясное украшение, состоящее из двух ажурных прямоугольных шумящих привесок, расположенных симметрично сзади⁷¹. Подобного типа украшения имеются в этом же могильнике в погребениях 234, 253⁷², в погребениях 11 и 30 Максимовского⁷³, в Корниловском⁷⁴, Чулковском⁷⁵ и других муромских могильниках.

Довольно богатый материал для реконструкции набедренных украшений муромы дают материалы Малышевского могильника. Выделяется поясное украшение из погребения 136: «Начинаясь спереди непосредственно от бляхи (почти при-мыкая к ее нижнему краю) шел пояс из шумящих привесок, состоящий из трубочек с колокольчатыми подвесками, чередующихся со спиральками, причем спереди он заканчивался 4-мя большими парными ажурными шумящими привесками, 4-угольной формы, с подвесками, расположенными симметрично—по 1 большой и 2 поменьше с каждой стороны. Внутри пояса сохранились остатки ремешка, которым отдельные его части были скреплены между собой. Этот пояс, очевидно, прикреплялся под грудью»⁷⁶.

Поясные украшения муромы встречаются нескольких типов. Простейшие — это узкий кожаный поясок с нанизанными на него трубочками с бутыльчатыми или трапециевидными подвесками. Наиболее характерными для этого типа являются набедренные украшения из погребения 63 Подболотьевского⁷⁷ и Чулковского (раскопки М. Ф. Жиганова) могильников.

Более сложный тип украшения состоит из двух крупных прямоугольных ажурных привесок с подвесками, расположенных симметрично относительно оси тела, в сочетании (или без) с целым набором различных более мелких привесок-пропозок с подвесками (погребение 136 Малышевского могильника). Возможно, не всегда, как это показано В. А. Городцовым, парные ажурные прямоугольные привески с подвесками располагались сзади, особенно в тех случаях, когда одна из привесок выполняла роль пряжки (погребения 69, 145 Подболотьевского⁷⁸ и погребение 143 Малышевского могильника⁷⁹).

Целый ряд обстоятельств заставляет думать о том, что существовал и еще один тип набедренного украшения. Он

представлял собой, возможно, обычный кожаный пояс, от которого спускались вниз на кожаных ремешках различного рода подвески, достигавшие колен. В погребении 184 Подболотьевского могильника на поясе находился «...поясной ремень с бронзовой пряжкой, украшенный узкими бронзовыми обоями, ... а сзади, за спиной, — пять бронзовых четырехгранных (в виде пирамидок) колокольчиков. В могиле, близ вещей, найдены обрывки ремней и кожи⁸⁰». Подобное мы видим в погребении 9 Пятницкого могильника: «В области поясицы ремень, шириной в 3 см, украшенный обоями из тонкой бронзы, шириной в 2 см... Кожа сохранилась только внутри обойм. Ниже пояса на 3 см, дугообразно в обе стороны книзу оказались украшения в виде бокальчатых колокольцев из белого металла, по 10 штук с каждой стороны; каждый из таких колокольцев находился на расстоянии 2-х — 4-х см друг от друга. Внутри некоторых экземпляров сохранились ремни, прикрепляющие эти украшения к краю одежды⁸¹».

Большой интерес представляет вопрос о назначении сложной спинной привески, состоящей из 1—4 коромысел с колокольчатыми подвесками, и пронизей, соединяющих эти коромысла. Многими исследователями это украшение интерпретируется как часть накосника, привеска к косе. В то же время большинство этих подвесок в погребениях имеет четко локализованное место (под тазом) и своим верхним концом (пронизью) располагается на уровне пояса. Практически ни в одном погребении Подболотьевского, Максимовского, Пятницкого и Корниловского могильников не зафиксировано присоединение этой подвески к косе. В погребениях 136, 160, 184, 220, 234, 250, 252, 253, 255 Подболотьевского могильника имеются четко прослеживаемые накосники из пронизей с пропущенными в них ремешками, заканчивающиеся колокольчатыми и другими подвесками. Более того, в целом ряде погребений эти накосники наличествуют вместе с привесками-коромыслами. В погребении 252 были прослежены «...сзади, на спине, пара лент, спускавшихся от затылка до таза, составленная каждая из тонких ремней с напущенными на них бронзовыми спиралями, пронизками и обоями; на нижних концах каждой ленты подвешено по два пирамидальных бронзовых колокольчика; ниже лент, как раз под тазом лежал спинная привеска⁸²». То есть, в этом погребении имеется четко выраженный накосник и, как мы считаем, элементы какого-то поясного украшения, в состав которого входит привеска-коромысло. Можно отметить еще одну особенность предпола-

гаемого поясного украшения: зачастую спинная привеска-коромысло сопровождается двумя уже упомянутыми нами парными ажурными шумящими привесками (или крупными пряжками), расположенными спереди. Украшения подобного типа встретились в погребениях 30 — Максимовского, 136 — Малышевского, 2 — Корниловского могильников. В погребении 30 Максимовского могильника спинная привеска находилась в сочетании и с другими украшениями: «На тазу... по одной линии сверху вниз были расположены: две плетеные провололочные шумящие привески..., а ниже — большая подвеска в виде коромысла с подвесками, прикрепленная к чему-то ремешками с помощью двух трубочек, украшенных подвесками... Быть может, к этому же убору принадлежат 6 шумящих бляшек, расположенных симметрично по ту и другую сторону привески в виде коромысла⁸³».

Если мы проведем параллели между археологическими и этнографическими материалами, то встретимся с очень интересным явлением. Простейший тип поясного украшения муромы, представляющий собой пояс со свисающими от него сзади подвесками, находит свое продолжение в пояском украшении мордвы-эрзи *мукороцъок*, которое состоит из пояса со спускающимися от него назад нитями бисера. Подобны ему украшения *лапкат* и *каркс-пе*⁸⁴. У мордвы-терюхан также существовало набедренное украшение типа *лапкат-вакстере*. Оно представляло собой «...узкий поясик, повязываемый вокруг талии, с навешанными на него красными и зелеными шерстяными кистями. Сзади кисти были длиннее (около 40 см), а по бокам и спереди — короче⁸⁵».

Вместе с пулагаями носились специальные украшения, представляющие собой «...полоски холста, сложенные вдвое по продольной нитке, шириной 10—15 см и длиной 10—20 см. На их концах имела шерстяная бахрома, чаще красного или черного цвета...⁸⁶». Они были на узеньком пояске и при надевании располагались симметрично относительно пулагая по бокам, чуть спереди, то есть занимали то же самое место, что и прямоугольные ажурные подвески в муромских могильниках, применявшиеся вместе со спинными привесками или без них.

Симметричность расположения прямоугольников-подвесок в области пояса (спереди или сзади) можно считать характерным явлением для муромы. В погребении 2 Корниловского могильника симметричные подвески располагались в два ряда: «В области живота, параллельно друг другу, находились

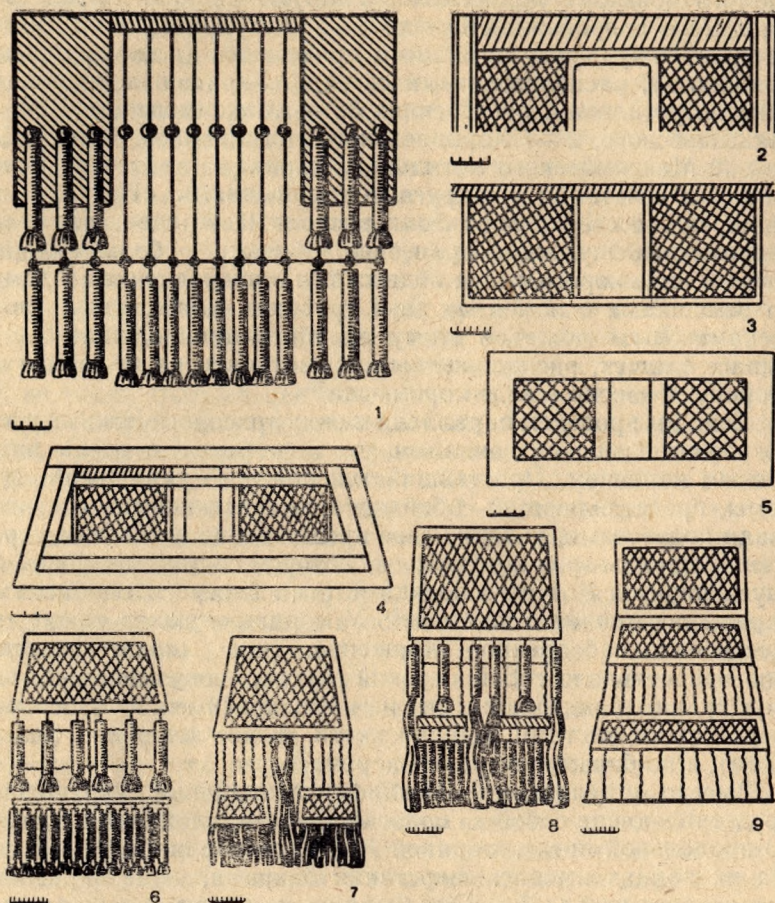

Рис. 2. Схемы поясных украшений мордвы-эрзи. Штриховкой отмечены зоны вышивки.

1—ГМТР, № 10004—3; 2—ГМЭ, № 27811; 3—ПОКМ, № 15498; 4—ГМЭ, № 397—36; 5—МРКМ, № 31251; 6—МРКМ, № 254; 7—МРКМ, № 3232; 8—МРКМ, № 252; 9—МРКМ, № 231.

две подвески с привесками в форме гусиных лапок на цепочках. Десятью сант. ниже, в таком же расположении, находилась другая пара, подобная первым⁸⁷». Эта симметричность расположения прямоугольных ажурных привесок на поясе, их ярусность повторяется и в эрзянских пулагаях. Особенно это заметно на более древних экземплярах. Пулагай из

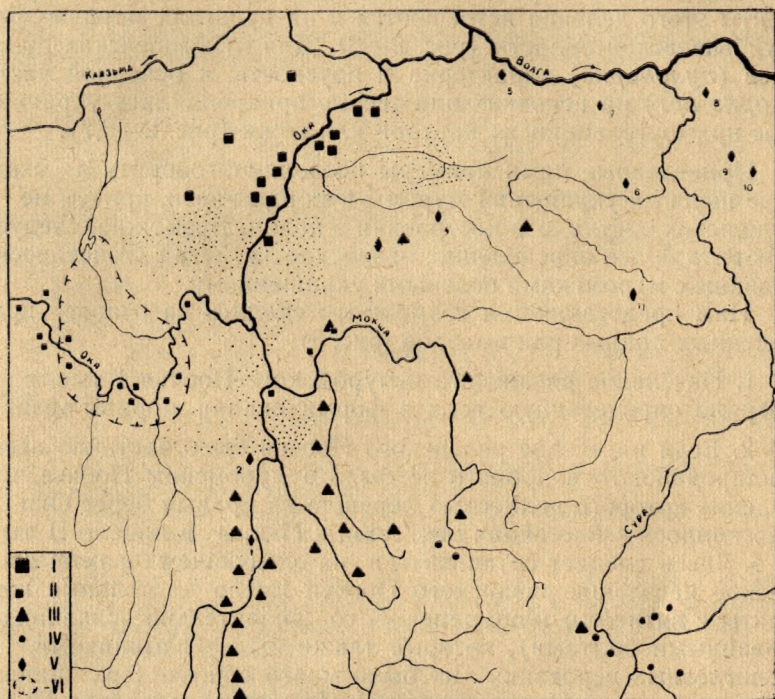

Рис. 3. Археологические памятники мордвы I—начала II тыс. н. э. (карта-схема составлена авторами по различным источникам).

Условные обозначения: I—могильники муромы; II—рязано-окские могильники; III—могильники лядинского типа; IV—пензенские могильники; V—прочие могильники (1—Серповский, 2—Польно-Ялтуновский, 3—Старший Кужендеевский, 4—Абрамовский, 5—Безводнинский, 6—Сергачский, 7—Волчихинский, 8—Иваньковский, 9—Таутовский, 10—Яндашевский, 11—Андреевский курган); VI—суммарная замкнутых изоглосс рязанского Поочья.

ГМТР⁸⁸ состоит из двух вышитых кусков холста размером 10х20 см, укрепленных на узком тканом пояске (рис. 2—1). Эта традиция изготовления пулагаев из двух кусков холста сохраняется и далее. Основу ряда пулагаев, хранящихся в ГМЭ народов СССР и ПОКМ, составляет кусок холста раз-

мером около 20x45 см, по бокам — прямоугольники вышивок. Середина — оставлена невышитой. Для нее заготавливался отдельный кусок холста, затем он вышивался и пришивался на середину (рис. 2—2,3). Подобное деление вышивки пулагай по горизонтали на две части характерно для мордвы-эрзи, проживающей в Горьковской области (рис. 2—4,5). Рудименты этого деления встречаются и на пулагаях мордвы-эрзи Куйбышевской области (рис. 2—8). Для куйбышевских пулагаев (*пулокаркс*) характерна и ярусность: к основной части (*каркс арт*) на цепочках или тесьме прикреплялись украшенные прямоугольники из картона или кожи (рис. 2—6,7).

Приведенные нами примеры позволяют говорить о сходстве поясных украшений мурома и мордвы-эрзи, причем не в отдельных частях, а в построении в целом. Возможно, следует говорить более определенно: эрзянские пулагаи генетически связаны с муромскими поясными украшениями.

Нам представляется возможным сделать на основе приведенных данных ряд выводов (рис. 3):

1. Население рязанского и муромского Поочья I тыс. н. э. сыграло определенную роль в формировании мордвы-эрзи.

2. Если население рязанского Поочья было частично ассимилировано, то подобного не было в муромском Поочье, население которого полностью перешло на правый берег Оки и расселилось в бассейнах рек Теши и Пьяны в начале II тыс. н. э. Здесь следует остановиться на следующем факте: языческое население рязанского Поочья имело длительные контакты с вятичами (еще ранее — со значительно славянизированными балтами), которые также были язычниками. В религиозных верованиях их было много общего (ср., например, славянское Перун, балтское Перкунас, эрзянское Пургине). Это обстоятельство, по всей видимости, объясняет интенсивность ассимиляционных процессов в рязанском Поочье. В муромском Поочье язычники-финны встретились со славянами-христианами, что, естественно, осложняло ассимиляционные процессы. В этом отношении мы отчасти согласны с Д. К. Зелениным, который считал, что мурома ушла «особливо от христианства русского, к близко родственной ей морд-ве»⁸⁹.

3. Население рязанского и муромского Поочья, расселяясь в бассейнах рек Цны (нижнее течение), Теши, Пьяны, ассимилировало близкородственное ему население на севере, но было само ассимилировано им в бассейнах рек Цны и Вада.

- ¹ Русская диалектология. М., 1965. Карта 2.
- ² Т. Миронов. Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещивания. Саранск, 1936, с. 35.
- ³ Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Карты 3, 27, 28, 36, 37, 39, 66, 77, 79, 80, 90, 91, 97, 100, 102, 119, 131, 139, 141, 153, 154, 155, 161, 163, 164, 187, 188, 190, 192, 211, 220, 223, 231, 234, 235, 237.
- ⁴ Там же. Вступительные статьи и комментарии, с. 358.
- ⁵ Там же.
- ⁶ В. И. Лыткин. Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм. Вопросы финноугроведения, вып. VI. Саранск, 1975, с. 129.
- ⁷ Там же, с. 133.
- ⁸ Б. А. Серебрянников. История мордовского народа по данным языка. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 255.
- ⁹ Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, с. 171-172.
- ¹⁰ P. Ravila. Über die doppelte Vertretung urfinnisch-wolgaischen a der nichtersten silbe im Mordvinischen FUF. XX.
- ¹¹ В. И. Борковский. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 146.
- ¹² Там же, с. 149.
- ¹³ Б. А. Серебрянников. Указ. соч., с. 248.
- ¹⁴ Д. В. Бубрих. Указ. соч., с. 170.
- ¹⁵ М. И. Коляденков. К вопросу об ä и э в первом слоге слова в говорах эрзя-мордовского языка. Филологические доклады, т. III. Саранск, 1948, с. 38.
- ¹⁶ Т. А. Исаева. Русская речь мордвы-эрзи. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXIX. Саранск, 1965, с. 78—79.
- ¹⁷ Г. И. Ермушкин. Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1967, с. 8.
- ¹⁸ Т. Миронов. Указ. соч., с. 8, 39; Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 9.
- ¹⁹ Р. Н. Бузакова. Особенности мордовских зоонимов. Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 383.
- ²⁰ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 11; Д. Т. Надькин. Краткие сведения по фонетике ниже-пьянского диалекта и говоров Чувашского Присурья. Вопросы мордовского языкознания. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXXVI. Саранск, 1961, с. 81.
- ²¹ Д. Т. Надькин. Указ. соч., с. 81, 82.
- ²² Т. Миронов. Указ. соч. Приложение 2.
- ²³ М. М. Давыдов. Большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка. Очерки мордовских диалектов, т. 2. Саранск, 1963, с. 142; Д. Т. Надькин. Указ. соч., с. 81.
- ²⁴ Т. Миронов. Указ. соч. Приложение 2.
- ²⁵ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 11.
- ²⁶ Д. Т. Надькин. Указ. соч., с. 81.
- ²⁷ Т. А. Исаева. Указ. соч., с. 38-39.
- ²⁸ Д. В. Бубрих. Указ. соч., с. 35.
- ²⁹ Т. Миронов. Указ. соч., с. 35.
- ³⁰ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 4.
- ³¹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975, с. 283.
- ³² Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 143—144.

- ³³ АРГВМ. Вступительные статьи и комментарии, с. 107.
- ³⁴ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., с. 160.
- ³⁵ Т. Миронов. Указ. соч., с. 106—107.
- ³⁶ Т. А. Исаева. Указ. соч., с. 26—27.
- ³⁷ Там же, с. 26.
- ³⁸ Д. В. Бубрих. Указ. соч. с. 19.
- ³⁹ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 8—9; Д. Т. Надькин. Указ. соч., с. 79.
- ⁴⁰ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 9; Т. Миронов. Указ. соч., с. 39.
- ⁴¹ Г. И. Ермушкин. Указ. соч., с. 9.
- ⁴² Д. В. Бубрих. Указ. соч., с. 169—170.
- ⁴³ Там же, с. 15.
- ⁴⁴ Г. И. Ермушкин. Характеристика северо-западных говоров эрзя-мордовского языка в связи с историей их носителей. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 417.
- ⁴⁵ Д. Т. Надькин. Указ. соч., с. 69.
- ⁴⁶ Т. А. Исаева. Указ. соч., с. 78—79.
- ⁴⁷ Д. Т. Надькин. К истории условных форм в мордовских языках. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы по гуманитарным наукам. Саранск, 1967, с. 128.
- ⁴⁸ Мокшанско-русский словарь. М., 1949.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ С. З. Деваев. Средне-Вадский диалект мокша-мордовского языка. Очерки мордовских диалектов, т. 2, с. 268.
- ⁵¹ Там же, с. 286.
- ⁵² Там же, с. 367.
- ⁵³ В. В. Седов. Гидронимические пласты и археологические культуры центра, с. 31, 33; Г. П. Смолицкая. Картографирование гидронимии Поочья, с. 66. Топонимия центральной России. М., 1974.
- ⁵⁴ Г. П. Смолицкая. Указ. соч., с. 66.
- ⁵⁵ Д. В. Бубрих. Указ. соч., с. 11.
- ⁵⁶ В. В. Седов. Указ. соч., с. 31.
- ⁵⁷ Ф. И. Гордеев. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках. Вопросы финноугроведения, вып. 4. Йошкар-Ола, 1970, с. 12.
- ⁵⁸ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961.
- ⁵⁹ Там же, с. 116, 138.
- ⁶⁰ П. Д. Степанов. Древняя история мордвы-эрзи (очерк первый—письменные источники). Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXXIV Саранск, 1938; его же. Древняя история мордвы-эрзи (часть II). Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 39. Саранск, 1970.
- ⁶¹ Т. А. Крюкова. Женская рубаша «покай» и ее связь с праздником «Пивань кудо» у мордвы. Записки МНИИЯЛИЭ, № 19. Саранск, 1958, с. 226.
- ⁶² И. С. Вайнер, Р. Ф. Воронина, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов, И. К. Цветкова. Работа Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР. АО 1972 года. М., 1973, с. 164.
- ⁶³ Ю. А. Краснов. Отчет о работах 1-го Горьковского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4803.
- ⁶⁴ Е. И. Горюнова. Коринский могильник. АС, т. 1. Саранск, 1948, с. 72.

⁶⁵ Е. И. Горюнова. Сарлейский могильник. АС, т. 1, с. 47, 50, 54; ее же. Коринский могильник, с. 73, 74, 78, 83.

⁶⁶ П. П. Ефименко. Раскопки могильника близ с. Шатрищи Спаского уезда Рязанской губернии, сент.-окт. 1920 г. Научный архиз Рязанского областного краеведческого музея, № 138, с. 12.

⁶⁷ Т. А. Кравченко. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.). Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 136.

⁶⁸ Там же, рис. 16—4, 25—4, и с. 179.

⁶⁹ Там же, с. 165.

⁷⁰ Там же, рис. 16—1.

⁷¹ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. МАО, 24. 1914, с. 77, рис. 43.

⁷² Там же, с. 98, 103.

⁷³ Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, с. 102.

⁷⁴ Ф. Я. Селезнев. Археологические исследования в окрестностях Мурома. Культура финнов средней Оки. Владимир, 1925, с. 6, рис. 2.

⁷⁵ Раскопки М. Ф. Жиганова в 1974 году. Погребение взято вырезкой и хранится в археологическом музее Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева.

⁷⁶ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования Малышевского могильника Селивановского р-на Владимирской области. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 238, л. 39.

⁷⁷ В. А. Городцов. Указ. соч., с. 56.

⁷⁸ Там же, с. 58, 76.

⁷⁹ А. Ф. Дубынин. Указ. соч. с. 4.

⁸⁰ В. А. Городцов. Указ. соч., с. 87.

⁸¹ Ф. Я. Селезнев. Указ. соч., с. 22, рис. 8.

⁸² В. А. Городцов. Указ. соч., с. 103.

⁸³ Альбом древностей мордовского народа, с. 102.

⁸⁴ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1929, с. 37.

⁸⁵ В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. 101. М., 1973, с. 103.

⁸⁶ Там же, с. 104.

⁸⁷ Ф. Я. Селезнев. Указ. соч., с. 6; табл. 1, рис. 2.

⁸⁸ Колл. ГМТР, № 10004 — 3.

⁸⁹ Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? Сборник Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народностей. Л., 1929, с. 101.

О ПЛАНИРОВКЕ СТАРОКАДОМСКОГО МОГИЛЬНИКА

Раскопки Старокадомского могильника были проведены в 1970—1972 гг. экспедициями Мордовского государственного университета и Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики¹. Могильник расположен на мысу правого берега р. Мокша у с. Старый Кадом Кадомского района Рязанской области. Всего было исследовано 52 погребения. Они датируются концом V — началом VII вв. н. э. По вещевому материалу и погребальному обряду памятник относится к числу рязано-окских могильников.

При изучении планировки могильников важно установить время совершения отдельных захоронений. На исследованных участках Старокадомского могильника могут быть выделены три периода. Хронология этих периодов основана на анализе эволюции скульгам, гривен, браслетов и других предметов, входящих в погребальные комплексы.

Ранние погребения локализуются в северной части исследованной территории могильника, поздние — в южной (рис. 1). По-видимому, могильник начал функционировать у оконечности мыса, разрушенной к настоящему времени рекой. Расширение площади могильника происходило постепенно, причем в расположении поздних погребений сохранялись особенности планировки ранних захоронений.

В определенной зависимости от времени захоронений находится и ориентировка погребенных. Если в ранних погребениях преобладает ориентировка головой на восток-юго-восток и на юго-восток, то в наиболее поздних — на восток-северо-восток и северо-восток. (рис. 1).

Особого внимания заслуживают обособленные пары погребений мужчины и женщины: I (17 и 22), II (7 и 11), III (8 и 9), IV (13 и 14), V (1-и 3), VI (45 и 46), VII (50 и 51). Отдельные пары погребений составляют небольшие ряды, иногда включающие захоронения детей и подростков (рис. 2). В одном из таких рядов имеются погребения мужчины (13), женщины (14), детей (12, 38) и мальчика-подростка (15). Мы полагаем, что эти группы погребений оставлены брачными парами и их детьми, входившими в состав большой патриархальной семьи. Обособленные группы нескольких захоронений известны и на памятниках азелинской культуры. Захоро-

Рис. 1. План погребений Старокадомского могильника.
Погребения первого (а), второго (б) и третьего (в) периодов; г—ориентировка погребенных.

Рис. 2. План погребений Старокадомского могильника.

а — мужское погребение, б — женское с бляхой, в — женское без бляхи, г — детское или неопределенное.

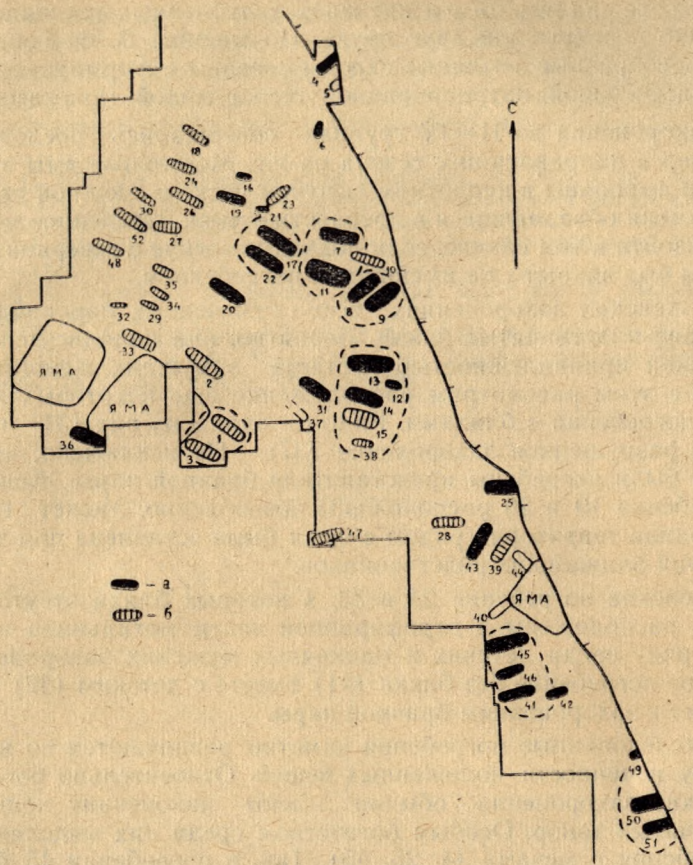

Рис. 3. План погребений Старокадомского могильника. Погребения с богатым (а) и бедным (б) инвентарем.

нения совершались там в пределах углубленных площадок и нередко перекрывали друг друга. По мнению В. Ф. Генинга, эти своеобразные земляные склепы связаны с формированием внутри большой патриархальной семьи малой моногамной².

Захоронения во II—IV группах совершались последовательно в направлении с севера на юг. Могильные ямы здесь были выкопаны в неплотном сыпучем песке и с южной стороны имели обвалившиеся в древности стенки. Последнее могло произойти в том случае, если подход к могиле с северной стороны был закрыт уже имевшимся погребением.

В женских захоронениях всех отмеченных пар найдены большие пластинчатые бляхи. Вероятно, они являлись специфической принадлежностью костюма замужних женщин. В связи с этим рассмотрим расположение еще некоторых женских погребений с бляхами. Рядом с одним из них (31) находится разрушенное захоронение (37). Не исключено, что и здесь были погребены представители брачной пары. Женские погребения 19 и 20 расположены обособленно. Может быть, свободная территория рядом с ними была оставлена для захоронения ближайших родственников.

Женские погребения 24 и 33, в которых бляхи отсутствовали, расположены в периферийной части могильника в общем ряду среди детских и одиночных мужских захоронений. Другое погребение без бляхи (41) вместе с детским (42) примыкает к захоронениям брачной пары.

Исследованные погребения заметно различаются по количеству и ценности положенных вещей. Относительно богатые мужские захоронения обычно имеют наконечник копья и втульчатый топор. Особым богатством среди них выделяются погребения с мечами (4, 25, 45). Так, в погребении 45 были найдены меч, два наконечника копья, топор, удила, серебряная серповидная гривна и другие предметы. Серебряные гривны как атрибут богатейших мужских захоронений известны в Шокшинском (погребение 206)³, Курманском (погребение 16)⁴ и других могильниках. Для относительно богатых женских погребений характерны гривны, ожерелья из большого количества бус, браслеты и разнообразные привески, для детских — ожерелья и браслеты. Степень богатства погребений брачных пар, как правило, одинаковая: имеются пары бедных захоронений (1 и 3) и богатых (7 и 11, 17 и 22 и др.). Имущественное неравенство отразилось в планировке могильника (рис. 3). Большинство бедных погребений распо-

ложено вдоль края могильника. В основном это захоронения детей, а также взрослых, по-видимому, не состоявших в браке.

Таким образом, планировка Старокадомского могильника находится в определенной зависимости от времени его использования и положения людей в обществе.

---

¹ В. Н. Шитов. Старокадомский могильник. АО 1970 года. М., 1971. с. 169—170; В. Н. Шитов. Раскопки Старокадомского могильника. АО 1971 года. М., 1972, с. 225—226; В. И. Ледяйкин, В. Ф. Разживин. В. Н. Шитов. Раскопки в Старом Кадоме. АО 1972 года. М., 1973, с. 173—174.

² В. Ф. Генинг. Азелинская культура. ВАУ, вып. 5. Свердловск—Ижевск, 1963, с. 83.

³ А. В. Циркин. Отчет за 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3664.

⁴ А. Черепнин, Ив. Проходцев. Дневник раскопок Пронских курганов. Тр. РУАК, XIII, 1. Рязань, 1898.

О ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОМОРДОВСКИХ ПЛЕМЕН

В настоящее время общепринято считать, что начальным этапом формирования древнемордовского этноса являются первые века нашей эры. В этот период наблюдается массовое появление грунтовых могильников на территории городецкой культуры, которые дают нам богатый материал, позволяющий судить о древнемордовской культуре.

Погребения первых веков нашей эры представлены в западной части Среднего Поволжья тремя группами — кошибеевскими, рязанскими и пензенскими (могильники селиксенского типа). Несмотря на существенные различия между собой, эти группы погребальных памятников обладают рядом сходных признаков. Важнейшими из них являются — наличие в большинстве погребений плоскодонных сосудов различных форм, планировка могил рядами и общие типы украшений. Исследование причин возникновения культуры какой-либо из этих групп в определенной степени помогает решить вопрос о генезисе древнейшего мордовского этноса.

В нашей работе для рассмотрения поставленной проблемы мы привлекаем материалы могильников селиксенского типа II—IV вв. (Старший Селиксенский, Пензенский, Ражкинский, Селикса-Трофимовский и Шемышейский), которые открыты и раскопаны М. Р. Полесских в бассейнах верхнего течения рек Суры и Мокши¹. Они являются древнейшими памятниками, бесспорно относящимися к мордовским племенам. Если принадлежность к мордве кошибеевских и рязанских могильников остается дискуссионной², то присутствие в женских погребениях селиксенского типа височных подвесок в виде стержня со спиралькой на одном конце и грузиком на другом не оставляет сомнения в их мордовском происхождении.

По вопросу о генезисе культуры могильников в Западном Поволжье в начале нашей эры существует ряд мнений. А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова относят их к городецкой культуре³. В последнее время М. Р. Полесских, П. Н. Третьяковым и А. Х. Халиковым высказано мнение о том, что возникновение рассматриваемых могильников связано с приходом нового населения в Западное Поволжье из Прикамья. Этническая

принадлежность пришельцев определяется как ананьинско-пьяноборская (М. Р. Полесских) или кара-абызская (А. Х. Халиков). Культура местных городецких племен рассматривается лишь в качестве одного из компонентов, вошедших в культуру древней мордвы. Эти выводы основываются на наличии идентичных вещей как в Прикамье, так и в Западном Поволжье и, очень редко, лишь в общих чертах привлекаются данные о погребальных обрядах⁴.

В связи с этим большое значение приобретает сравнительный анализ материалов могильников Западного Поволжья (в данном случае могильников селиксенского типа) с погребальными памятниками пьяноборской (III в. до н. э. — V в. н. э.) и кара-абызской (IV в. до н. э.—II в. н. э.) культур.

При сопоставлении двух групп погребальных памятников обычно сравниваются вещевой инвентарь и погребальные обряды. Вещевой материал распадается на ряд комплексов: украшения, оружие, конское снаряжение, орудия труда, предметы быта (в том числе керамическая посуда). Однако для исследования этнических проблем эти комплексы не равноценны по своей значимости. Украшения, оружие, конское снаряжение, орудия труда легко распространяются на большой территории путем заимствования, торговли, обмена, военных захватов и лишь в редких случаях их ареал совпадает с областью какого-либо этноса⁵. Очевидно, что привлечение указанных комплексов для сравнительного анализа может привести к определенным искажениям реальной картины.

Более надежным критерием является керамическая посуда, которая из всех категорий вещей наиболее чувствительна к изменениям, происходящим в составе населения.

Другим определяющим признаком следует считать погребальный обряд, который всегда более устойчив и консервативен, чем отдельные типы вещей.

Таким образом, этнически определяющими признаками, при совпадении которых можно с определенной уверенностью говорить о генетической связи двух или более групп погребальных памятников, являются погребальный обряд и керамическая посуда. Только после их анализа можно привлекать для сравнения остальной вещевой комплекс. Таковы основные критерии, положенные нами в основу оценки сходства или различия групп погребальных памятников.

Для древнейших погребений селиксенского типа характерно сочетание северной ориентировки покойников с запад-

ной. Последняя преобладает⁶. М. Р. Полесских утверждает, что для селиксенского периода типична ориентировка покойников ногами к реке⁷. Такое явление действительно присуще Старшему Селиксенскому могильнику. Что касается Шемшейского могильника, то здесь ориентировка покойников остается для нас неясной. Судя по первому сообщению о раскопках могильника, погребенные располагались головой на север (к р. Уза)⁸. В следующей публикации уже указывается южная ориентировка, что соответствует положению покойников ногами к реке⁹. Исходя из содержания статей, опечатки исключены в обоих случаях.

В Ражкинском могильнике ориентировка погребенных ногами к реке не является преобладающей. Следовательно, определенная закономерности в расположении покойников относительно реки в могильниках селиксенского типа установить пока не удастся. Поэтому сравнение их с кара-абызскими погребениями, где действительно преобладает ориентировка покойников ногами к реке¹⁰, преждевременно.

Для ранних погребений Старшего Селиксенского могильника характерны неорнаментированные плоскодонные баночные сосуды со слегка выпуклым туловом и венчиком, загнутым внутрь, а также сосуды той же формы, расширенные сверху, с прямым краем венчика¹¹.

Как и в пензенских могильниках, в кара-абызских погребениях позднего периода (II в. до н. э. — II в. н. э.) часто встречается керамика. Некоторые сосуды по своей форме близки к селиксенским, но их находки единичны¹². В целом керамический комплекс погребений кара-абызской культуры сильно отличается от селиксенского. В нем распространены круглодонные сосуды в виде чаш или горшки с широким горлом. Большинство из них имеет резной орнамент¹³.

Мало общего можно найти и в вещевых комплексах двух групп памятников. В селиксенских и кара-абызских могильниках бытуют одни и те же стеклянные голубые шаровидные, цилиндрические золоченые бисерные и мелкие цилиндрические гешировые бусы, которые для обеих культур являются привозными с юга. В тех и других памятниках встречаются широко распространенные спиральные перстни, а также полшарные бляшки с отверстиями для нашивки или с петлями на обратной стороне и прямоугольные выпуклые петельчатые. Эти типы бляшек встречаются не только в памятниках кара-абызской культуры и в Старшем Селиксенском могильнике

(где они немногочисленны), но и в пьяноборской культуре, кошибеевских могильниках Примокшанья, памятниках Верхней Оби. Очевидно, что все эти вещи следует относить к весьма распространенным.

А. Х. Пшеничнюк, исследовавший и выделивший памятники кара-абызской культуры, также привел ряд весьма веских аргументов против гипотезы А. Х. Халикова о проникновении «кара-абызского» населения на Среднюю Волгу. Он отметил, что кара-абызский компонент отсутствует не только в Селиксенском, но и в Кошибеевском могильнике, а также в Писеральских курганах¹⁴.

Таким образом, имеющийся материал не позволяет говорить о прямой генетической связи селиксенских и кара-абызских памятников.

Погребения селиксенского типа отличны и от захоронений пьяноборской культуры.

В пьяноборских могильниках редко преобладающая в ранних селиксенских погребениях западная ориентировка, нет сосудов, в засыпке и на дне могильных ям не встречаются кости животных. Пьяноборская круглодонная керамика, найденная на поселениях, существенно разнится от плоскодонных баночных сосудов Старшего Селиксенского могильника¹⁵.

В качестве аргумента в пользу теории ананьинско-пьяноборского происхождения носителей культуры могильников селиксенского типа приводят также наличие в погребениях вещей прикамского образца. Таковыми считаются бляшки петельчатые и с отверстиями для нашивки, ареал которых, как мы уже показали выше, был шире, чем область Прикамья, бляхи с концентрическим орнаментом, круглодротовые гривны с обрубленными несомкнутыми концами, прототипами которых указываются ананьинские украшения¹⁶. Что касается блях, то они имеют существенные отличия от прикамских. Обоймы блях в Прикамье не орнаментировались, их диаметр не превышал 10—11 см, в то время как селиксенские бляхи достигают в диаметре 26 см. Часть прикамских блях не имеет радиальной прорези, а лишь отверстие в центре¹⁷. И, наконец, если в Прикамье бляхи встречаются на груди, то в могильниках селиксенского типа они часто обнаруживаются как украшение головного убора-накосника.

Круглодротовые гривны с обрубленными концами известны в скифских и позднекобанских древностях на Северном Кавказе¹⁸, а не только в ананьинской культуре. Указываемое в качестве прототипа мордовской височной подвески с грузи-

ком украшение, опубликованное А. М. Тальгренем, известно до сих пор в единственном экземпляре.

М. Р. Полесских, излагая свою гипотезу об ананьинских корнях происхождения могильников селиксенского типа, пытается объяснить все существенные различия, наблюдаемые между этими культурами, значительным хронологическим разрывом между ними, который позволяет предполагать, что постепенно продвигаясь в Западное Поволжье «ананьинцы» утрачивали или трансформировали свои характерные этнические признаки, сохранив лишь некоторые из них¹⁹. Однако, в этом предположении не хватает существенного звена. А именно: нет промежуточных памятников, с одной стороны, генетически связанных с ананьинскими древностями, а с другой — с культурой погребений селиксенского типа.

Интересно, что в районах городецкой культуры правобережья Волги, прилегающих к Прикамью, могильники появляются не раньше, чем на юге в пензенском Посурье. Это в определенной мере свидетельствует против предположения о заимствовании погребального обряда из Прикамья. В этом случае погребальные памятники появились бы сначала в близлежащих к Прикамью районах городецкой культуры, а затем уже в ее глубинных областях. В. Ф. Генинг, проделавший большую работу по изучению памятников, систематизации и хронологическому определению древностей пьяноборской культуры, полагает, что в начале нашей эры движение населения шло из Западного Поволжья в Прикамье, а не наоборот²⁰.

Очевидно, что материал могильников селиксенского типа не свидетельствует в пользу предположения о возникновении древней мордовской культуры на пришлой из Прикамья, не местной основе. В связи с этим значительно возрастает важность вопроса о роли городецких племен в генезисе могильников Западного Поволжья. Ввиду того, что на территории городецкой культуры в I тыс. до н. э. могильники фактически отсутствуют, весьма существенное значение приобретает сравнительный анализ керамики с городецких городищ и из погребений селиксенского типа.

В качестве аргумента, свидетельствующего против генетической связи памятников городецкой культуры с древнемордовскими могильниками, М. Р. Полесских указывает на различие в керамике Ахунского городища и Старшего Селиксенского могильника, расположенных в одном регионе. Это различие состоит в том, что в Селиксенском могильнике встреча-

ются баночные сосуды, иногда с загнутыми внутрь краями, а на Ахунском городище — сосуды в виде горшков с отогнутым в наружную сторону краем, иногда, остросеребряные. К тому же, подчеркивает М. Р. Полесских, на сосудах Ахунского городища нередко встречается рогожный орнамент, а на селиксенских его нет²¹.

Однако факты показывают, что этот вывод недостаточно обоснован. Аналогии селиксенским баночным сосудам с загнутым внутрь краем известны на Чардымском городище²², на городище Ножа-Вар²³, на Каргашинском городище²⁴. Банки с прямым краем венчика можно найти в материалах Чардымского²⁵ и Теньгушевского²⁶ городищ.

Принадлежность этих памятников к городецкой культуре никем не оспаривается. Форма баночного плоскодонного сосуда весьма характерна для нее²⁷.

Сам М. Р. Полесских в ранних своих работах отмечал сходство керамики Старшего Селиксенского могильника с керамикой городецких Троице-Пеленицкого, Чардымского и Теньгушевского городищ²⁸. На Ахунском городище также известны баночные плоскодонные сосуды с примесью в тесте шамота или дресвы²⁹. К тому же не следует забывать ритуальный характер сосудов, попадавших в погребения.

Отсутствие рогожного орнамента на сосудах из погребений селиксенского типа не удивительно. Керамика с таким орнаментом не найдена ни в кошибеевских, ни в рязанских могильниках, расположенных на территории городецкой культуры. Ее нет даже в древнейших погребениях рубежа нашей эры Андреевского кургана³⁰. Это скорее всего говорит о том, что ко времени массового появления могильников в Западном Поволжье, керамика с рогожным орнаментом выходит из употребления. В связи с этим заслуживает внимания вывод В. И. Ледайкина о том, что в начале нашей эры городецкая культура утрачивает свои основные признаки (в частности рогожный орнамент на сосудах) и трансформируется в культуру древнемордовских могильников³¹.

Таким образом, керамика могильников селиксенского типа продолжает традиции городецких племен. Это указывает на то, что основу носителей культуры могильников селиксенского типа уже в момент ее возникновения составляли городецкие племена.

Следовательно, если гипотеза о прикамских истоках древнемордовской культуры на современном историческом мате-

риале не подтверждается, то вопрос о ее непосредственном происхождении из городецкой культуры по-прежнему остается перспективным для дальнейших исследований. В этой проблеме имеется еще ряд неясностей. Раскрытие их позволит создать целостную картину происхождения культуры и этноса мордовского народа.

¹ М. Р. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956; его же. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4; его же. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4; его же. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; его же. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий. Вопросы финноугроведения, вып. 5. Йошкар-Ола, 1970.

² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28, 1952, с. 138—144; его же. Железный век Чувашского Поволжья. МИА № 95, 1961, с. 96—104.

³ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д-1-14, 1965, с. 26—27.

⁴ М. Р. Полесских. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий, с. 273; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 290—293; А. Х. Халиков. Этническая принадлежность племен ананьинской общности. Вопросы финноугроведения, вып. 5. Йошкар-Ола, 1970, с. 293—294.

⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., с. 292—293.

⁶ М. Р. Полесских. Отчеты об археологических разведках и исследованиях в Пензенской области за 1953—1957 и 1968 годы. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 789, 965, 1101, 1244, 1552, 3648; его же. Работы в зоне затопления Сурского водохранилища. АО 1971 года. М., 1972, с. 226—227; В. И. Вихляев. Могильники населения бассейнов рек Суры и Мокши II—VII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1972, с. 15.

⁷ М. Р. Полесских. Основания этно-хронологического определения памятников древнейшей мордвы. Вопросы советского финноугроведения. Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финноугроведению, посвященной 50-летию образования СССР. Саранск, 1972, с. 70.

⁸ М. Р. Полесских. Работы в зоне затопления Сурского водохранилища, с. 226.

⁹ М. Р. Полесских. Шемышейский могильник селиксенского типа. КСИА, вып. 140, 1974, с. 73.

¹⁰ А. Х. Пшеничнюк. Кара-Абызская культура. АЭБ, т. V. Уфа, 1973, с. 167—178, рис. 4.

¹¹ Фонды ПОКМ. Селиксенский могильник, инв. №№ 8358, 8629, 8675, 8843, 9103, 9495; Ражкинский могильник, инв. №№ 8842, 9104.

¹² А. Х. Пшеничнюк. Указ. соч., рис. 15, 3, 8.

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 243.

¹⁵ А. П. Смирнов. Указ. соч., с. 68—110; его же. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, вып. 34, 1949, с. 22—32; В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4. Свердловск, 1962; его же. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, 5. Свердловск—Ижевск,

1963; его же, История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. ВАУ, 10. Свердловск—Ижевск, 1970, рис. 18.

¹⁶ М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области, с. 202—211; его же. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши, с. 143; его же. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий, с. 273.

¹⁷ В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв., табл. VIII, 4; табл. IX, 10, 11.

¹⁸ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, с. 55; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ, серия историческая, вып. 13. 1949, табл. VI, 36, 202.

¹⁹ М. Р. Полесских. Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий, с. 273—277.

²⁰ В. Ф. Генинг. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, с. 188—195.

²¹ М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши, с. 146.

²² А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ соч., табл. 5, 9.

²³ Там же, табл. 5, 3.

²⁴ В. И. Ледяйкин. Городецкая культура и древняя мордва. РФ МНИИЯЛИЭ, табл. 10, 1.

²⁵ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ. соч., табл. 5, 22.

²⁶ Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. Записки МНИИЯЛИЭ, № 9. Саранск, 1947, табл. 2, 4.

²⁷ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ. соч., с. 16.

²⁸ М. Р. Полесских. В недрах времен, стр. 49—50; его же. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области, с. 203.

²⁹ В. А. Калмыкова. Раскопки Ахунского городища. АО 1969 года. М., 1970, с. 165.

³⁰ П. Д. Степанов. Андреевский курган. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 27. Саранск, 1964, с. 206—267.

³¹ В. И. Ледяйкин. Городецкая культура и древняя мордва. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1971, с. 9—10.

ФЕДОРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В 1975—76 гг. Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР совместно с Лукояновским педучилищем им. А. М. Горького (Горьковская область) проводились раскопки Федоровского городища¹. Находится оно в 3,5 км к юго-востоку от небольшой деревушки Федоровка в вершинах «Стенькиного» оврага (Шатковский район Горьковской области), выходящего в пойму р. Эльтма — левый приток р. Теша (рис. 1)².

Городище, площадью около 10000 м², со всех сторон обнесено кольцевым валом высотой от 0,7 м до 1,5 м и шириной от 3 м до 5 м. С напольной стороны высота кольцевого вала достигает 2,6 м, а ширина — 17 м. С внутренней стороны его — ров, глубиной от 0,3 м до 1 м и шириной 2,5—3 м. Стратиграфия разреза кольцевого вала с напольной стороны позволяет высказать предположение, что он насыпался в три приема (три строительных периода). Во время первого периода был насыпан вал высотой около 1,5 м из желтого прокаленного песка. Ров был заложен с внешней стороны (рис. 2). В течение некоторого времени ров заплыл (или был засыпан). В нем просматриваются слои слабо гумусированной супеси (внизу), затем — перемешанный грунт, состоящий из серого и желтого песка, глины, гумусированной смеси, и слой песка и глины. Вторая подсыпка вала отделяется слоем погребенной почвы (темная гумусированная, лежащая вдоль вала). Во время второго строительного периода вал был досыпан до высоты 1,7 м, в результате чего образовался слой из желтого прокаленного песка с включениями глины. Во время третьего периода вал был досыпан до высоты 2,6 м. Внутренний склон его был сложен из серого песка с большими включениями глины, а внешний — из такого же песка и утрамбованной глины. Срединка была заполнена серым песком. Продолжительность промежутков между строительными периодами определить пока трудно без дополнительных исследований. Следует отметить, что фрагменты сосудов и керамические шлаки, найденные в насыпи вала и в погребенной почве, идентичны обнаруженным на остальной территории городища.

Кольцевой вал вдоль склонов городища и внешний дополнительный вал с напольной стороны (высотой до 1 м) были

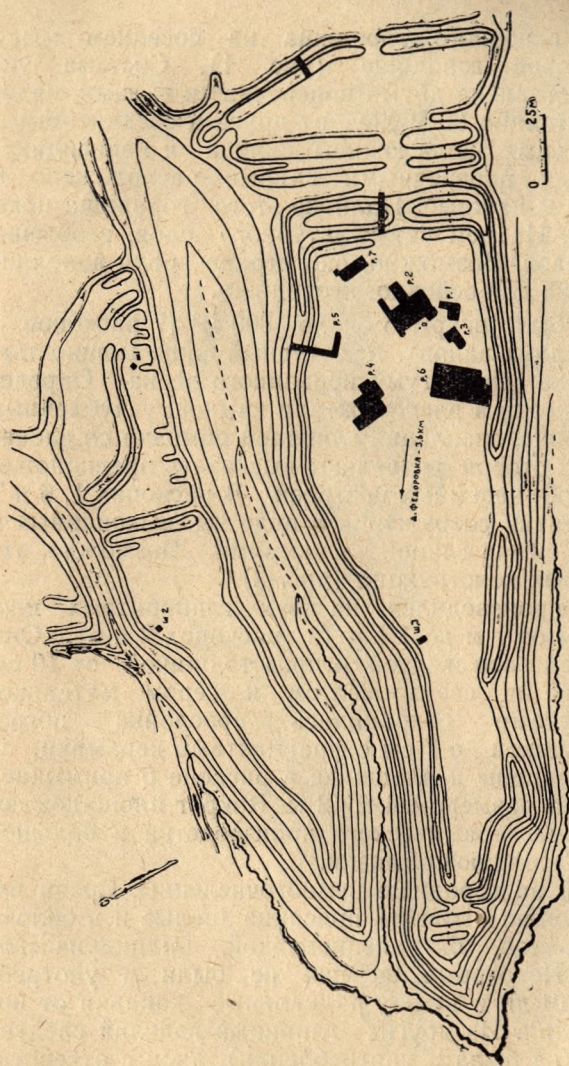

Рис. 1. План Федоровского городища. Горизонталь через 1 м.

насыпаны из светло-серого и желтого песка. Боковые склоны городища укреплены обожженным песком и утрамбованной глиной.

К северу от основного городища на соседнем мысу располагается второе городище (рис. 1). Система укреплений его представлена двумя поперечными валами, находящимися на расстоянии 90 м друг от друга и соединенными по диагонали третьим. Вдоль южного склона и перпендикулярно к нему между поперечными валами расположено 6 рвов длиной до 10 м каждый. Наличие этого городища пока трудно объяснить. На нем нет культурного слоя, необычна система валов и рвов. Возможно, оно играло роль дополнительного укрепления для основного городища.

За два сезона было вскрыто около 800 м² (7 раскопов, 3 шурфа и разрезы двух валов). Культурный слой, мощностью до 30 см, состоит из серого гумусированного песка. Определенные закономерности в расположении камней, углубленных в ямы и на материке, скопления глиняной обмазки со следами прутьев с обеих сторон позволяют высказать предположение о существовании наземных построек. В раскопах 1, 6 и 7 были найдены остатки сооружений в виде ям, выкопанных в материке и заполненных глиной и камнями. Возможно, это основания столбовых конструкций (рис. 3).

Обжиг посуды производился на двух глинобитных площадках диаметром от 1 м до 1,4 м (в раскопах 2 и 6). Они представляют собой слои желтой глины толщиной от 10 см до 20 см, лежащие на светло-желтом и сером материковом песке. Местами сохранилась прослойка погребенной почвы толщиной до 7 см с фрагментами керамики. С северо-западной стороны к площадке в раскопе 6 примыкает каменная вымостка размером 4 м × 2 м. Вокруг площадок сосредоточены отходы керамического производства и большое количество кусков глиняной обмазки.

Находки вещей на городище немногочисленны. Среди изделий из глины можно отметить пряслица (целые и в обломках) чечевицеобразной, битрапечиевидной, цилиндрической форм (рис. 4). Некоторые из них не были в употреблении, другие — были и имеют радиальные канавки от ниток вокруг отверстия. Из других глиняных изделий следует отметить льячку (не была в употреблении), диск с отверстием (рис. 4—21), «пуговицу» (рис. 4—20). Впервые встречены глиняные поделки, напоминающие по форме звездчатые подвески от наконечников из погребений мордвы VIII—XI вв. (рис.

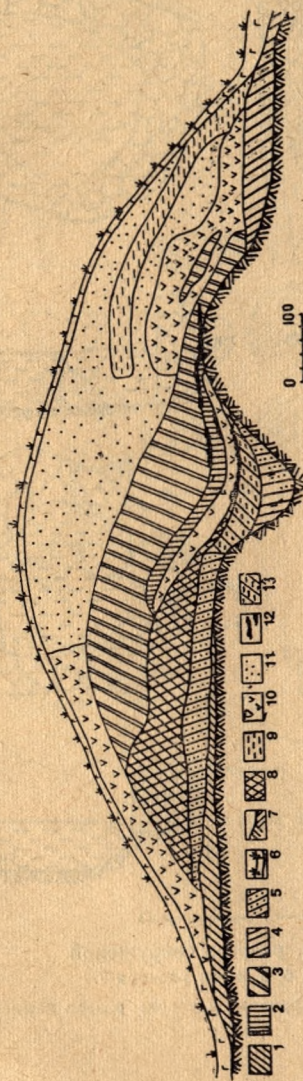

Рис. 2. Разрез кольцевого вала с напольной стороны.

1—погребенная почва (темная гумусированная супесь, куски глины, желтый песок), 2—погребенная почва (темная гумусированная супесь, куски глины, желтый песок) с включениями глины, 4—темный гумусированный грунт (супесь и суглинок), 5—слабо гумусированная светлая супесь, 6—дерево, 7—материк, 8—желтый прокаленный песок, 9—утрамбованная глина, 10—серый песок с глиной, 11—серый песок, 12—прослойка угля, 13—пестроцвет (песок желтый и серый, глина, гумусированная супесь).

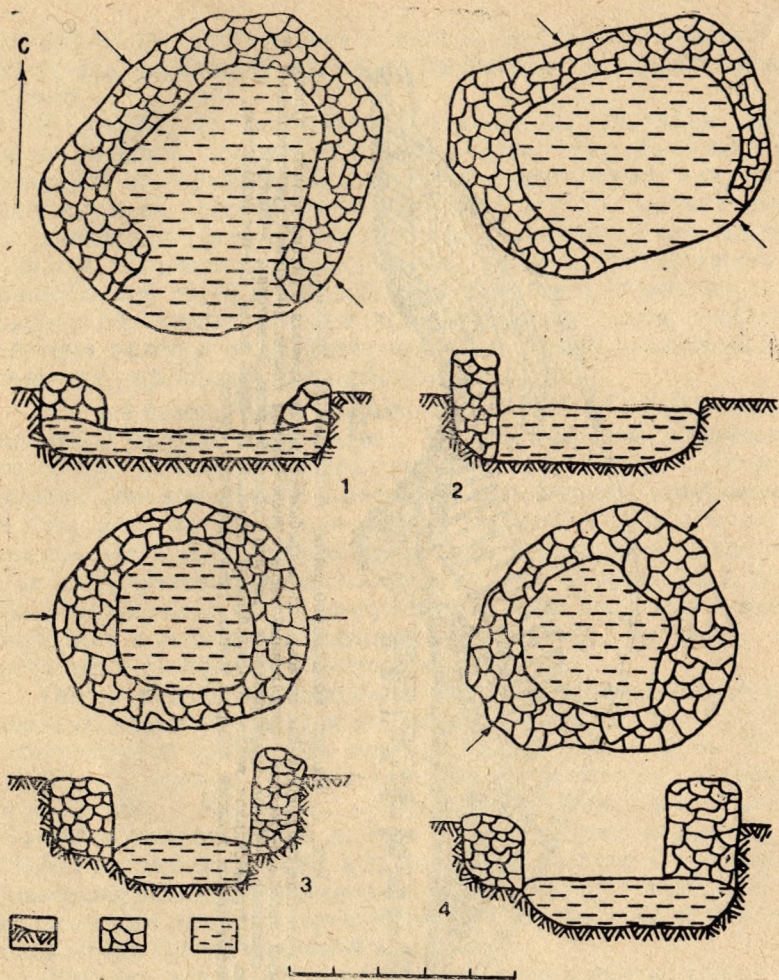

Рис. 3. Планы и разрезы сооружений.

1, 2—из раскопа 6; 3, 4—из раскопа 7.

Условные обозначения (слева направо): материк; развал камней; глина.

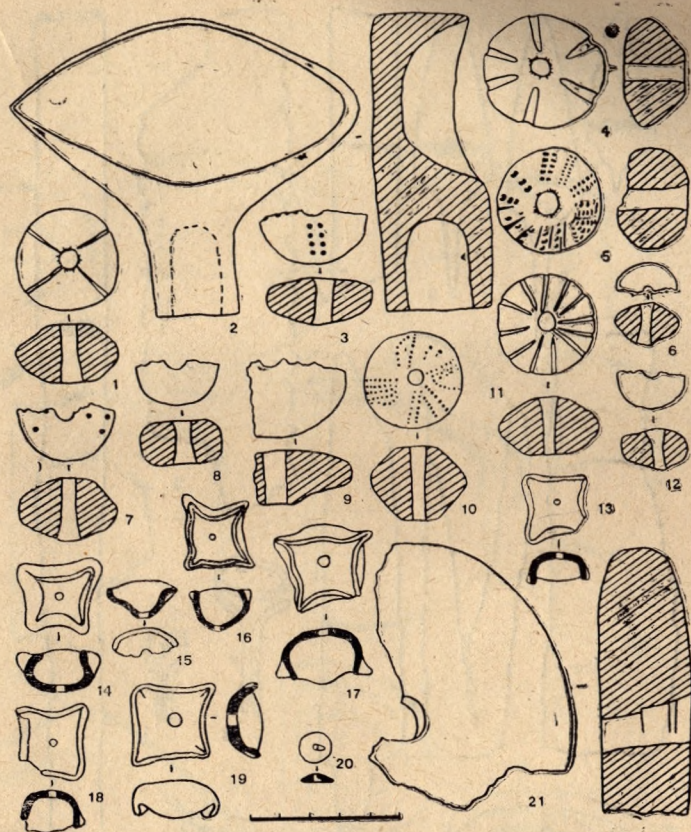

Рис. 4. Изделия из глины.

Рис. 5. Изделия из металла.

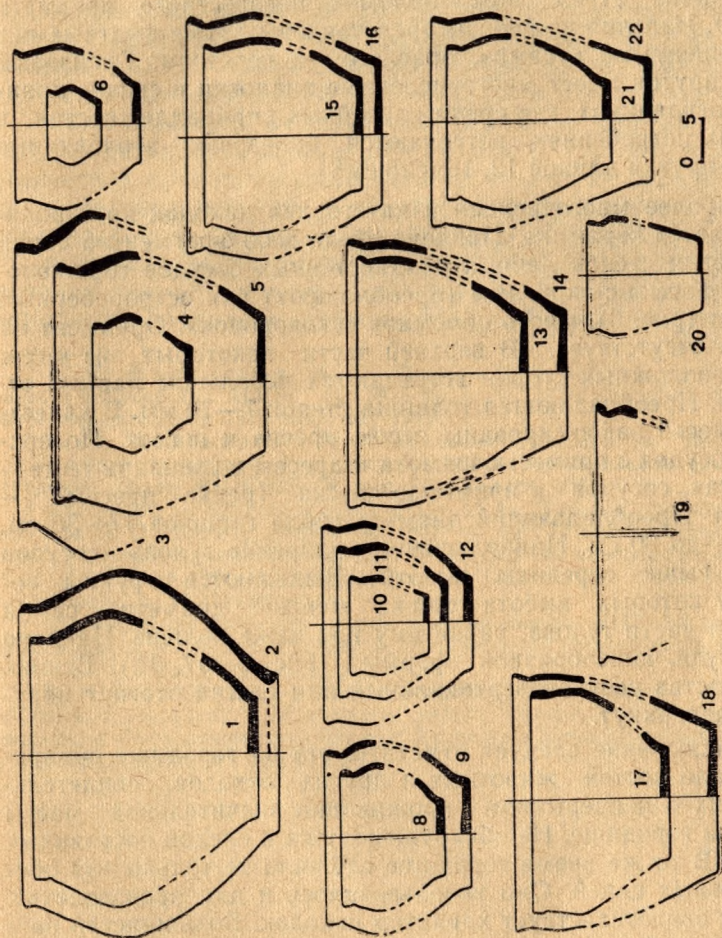

Рис. 6. Формы сосудов с горodiщa.

4 — 13—19). Изделия из камня представлены находками точильных камней, обломками зернотерок.

Немногочисленны находки из железа: обломок пилы с зубьями с двух сторон, заготовка для какого-то изделия, три наконечника стрел, нож, обломок неизвестного предмета (рис. 5). Изделия из бронзы представлены двумя сюлгами с расплюснутыми «усами», браслетом и перстнем. Бронзовый слиток-пруток имеет многочисленные аналогии в средне-цининских могильниках, где среди литейных принадлежностей в женских погребениях встречаются бронзовые и оловянные слитки-прутки длиной 12, 16 и 25 см³.

Наиболее многочисленной категорией находок на городище является керамика. Найдено около 8500 фрагментов днищ, венчиков и стенок лепных гладкостенных сосудов горшкообразной формы с округлым (преобладают) или острореберным туловом (рис. 6), много обломков «сковородок». Орнамент на сосудах отсутствует. В верхней части некоторых из них с противоположных сторон встречаются небольшие парные отверстия. Преобладающая толщина стенок 7—10 мм. В качестве примесей зафиксированы песок, дресва и шамот. Поверхность сосудов с примесью шамота и дресвы в глиняном тесте — бугристая, сосудов с примесью песка (редко дресвы) — гладкая. Преобладающий диаметр горла горшков 17—30 см, высота — до 30 см. Наибольшее расширение тулова сосудов всегда выше середины высоты. Выделяются группы сосудов, у которых высота горшка меньше диаметра самой широкой части тулова, равна ему или даже больше. Найдено два сосуда чашеобразной формы (рис. 6—17, 19). Венчик большинства сосудов вертикальный или слегка отогнут наружу и подчеркнут.

В заключение следует отметить, что на городище обнаружено мало костей животных и других отходов, свидетельствующих о непрерывном проживании значительной массы людей на городище. Не обнаружено пока и следов постоянных жилищ. В то же время городище служило не только для оборонительных целей. Оно использовалось и для производства. Об этом свидетельствует характер находок. Большинство найденных вещей не было в употреблении («звездчатые» подвески, пряслица, льячка). Другие же представляют собой незаконченные изделия (браслет, перстень, железная заготовка).

К датирующим вещам можно отнести сюлгамы с «усами», перстень и наконечники стрел. Они характерны для погребения

ний второй половины X—первой половины XI в. мордовских могильников⁴.

Керамический комплекс с городища пока не может быть использован ни для датировки, ни для определения этнической принадлежности. Однако следует отметить, что фрагменты посуды, найденные на территории могильника мордовымокши в «Мещанском» лесу около г. Краснослободска (Мордовская АССР), довольно точно воспроизводят характерные для городища профили венчиков, днищ и стенок сосудов⁵.

Таким образом, Федоровское городище предварительно следует датировать концом I—началом II тысячелетия, а об этнической принадлежности его насельников складывается представление, что они — мордва (о подразделении на мокшу и эрзя пока ничего сказать нельзя). Характер оборонительных сооружений, место расположения, время функционирования позволяют видеть в Федоровском городище одну из мордовских «твердей», упоминаемых русскими летописями.

---

¹ В. Н. Мартьянов, В. Н. Шитов. Раскопки в Горьковской области и Мордовской АССР. АО 1975 года. М., 1976; Раскопки Федоровского городища. АО 1976 года. М., 1977.

² В. Н. Мартьянов. Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области. Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 52. Саранск, 1976.

³ Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952, пп. 127, 183, 204; Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 годы. Саранск, 1969, пп. 76, 116 (Елизавет-Михайловский), п. 16 (Пановский).

⁴ Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв. с. 18, табл. 5, рис. 2; с. 59, табл. 35, рис. 6; Материалы по истории мордвы VIII—XI вв., с. 44, табл. VI; табл. X, рис. 2.

⁵ В. Н. Мартьянов. Отчет о раскопках Федоровского городища («Стенькин городок») в Шатковском районе Горьковской области и могильника в «Мещанском» лесу около г. Краснослободска Мордовской АССР в 1975 году. Архив ИА АН СССР.

Эта территория была выбрана для обследования не случайно. На территории Мордовской АССР, в указанных районах, довольно часты случаи находок четвертичной фауны, особенно весной, когда происходят размыты водой террасовых и склоновых суглинистых толщ, поэтому чаще всего фау-

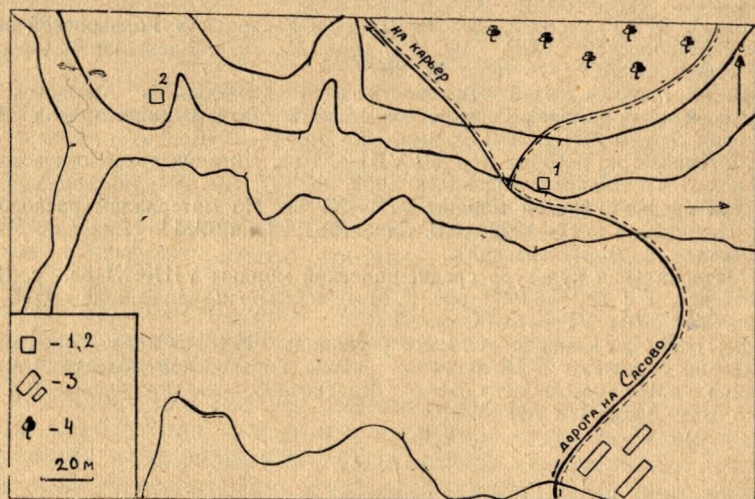

Рис. 1. Схематичный план местонахождения обработанного кремня
1, 2—местонахождения кремня; 3—фермы с. Малый Студенец; 4—лес.

158

юга на север, преимущественно по долинам рек, вдоль окраин возвышенностей, о чем говорит расположение некоторых памятников, таких как Костенки, Гагарино (восточная окраина Среднерусской возвышенности), Сунгирь (восточная окраина Московской возвышенности). На интересующей нас территории тоже имеются памятники, расположенные у западной окраины Приволжской возвышенности, а именно, такие позднелепеолитические местонахождения, как Ялтуново-Польное (левый берег р. Цны Конобеевского района Рязанской области)². Все это и заставило нас тщательно обследовать западную окраину Приволжской возвышенности. Разведочные работы выявили местонахождение расщепленного кремня у с. Малый Студенец Рязанской области. Данное местонахождение расположено у северной окраины села на левом коренном

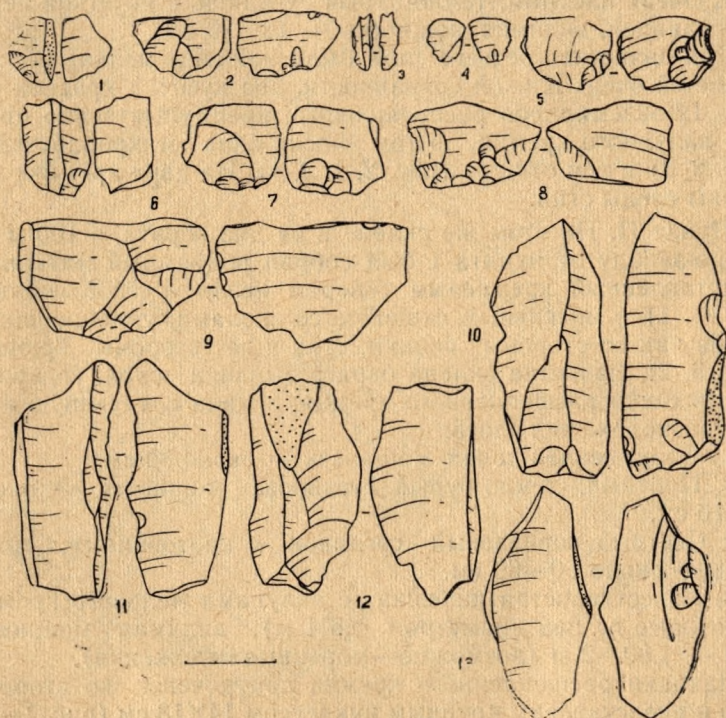

Рис. 2. 1—4—из пункта 1 (зачистка); 5—9, 12, 13—подъемный материал из пункта 1; 10, 11—из пункта 2 (зачистка).

берегу р. Цны, в овраге, выходящем в ее долину, недалеко от карьера по добыче известковистой щебенки (рис. 1). Находки были сделаны в двух пунктах.

Пункт 1. Рядом с дорогой, ведущей на карьер, в осыпи левого склона оврага и на его дне собрано 14 экземпляров расщепленного мелового и цветного валунного кремня, представленного отщепами и осколками с нуклеусов (рис. 2, 5—9, 12, 13). Среди находок имеются 2 окатанных отщепа с довольно глубокой патиной (рис. 2, 5 и 9). Возможно, они относятся к эпохе палеолита. Зачистка склона оврага выявила здесь следующее расположение слоев:

1. Современная почва, мощность — около 20 см;
2. Зернистый песчаный серозем, мощность — около 90—95 см;
3. Очень плотный, темно-бурый суглинок, с нечеткой верхней границей, видимая мощность — 18—20 см.

При зачистке третьего слоя были найдены мелкие обломки костей очень плохой сохранности, два кусочка красной охры и 12 экземпляров расщепленного, преимущественно цветного валунного кремня, в том числе одна микропластинка (рис. 2, 3) и три отщепа (рис. 2, 1, 2, 4). На двух кремнях отмечены следы огня.

Пункт II. На этом же склоне и на дне оврага, в 100 м к северо-западу от пункта I был собран подъемный материал, представленный кремневым топором неолитического облика (рис. 3, 1) и массивным отщепом со сколами, уплощающими лезвие как со стороны спинки, так и со стороны брюшка (рис. 3, 2). Зачистка склона оврага выявила слой, содержащий находки расщепленного кремня, и дала следующую картину расположения слоев:

1. Современная почва, мощность — около 30 см.
2. Плотный, темно-бурый суглинок, мощность — около 10—16 см.
3. Светлый коричневый суглинок с кротовинами, мощность — около 50—60 см.
4. Известковистая щебенка с валунами мелового кремня (некоторые из них диаметром до 1 м), видимая мощность слоя — 1.80—2 м (возможно—моренные отложения).

Находки расщепленного кремня приурочены ко второму слою и представлены крупным нуклеусом 14×13 см (рис. 1—3) и двумя пластинчатыми отщепами (рис. 2, 10—11).

Обнаруженные на малостуденецком местонахождении об-

Рис. 3. 1, 2—подъемный материал из пункта 2; 3—из пункта 2 (защитка).

работанные кремни отличаются друг от друга как техникой раскалывания и вторичной обработкой, так и степенью пати-низации, что свидетельствует об их одновременности. Однако немногочисленность материала пока не позволяет судить о принадлежности находок к конкретным периодам каменного века.

Были обследованы также места находок четвертичной фауны и в восточной части Приволжской возвышенности, а именно — у с. Силино Ардатовского и у с. Ардатово Дубенского районов Мордовской АССР. Кости четвертичных животных неоднократно находили в с. Силино, в обрыве правого крутого берега р. Меня, в 10 м ниже впадающего в реку ручья. Некоторые из костей, а именно: — обл. бивня и 2 обл. зуба мамонта, череп и зуб бизона и череп лося хранятся в местной школе. Высота берега над уровнем реки — около 8 м. Четвертичные отложения представлены плотным коричневым суглинком (мощность 6—7 м), подстилаемым щебенкой (мощность 0,5—1 м). При обследовании берега находок не было.

В с. Ардатово на правом берегу оврага «Калма-Латко», к северо-западу от села, у колхозных ферм местными жителями были обнаружены следующие кости: обл. бивня и 2 обл. длинных костей мамонта. Четвертичная толща представлена коричневатым суглинком с щебенкой (мощность — 4 м). При обследовании оврага находок не было. Кости хранятся в местной школе.

Таким образом, результаты проведенной разведки свидетельствуют о перспективности поисков следов древнейшего заселения человеком территории Приволжской возвышенности и близлежащих территорий.

¹ В составе отряда работали В. Д. Артемова и В. Н. Шитов.

² Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960, с. 65-66.

ТОТОРШЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Летом 1975 г. археологической экспедицией Мордовского госуниверситета были продолжены раскопки Тоторшевского могильника, исследованного в 1926 г. одним из отрядов комплексной экспедиции Московского госуниверситета под руководством А. Е. Алиховой.

Могильник расположен в юго-восточной части бывшего с. Тоторшева, ныне входящего в черту города Ардатова Горьковской области, на правом высоком берегу р. Леметь, впадающей в Тешу. Площадь могильника застроена усадьбами местных жителей, которые при рытье ям и погребов постоянно находят бронзовые украшения и человеческие кости.

Раскоп 1975 г. был заложен в направлении север—северо-запад — юг — юго-восток по ул. Комсомольской. На вскрытой площади в 50 м² было обнаружено 11 погребений (рис. 1). Погребения 8 и 11 — детские; 10, 12а, 13, 9а, 14 — мужские; 7, 9, 11а, 12 — женские.

Все захоронения совершены по обряду ингумации, в вытянутом положении, на спине, в грунтовых ямах подпрямоугольной формы и ориентированы головой на северозапад. Отмечается зависимость размеров могильных ям от пола и возраста умерших. Средняя глубина и длина мужских погребений больше женских и детских, но женские погребения имеют большую ширину. Положение рук и головы было разнообразным, как в мужских, так и в женских погребениях, и какой-либо зависимости здесь не прослеживается. Остатков гробовищ, колод и других деревянных конструкций обнаружено не было. Костей диких и домашних животных в погребениях также не найдено.

В планировке могильника прослеживаются две особенности. Первая заключается в троекратном захоронении умерших в рядом расположенных очень близко одна от другой могилах (погребения 9 и 9а, 11 и 11а, 12 и 12а (рис. 1)). При этом следует указать на то, что в двух случаях повторялись захоронения мужчины и женщины (погребения 9 и 9а, 12 и 12а). Мужские погребения располагались справа от женских.

Второй особенностью планировки могильника является находка рядом с погребением 7 на глубине 20 см отдельного комплекса вещей (рис. 1), состоящего из набора сцепленных между собой сюлгам, бронзового бубенчика и нескольких бус,

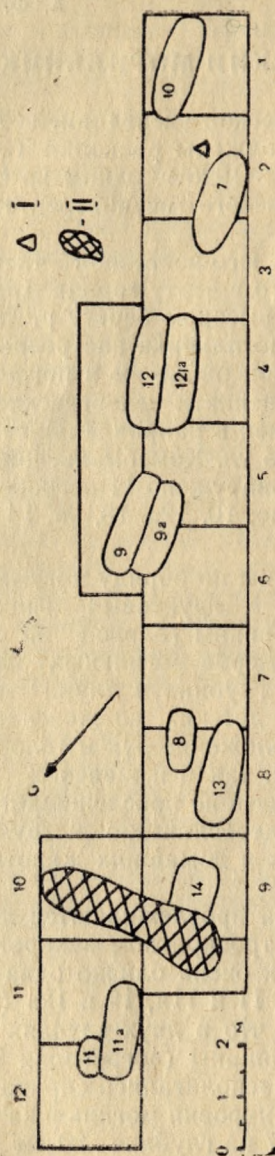

Рис. 1. План раскола Тоторшевского могильника.

I — отдельный комплекс вещей; II — яма.

по форме не отличавшихся от подобных же вещей, находящихся непосредственно в могилах. При этом некоторые из этих предметов, по-видимому, намеренно смяты и изломаны, что, по мнению Е. И. Горюновой, является свидетельством символического «умерщвления» вещей¹. В целом же анализ погребального обряда могильника показывает, что население на данной территории в этот период было, по-видимому, языческим. Каких-либо атрибутов, свидетельствующих о принятии христианства, не отмечено. Наоборот, проявляются черты языческих верований, в частности: символическое «умерщвление» вещей и находка отшлифованных позвонков какого-то животного, входящих в состав ожерелья в детском погребении 11.

Вещевой инвентарь довольно однороден. Это позволяет предположительно заключить, что мы имеем дело с захоронениями, относящимися к сравнительно небольшому промежутку времени и принадлежащими одному этносу. При этом наблюдается почти полное отсутствие украшений в мужских погребениях, если не считать изредка встречаемых в них сюлгам (рис. 3). Беден и производственный инвентарь, представленный в материалах могильника. Возможно, количество погребального инвентаря в могилах этого периода не отражает социального положения умерших.

Вещевой инвентарь погребений в основном располагался непосредственно на костяках, но некоторые предметы лежали и в стороне от них (рис. 2). Обычно это сюлгамы, ножи, пряслица и бусы, ничем не отличающиеся от подобных же вещей, покоящихся на костяках.

Характерной особенностью могильника является отсутствие глиняной посуды.

Преобладающими в инвентаре являются украшения. Самые распространенные из них — сюлгамы (33 экз.). По диаметру, сечению кольца и устройству концов их можно разделить на четыре типа.

1 тип. Круглые в сечении сюлгамы с загнутыми в желобчатые трубочки концами. Диаметр сюлгам от 3 до 6 см (рис. 3, 1). По направлению развития эволюционного ряда сюлгам, определенного В. В. Гольмстен², а также по уточненной датировке сюлгам В. И. Вихляева³, данный тип характеризуется широким хронологическим и территориальным диапазоном бытования, встречаясь в памятниках мордвы уже с первых веков 1 тыс. н. э.

2 тип. Такие же круглые в сечении сюлгамы, но имеющие

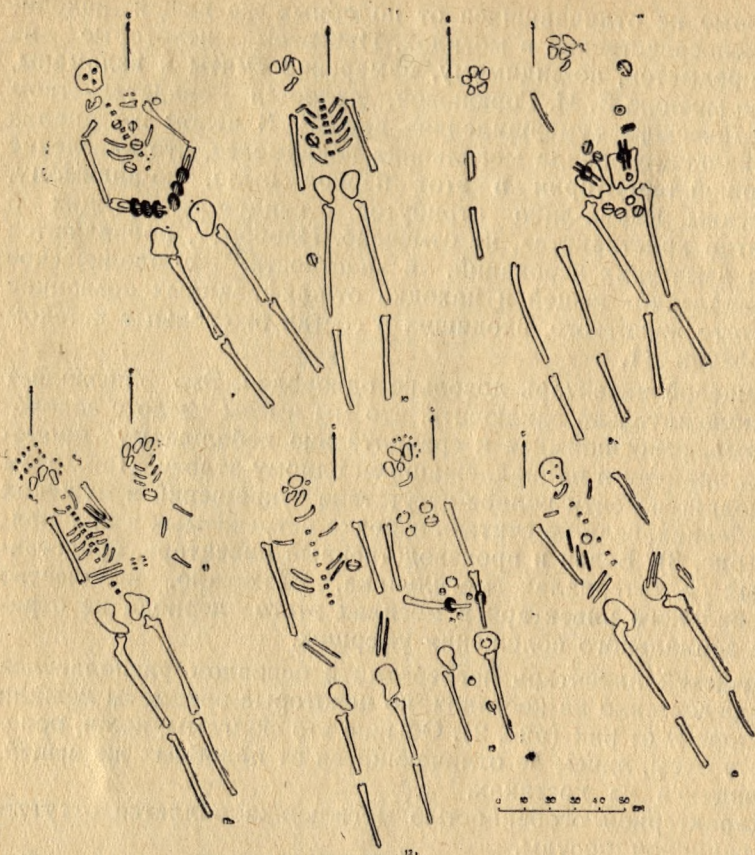

Рис. 2. Планы погребений.

в отличие от 1-го типа концы, расплющенные в округлые пластинки, которые служили основанием для прикрепления «глазков» из синих бус. Наибольший диаметр данных сюлгам достигает 5,5 см (рис. 3, 2).

3 тип. Такая же круглая в сечении сюлгама, концы которой, в отличие от первых двух типов, переходят непосредственно в оправу-коронку для «глазков» из синих бус. (рис. 3, 3).

4 тип. Ложновитые бронзовые сюлгамы диаметром 6—7 см, концы которых также расплющены в округлые пластинки, для прикрепления «глазков» из половинок бус (рис. 3, 4). Аналоги для всех типов сюлгам имеются в Сарлейском⁴, Коринском⁵ и других эрзянских могильниках.

Необходимо отметить, что для всех сюлгам характерна самая разнообразная взаимовстречаемость разных их типов в погребениях.

Многочисленную серию находок составляют браслеты. Все они пластинчатые, с несколько сужающимися концами (рис. 3, 5) и орнаментированы 5 типами геометрического рисунка.

Основу узора 1-го типа составляют четыре параллельные желобчатые линии, прерывающиеся диагонально пересеченным прямоугольником, окаймленным такими же желобчатыми линиями (рис. 3, 13). Раппортом узора 2-го типа являются листовидные фигуры и прямоугольники, заполненные симметричным растительным рисунком и заштрихованные частью в горизонтальном, а частью — в вертикальном направлениях (рис. 3, 16). 3-й тип имеет в основе узор, составленный двумя волнистыми линиями, заключенными между несколькими прямыми и прерывающимися диагонально пересеченным прямоугольником, окаймленным со всех сторон боковыми выемками (рис. 3, 14). 4-ый тип дает простейший вариант геометрического узора, состоящего из двух взаимопересекающихся зигзагообразных линий, заключенных между двумя горизонтальными линиями (рис. 3, 17). Узор 5-го типа образуется также проведением двух взаимопересекающихся зигзагообразных линий между параллельными горизонтальными прямыми, но проходит уже двумя полосами по поверхности браслета в отличие от узора четвертого типа (рис. 3, 15). Аналогии геометрическому орнаменту браслетов данного памятника известны на браслетах из Сарлейского позднего эрзянского могильника⁶ и из младшего комплекса могильника у поселка Заря⁷. Следует указать на относительную древность браслета с орнаментом 1 типа. В младшем

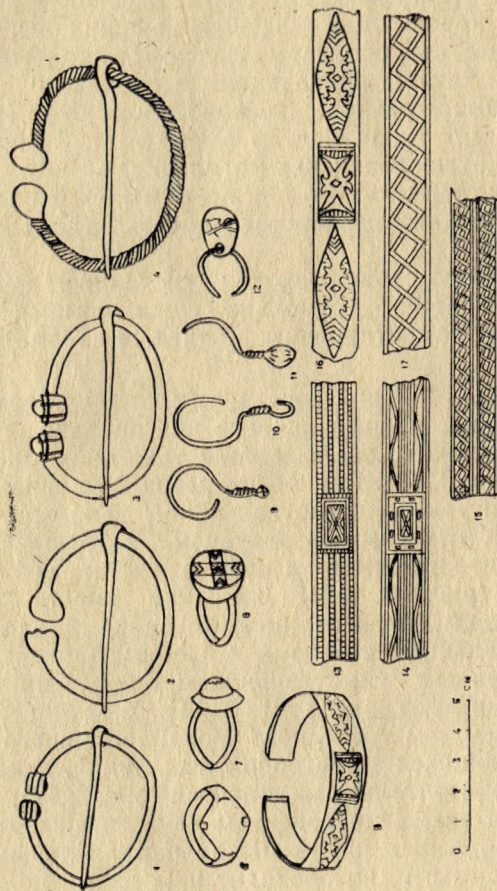

Рис. 3. Вещи из погребений.

1, 12—погр. 8; 2, 6, 7, 15—погр. 12; 3—из скопления украшений в кв. 2; 4, 13, 14—погр. 7; 5, 9, 16, 17—погр. 9; 8—погр. 13; 10, 11—погр. 11а.

комплексе могильника у поселка Заря аналогичный браслет встречен вместе с вещами XIII — XIV вв.

Многочисленными находками являются перстни трех типов.

1 тип. Перстень с треугольным в сечении ободком, переходящим в ромбовидный щиток, разделенный посередине на два треугольника (рис. 3, 6).

2 тип. Перстень с плоским в сечении ободком, имеющим обычно коронку с «глазком» из половинки синей бусины. Основанием для коронки служит прикрепленный к ободку круглый щиток (рис. 3, 7).

3 тип. «Звнящий» перстень с плоским ободком. Щиток его представляет из себя рассеченный пополам шар. Место сечения полушария покрыто круглой плоской пластинкой, орнаментированной геометрическим узором. Внутрь полушария помещена бусина для придания звона перстню в момент движения руки (рис. 3, 8). Первым двум типам перстней имеются аналогии в Сарлейском могильнике⁸, а третьему — в курганных могильниках «Торжок»⁹ и у с. Лобаски¹⁰.

Заслуживают внимание и серьги, представленные в могильнике четырьмя типами.

1 тип. Бронзовая серьга в виде знака вопроса с бипирамидальным грузиком на конце (рис. 3, 9).

2 тип. Бронзовая серьга в виде знака вопроса с ромбовидным загнутым концом (рис. 3, 10).

3 тип. Бронзовая серьга в виде знака вопроса с биконическим концом (рис. 3, 11).

4 тип. Бронзовая серьга в виде несомкнутого кольца с подвешенной монетой, на которой отчеканена надпись: «Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси» (рис. 3, 12).

В целом серьги первых трех типов, видимо, не представляют чего-либо характерного и типичного только для данного могильника. Аналогии им имеются не только в поздних мордовских могильниках, но и далеко за пределами распространения последних: на Северном Кавказе в памятниках XIV в¹¹, в Прикамье¹² и т. д.

Предметов вооружения в могильнике не встречено, хотя летописи середины XVI в. сообщают, что мордва — это «землепашцы и трудники и злолютые ратники»¹³. В Тоторшевском могильнике отсутствие оружия могло быть связано с вхождением мордвы в состав русского централизованного государства, снявшего необходимость в вооружении, или вообще с изменением идеологии и погребальных обычаев мордвы.

Приведенные далеко не полные аналогии показывают, что Тоторшевский могильник близок к таким памятникам мордвы, как Сарлейский, Коринский, Беловодский, Дубровский и др. Длительность его функционирования вряд ли превышает три столетия: Верхняя дата его, благодаря находкам монет царствования Михаила Романова и так называемых «мордовок», может быть определена в рамках XVI—XVII вв. Аналогии погребальному обряду и вещевой материал позволяют рассматривать Тоторшевский могильник как памятник мордвы-эрзи.

¹ Е. И. Горюнова. Сарлейский могильник. Археологический сборник, т. 1. Саранск, 1948, с. 24.

² В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Известия Самарского госуниверситета, вып. 5. Самара, 1923, с. 7, 10, 12, рис. 1—8.

³ В. И. Вихляев. Сюлгамы из могильников селиксенского и армиевского типов. СА, 1972, № 3, с. 190.

⁴ Е. И. Горюнова. Ук. раб., с. 149, рис. 8; с. 158, рис. 3; с. 148, рис. 1; с. 145, рис. 2.

⁵ Там же, с. 155, рис. 7; с. 158, рис. 3; с. 157, рис. 5—6.

⁶ Там же, с. 149, рис. 1, 4; с. 155, рис. 3.

⁷ М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Археологический сборник, т. 2. Саранск, 1952, с. 83.

⁸ Е. И. Горюнова. Ук. раб., с. 146, рис. 9, 12; с. 148, рис. 9; с. 146, рис. 13; с. 148, рис. 8.

⁹ Е. И. Горюнова. Краткий отчет о работе экспедиции 1939 г. Рукописный фонд МНИИЯЛИЗ, дело И-58, с. 109—112.

¹⁰ П. Д. Степанов. Археологические работы в МАССР в 1940—1941 гг. Записки МНИИЯЛИЗ, № 6. Саранск, 1941, с. 69.

¹¹ И. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке. Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 170, рис. 7, 1а, 1б.

¹² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28. М., 1952, с. 218, рис. 6, 7.

¹³ ПСРЛ, т. 19, с. 304.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АС — Археологический сборник
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Исследования по археологии Кавказа
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР
МРКМ — Мордовский республиканский краеведческий музей
ПОКМ — Пензенский областной краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ
СА — Советская археология
Тр. РУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
УЗ КабНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗ СГПИ и СГУ — Ученые записки Саратовского госпединститута и Саратовского госуниверситета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Р. Полесских. Армиевский могильник	5
И. М. Петербургский. Второй Журавкинский могильник	57
В. Н. Мартьянов, Д. Т. Надькин. Об этнической принадлежности населения рязанского и муromского Поочья I тыс. н. э.	103
Ю. А. Зеленеет, В. Н. Шитов. О планировке Старо- кадомского могильника	134
В. И. Вихляев. О генезисе культуры южномордовских племен	140
В. Н. Мартьянов. Федоровское городище	148
В. Д. Артемова. Находки каменных орудий на запад- ной окраине Приволжской возвышенности	158
А. Ф. Богачев. Тоторшевский могильник	163
Список основных сокращений	171

Редактор Е. А. Макейчева
Технический редактор В. Т. Ваганова
Корректоры В. П. Попова, Р. П. Овечкина

Сдано в набор 13-IX-1977 г.

Подвисано к печати 6/III-79 г.

Ю01161. Бумага 60×84¹/₁₆

Печ. листов 9,98   Уч.-изд. листов 9,34

Тираж 500 экз.   Заказ № 12940.

Цена 80 коп.

Мордовское книжное издательство Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли Совета
Министров Мордовской АССР, 1979.

Типография издательства «Пензенская правда» Пензенского
обкома КПСС. г. Пенза, К. Маркса, 16.